АНАТОЛИЙ КАРПОВ

А ЗАВТРА СНОВА В БОЙ...

СЛ

АНАТОЛИЙ КАРПОВ

К

СПОРТ И ЛИЧНОСТЬ

АНАТОЛИЙ
КАРПОВ

А ЗАВТРА СНОВА В БОЙ...

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1982

75.581
К 26

Карпов А. Е.

К26 А завтра снова в бой... — М.: Мол. гвардия; 1982 г. — 240 с., ил. — (Спорт и личность).
90 к. 100 000 экз.

Книга трехкратного чемпиона мира по шахматам о себе и своих товарищах и соперниках, о своей жизни в шахматах, и не только в шахматах. О матчах на первенство мира в Багио и Мерано.

К $\frac{4202000000—151}{078(02)—82}$ Без объявл.

ББК 75.581
7А9.1

© Издательство «Молодая гвардия», 1982 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. ПЯТЬ СТРАНИЦ «О СЧАСТЬЕ»

На одной из пресс-конференций журналисты спросили меня, какой день был самым счастливым в моей жизни. И я задумался: «Действительно, какой?»

Может быть, 24 апреля 1975 года, когда доктор Макс Эйве, бывший в ту пору президентом ФИДЕ, провозгласил меня двенадцатым в истории шахмат чемпионом мира и увенчал лавровым венком? Тогда мне не исполнилось еще и двадцати четырех лет. Из моих одиннадцати предшественников только Таль стал чемпионом мира примерно одних лет со мной или даже чуточку раньше, а все остальные поднимались на шахматный Олимп в более зрелом возрасте. Ласкеру было двадцать пять, Спасскому и Фишеру — по двадцать девять, Капабланке, Алехину, Эйве, Смыслову, Петросяну, Ботвиннику — за тридцать, а первому чемпиону мира Стейницу — пятьдесят.

Но, пожалуй, более важным, чем мой возраст, было тогда то обстоятельство, что шахматная корона после трехлетнего перерыва вернулась из-за океана в Москву. И вместе со мной этому событию радовались миллионы шахматистов и шахматных болельщиков во всех уголках нашей необъятной страны.

И все же в тот день счастье мое было неполным. Настроение испортил одиннадцатый чемпион мира, американец Роберт Фишер, который уклонился от борьбы со мной за шахматным столиком, предпочитая ей долгую словесную перепалку. Это позволило кое-

кому высказать сомнение в моем праве на шахматный престол. И хотя Фишер после того, как стал чемпионом мира, больше не участвовал в серьезных шахматных турнирах, его авторитет в шахматном мире все же был очень высок, — у всех в памяти были его блистательные победы в матчах претендентов, ему трижды (больше, чем кому бы то ни было) присуждался шахматный Оскар, у него был самый высокий рейтинг.

Я хотел сразиться с Фишером и понимал, что никакими громкими словами не смогу поколебать скептиков и только победами над сильнейшими шахматистами планеты докажу действительно, кто есть кто.

Что же, это мне удалось. В течение трех последующих лет я выступил более чем в пятнадцати крупных международных турнирах, моими соперниками были все сильнейшие гроссмейстеры, сыграл за это время более ста пятидесяти партий, почти половину из них выиграл и только четыре проиграл. А главное — стал обладателем еще большей, чем у Фишера, коллекции Оскаров. К 1978 году их у меня было пять!

Но наслаждаться счастьем было некогда — закончился очередной цикл выявления претендента на титул чемпиона мира.

Моим соперником опять, как и в 1974 году, стал Корчной. В 1976 году он покинул Советский Союз и за рубежом занялся клеветой на советских шахматистов. Матч между нами становился принципиальным. Наши советские болельщики не простили бы мне поражения. Согласитесь, когда на карту поставлен не только личный престиж, но и самолюбие отечественной шахматной школы, играть становится труднее.

Матч 1978 года за звание чемпиона мира проходил в филиппинском городе Багио. Был он самым продолжительным в истории шахмат и закончился моей победой.

Можно ли назвать день 18 октября 1978 года счастливым? Пожалуй, да. Я отстоял свое звание. Но опять-таки для полного счастья этого было недостаточно... Матч оказался не только продолжительным, но и ужасно нервным, тяжелым. Я безмерно устал. Устали и мои друзья, помогавшие мне, поддерживавшие меня. Долгие месяцы мы провели далеко от дома в условиях, прямо скажем, не очень приятного и привычного для нас климата. Да еще

обстановка на матче по вине претендента была весьма напряженной.

Однако, несмотря ни на что, игра в матче складывалась в мою пользу. Я все время вел в счете и к 28-й партии добился решающего превосходства — 5 : 2. И тут позволил себе расслабиться, полагая, что дело сделано и уж шестую-то партию я выиграю, и притом быстро. Ан нет! Сказались и усталость, и нервное напряжение. Сопернику удалось к 32-й партии сравнять счет. Мне пришлось собрать свою волю в кулак, мобилизовать все свои возможности, чтобы дать решающий бой претенденту.

Прошло еще три года. Я продолжал играть в крупных международных и отечественных турнирах, моя коллекция Оскаров пополнилась еще двумя. И вот наступила пора очередного матча с претендентом на шахматную корону. И опять мне пришлось играть против Корчного.

Матч 1981 года проходил в итальянском курортном городке Мерано. Проходил он не так, как в Багио, и это несмотря на предматчевые заявления Корчного и его поклонников, что теперь-то уж претендент не просто победит чемпиона, а решительно его разгромит.

Но события развивались вопреки прогнозам и желаниям претендента. К четырнадцатой партии счет был уже 5 : 2 в мою пользу. Правда, поклонники Корчного не преминули заметить, что подобный счет был и в Багио, после чего последовало три моих поражения (и уж на этот-то раз Корчной не упустит свой шанс!). Но я учел тот опыт и не позволил себе расслабиться после пятой победы. Я настраивался на упорную борьбу до конца. И победа пришла в 18-й партии. На сорок с лишним дней быстрее, чем в Багио!

Можно было бы назвать 20 ноября 1981 года самым счастливым днем в моей жизни... Но думаю все же, что самый счастливый день у меня еще впереди.

Считается, что тридцать лет — пора расцвета способностей шахматиста. И я настраиваю себя на дальнейшую борьбу с любым соперником — будь то представитель нашей славной старой шахматной гвардии, которая не складывает своего грозного оружия, будь то кто-либо из моих сверстников, которые только и жаждут сразиться со мной за шахматный престол, будь то кто-то из тех

честолюбивых юношей, которых поднимает на высокий гребень новая шахматная волна. Некоторые из них уже сейчас примериваются к шахматной короне...

Но когда рано или поздно (я понимаю, это когда-нибудь обязательно случится) на шахматный трон взойдет тринадцатый чемпион, вот тогда на досуге у меня будет время подумать о том, какой день назвать самым счастливым. И быть может, тогда я назову не день своей последней победы, а тот самый первый день, когда отец — Евгений Степанович, посадив за шахматную доску, сыграл со мной первую партию... С тех пор шахматы вошли в мою жизнь. Больше того, постепенно стали моей жизнью.

Шахматам я отдаю большую часть своего времени — много играю, занимаюсь совершенствованием, работаю с тренерами, изучаю творчество своих возможных соперников, анализирую сыгранные партии. Но у меня остается время и для других дел...

Недавно меня назначили главным редактором журнала «64 — Шахматное обозрение». Работы здесь хватает. И она связана не только с шахматами.

На XVII и XVIII съездах комсомола делегаты избрали меня членом Центрального Комитета ВЛКСМ. По заданиям ЦК ВЛКСМ я выезжал в командировки по стране — был в Сибири и на Дальнем Востоке, на Кавказе и в Средней Азии, исколесил всю европейскую часть СССР. Мне дано поручение — пропагандировать шахматы среди молодежи. Читаю лекции, даю сеансы одновременной игры, провожу беседы с молодыми шахматистами, выступаю в печати, на телевидении, по радио, встречаюсь с руководителями областных, краевых, республиканских партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, повсеместно ратую за создание шахматных клубов и могу гордиться — за последние годы их число в нашей стране быстро растет...

В 1978 году я закончил Ленинградский университет, экономический факультет. Но не считаю свое образование завершенным. В том же году произошло еще одно важное событие в моей жизни — я женился, а через год у нас с Ириной родился сын — Анатолий. (Может быть, все-таки этот день считать самым счастливым?)

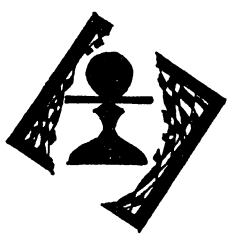
Сын, конечно, требует к себе внимания. И его воспитанию мы отдаем немало сил и времени.

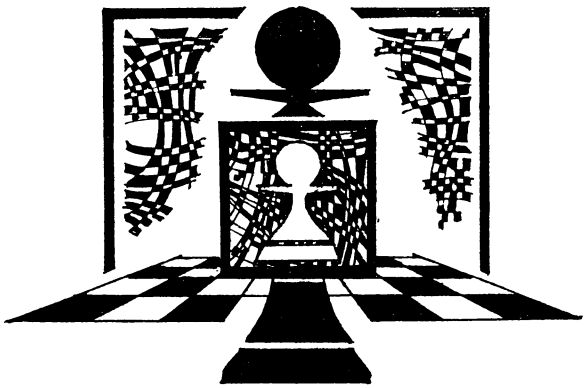
Так что свободного времени лично у меня почти не остается. Но, уж если оно появляется, стараюсь использовать его с толком. Очень люблю читать. Особенно художественную и приключенческую литературу. Люблю поэзию — Блока, Лермонтова, Есенина. Люблю ходить в театр, кино. Люблю музыку, больше легкую, эстрадную. Люблю спорт и все виды игр вне зависимости от их престижности, если так можно выразиться. Играть люблю, но не люблю проигрывать, а уж коль проиграю, всегда пытаюсь взять реванш. Есть у меня и хобби — филателия. Собираю марки. Сложилась большая коллекция. Стараюсь узнать о своих марках все, что можно, и о той стране, где они вышли, и о художниках, их создавших. Поневоле постигаешь информацию и о людях, и о событиях, причастных к сюжету марки.

И все же шахматы занимают большую часть моей жизни. И им, шахматам, моей жизни в шахматах посвящена эта книга, которую я специально подготовил для молодогвардейской серии «Спорт и личность».

Это не первый мой литературный опыт. Быть может, внимательный читатель заметит, что в этой книжке я возвращаюсь к событиям, знакомым по таким книгам, как «Девятая вертикаль», вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» и написанной мною в соавторстве с Александром Рошалем, «В далеком Багио», увидевшей свет в издательстве «Советская Россия».

Я надеюсь, что читатель не осудит меня за бесхитростный сюжет новой книги—просто я рассказал в ней обо всем, что касается моей шахматной жизни, в хронологическом порядке без каких-либо прикрас.

Глава I

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Играть в шахматы я научился, когда мне не было и пяти лет. Жили мы тогда в Златоусте. Старшая сестра Лариса училась в школе, а я сидел дома — в детстве часто болел, и в детский сад меня не решились отдать. Хлопот родителям мы, дети, доставляли, наверное, немало. Поэтому мама, Нина Григорьевна, была вынуждена уйти с работы и полностью переключиться на домашние заботы.

Отец в то время работал старшим мастером на заводе. Работал много и был на хорошем счету. Хотели его даже выдвинуть на должность главного инженера, да образования не хватило — всего лишь техникум.

Мама настояла, чтобы отец продолжил учебу. И, как нам ни было трудно, проводила его в Москву, в Бауманский институт. Для опытных производственников срок обучения там был сокращен до трех лет. (Из Мо-

сквы отец вернулся в Златоуст уже с дипломом инженера-механика.)

Как же началось мое знакомство с шахматной игрой? Отец был большим любителем шахмат, хотя не участвовал в официальных турнирах и разряда не имел, но играл сильно. К нам приходили его товарищи по работе, чтобы сразиться за шахматной доской. Увлекались игрой и засиживались часами, мама чуть ли не силой заставляла их оторваться от игры и что-либо перекусить.

Я, конечно, не отходил от играющих. Шахматы тянули к себе как магнит — мог часами стоять и наблюдать за игрой.

Постепенно стал соображать, что передвигаются фигуры по доске не как попало, а по определенным правилам. Что каждая из фигур имеет свою цену, что в игре надо стараться побить более ценные фигуры противника и сразить его короля.

Я просил отца сыграть со мной, уверяя, что уже знаю, как и что нужно делать, но он обычно отказывал — рано еще, не дорос...

Наконец настал день, когда отец сдался на мои уговоры и мы сели за стол, разложили доску. К его удивлению, я самостоятельно быстро расставил все фигуры и сделал первый ход королевской пешкой — так всегда начинал игру мой отец.

Устроив мне небольшой экзамен, он убедился, что я знаю, как ходят конь, слон, ладья, король и ферзь. Знаю и то, как пешки и фигуры бьют друг друга.

Началась игра. Отец старательно подставлял мне свои фигуры, и скоро у него остался один король, в окружении трех пешек, а я никак не мог его замат овать.

Потом сыграли еще одну партию, и еще. Отец умело направлял мои действия, возвращал ходы, заставлял думать... Я все больше и больше увлекался этой чудесной игрой.

К сожалению, встречи наши за шахматной доской проходили довольно редко — отец в то время учился в Москве, приезжал домой на несколько дней и снова надолго уезжал. Я с нетерпением ожидал каждого такого приезда. Уж тогда мама сердилась на нас двоих — все наше внимание поглощали только шахматы.

С каждым приездом отца я играл все сильнее и сильнее. Даже как-то выразил недовольство ему, что часто нарочно подставляет мне фигуры. Отец улыбнулся, потом нахмурился и быстро поставил мне мат.

Я поджал губы. Чуть не расплакался, да отец сказал: «Запомни: без проигрышей нет и побед, а станешь реветь, так я вообще с тобой играть не буду...»

Эти слова я запомнил на всю жизнь. И быть может, именно тогда бессознательно, интуитивно начал постигать важнейшую премудрость шахмат: угроза страшнее исполнения...

К шести годам я уже бредил шахматами. Не хватало терпения дождаться приезда отца, и я искал соперников у себя во дворе... Правда, поначалу играть было не с кем — среди сверстников о шахматах никто и понятия не имел, а ребята постарше не обращали на меня никакого внимания.

Но мне повезло. Тогда в большие шахматы входил Михаил Таль. Это имя все знали, и все за него болели: еще бы, молодая звезда! Ему было тогда всего 20 лет, он еще не имел звания гроссмейстера, но в 1957 году уже стал чемпионом СССР, опередив в турнире восьмерых гроссмейстеров, четверо из которых были участниками недавних матчей претендентов на матч с чемпионом мира! Через три года — в 1960 году — он, выиграв претендентские матчи, победил самого Ботвинника и стал чемпионом мира.

Его игра была блистательна, оригинальна и производила на всех такое сильное впечатление, что даже проигрыш через год в матче-реванше не повлиял на его популярность. Шахматные болельщики продолжали (и

теперь продолжают) любить Таля так, как никого из шахматистов еще не любили!

Именно тогда, в конце 50-х годов, наш город Златоуст, наверное, как и многие другие города страны, охватила настоящая шахматная лихорадка. У нас во дворе эта игра на время вытеснила все прочие забавы, даже футбол. Мальчишки резались в шахматы целыми днями.

Я неизменно был рядом с играющими и при каждом удобном случае подсказывал ходы то одному, то другому сопернику. Сначала от меня отмахивались, но потом, постепенно поняв, что мои подсказки не так уж плохи, частенько пользовались ими. А потом как-то Саша Колышкин — самый старший и самый заядлый шахматист из дворовой компании — предложил мне с ним сыграть. Видимо, он отнесся ко мне не очень серьезно, я ведь и в школу еще не ходил, и был по росту меньше его чуть ли не вдвое, потому и играл довольно небрежно, а когда спохватился, было уже поздно — партию спасти ему не удалось.

— А ну давай еще! — предложил Саша, хотя игра шла на «высадку» и он должен был уступить место следующему «претенденту».

Спорить с Сашей не стали. Дальнейшая игра между нами шла с переменным успехом. То Саша выигрывал у меня, то я у него. Остальные толпились вокруг столика и внимательно следили за нами. Такого еще во дворе не бывало — Саша обычно довольно легко расправлялся со всеми соперниками и по праву считался чемпионом.

Колышкин оказался настоящим шахматистом. Ему уже давно надоели слабые противники, а со мной играть ему было интересно. Мы подружились, хотя Саша был на пять лет старше и учился в школе вместе с моей сестрой Ларисой. И впоследствии моими друзьями всегда были люди намного старше меня.

Саша Колышкин уговорил моих родителей разрешить посещать мне шахматную секцию Дворца спорта

металлургического завода, заверив их, что будет сопровождать меня туда и обратно и отвечать за мою безопасность головой.

В это время во Дворце спорта должен был проводиться квалификационный турнир на выполнение норм третьего разряда. Участвовать в нем могли только те шахматисты, которые уже имели какой-либо разряд. А неорганизованных вроде меня в него не принимали. Саша и все другие ребята с нашего двора горячо уговаривали Алексея Ивановича Пака — руководителя шахматной секции — включить меня в состав турнира в порядке исключения. Но это было не только нарушением правил, а еще и понижало уровень турнира, следовательно, повышало квалификационную норму. Алексей Иванович сомневался: стоит ли на это идти? Единственным весомым аргументом за мое включение было заявление Саши: «Да он (то есть я) хорошо играет, даже у меня выигрывает».

Алексей Иванович решил меня испытать. Кому-то пришла в голову мысль поручить роль моего экзаменатора старейшине шахматной секции Златоуста. Ему было тогда уже за семьдесят, но выглядел он довольно бодро, а главное — по-прежнему сильно играл в шахматы, имел второй разряд. Почему он согласился играть со мной, до сих пор не пойму. Наверное, обладал большим чувством юмора: ну разве это неоригинально — матч семидесятилетнего старика с семилетним малышом! И конечно, был уверен, что такой шпингалет, как я, особой опасности для него не представит.

Так или иначе мы сели за шахматный столик. Его тут же окружили мои друзья. Потом в ходе игры к ним присоединились чуть ли не все члены секции. Рождалась сенсация! Первоклассник побеждает ветерана! Потом в местной газете появилась заметка с нашей фотографией «Самый младший — против самого старшего».

После этого «эксперимента» Алексей Иванович за-

писал меня в турнир, в результате которого я сразу получил третий разряд.

Меня включили в сборную команду златоустовских школьников.

Вместе с командой я впервые выехал за пределы родного города. Наша команда выступала против сборной команды школьников областного центра — Челябинска. Удачно сыграв в этом соревновании, я был включен в команду рабочих металлургического комбината. В составе этой команды мне пришлось играть уже против взрослых шахматистов Челябинского тракторного завода, трубопрокатного и других.

В те годы широко практиковали встречи сборных коллективов заводов и фабрик, различных учреждений, играли большими командами — на 30, 40, 50, а то и 100 досках! Такие встречи содействовали популяризации шахмат очень эффективно. Жаль, что теперь подобная практика стала редкостью. А если и проводятся такие встречи, то мальчишек уже не включают в рабочие коллективы. А зря. Попробуйте представить, какую гордость испытывал я, когда мне доверили (пусть на последней доске) защищать честь коллектива шахматистов металлургического комбината! И не только в своем городе. Вместе с командой я выезжал и в другие города своей родной области. Были у меня победы, были и поражения; главное, наверное, не в результате — в этих встречах я проходил хорошую шахматную школу, ведь играть приходилось с незнакомыми соперниками.

А у себя в Златоусте мы каждый день резались «на высадку» в блицпартиях, что тоже способствовало в не малой степени моей шахматной закалке. И впоследствии я всегда любил играть блиц и показывал хорошие результаты.

В одной из поездок в Челябинск я увидел на прилавке книжного магазина книжку В. Панова «Избранные партии Капабланки» и, не задумываясь, ее купил, заняв у Саши два рубля (в старом масштабе цен) — своих

карманных денег у меня тогда не было. Она стала первой в моей жизни шахматной книгой. Сейчас я удивляюсь, как просто эта книга мне досталась. Шахматная литература сегодня на полках не залеживается!

Я, конечно, тогда еще не ощущал особой необходимости в знании шахматной теории — игралось легко, сильные ходы рождались как бы сами собой, интуитивно... Но к этой книжке отнесся весьма серьезно. Это была первая встреча, хотя и заочная, не просто с сильным шахматистом, а с Великим шахматистом.

Я разобрал все с первой до последней партии Капабланки, проиграл их на шахматной доске, причем продумывал каждый ход сначала за себя, как бы я сыграл в данной ситуации, а потом «подсматривал», какой ход делал Капабланка. Старался понять почему. Так я выучил все его партии наизусть. И часто делал «капабланковские» ходы в играх со своими друзьями, даже не понимая этого. Однако позже многие отмечали у меня капабланковский почерк.

Как-то я заболел ангиной, и мама уложила меня в постель. Но и тут я продолжал заниматься шахматами. Раньше она довольно терпимо относилась к моим шахматным увлечениям, ибо они не мешали школьным занятиям — отметки я получал только хорошие. А тут вдруг заупрямилась и отобрала у меня доску, боясь, видимо, за мою больную голову. Но я уже мог играть в шахматы и без доски, «вслепую». Тут мама испугалась за меня еще больше — наверное, я был похож на сумасшедшего, — закатив глаза к потолку, проигрывал одну за другой капабланковские партии... Мама поспешила вернуть мне доску...

Как только я поправился, сразу же пошел во Дворец металлургов, в наш шахматный клуб. Там уже формировалась сборная команда для игры с командой Челябинского тракторного завода. Все очень обрадовались моему выздоровлению и снова включили в состав сборной команды взрослых шахматистов. Но теперь я полу-

чил «повышение» и играл уже не на последней доске, а где-то в середине команды...

Там, в Челябинске, состоялось мое знакомство с Леонидом Ароновичем Гратволом — отличным педагогом, отдававшим своим воспитанникам всю душу. (Именно благодаря этому тренеру выросли в Челябинске молодые, но уже известные Евгений Свешников, Геннадий Тимощенко, Александр Панченко.) Помог Гратвол и моему становлению.

В 1960 году я выполнил норму второго разряда, а через год и первого разряда. Но формально первый разряд присвоили лишь через несколько месяцев, на юношеском первенстве РСФСР в городе Боровичи. Даже в этом юношеском турнире я оказался самым младшим и к тому же еще был маленького роста: мне под ноги ставили скамеечку, а на стул клали подушку, чтобы уравнять с рослыми соперниками. Иногда, чтобы лучше видеть доску, приходилось проводить чуть ли не целую партию на ногах, стоя около шахматного столика. Эти соревнования единственный раз в жизни я начал сразу с двух нулей. Затем набрал $3^1/_2$ очка в четырех следующих партиях и опять потерпел поражение от здоровенного парня из Краснодарского края. Не выдержал, удрал из зала и разревелся. Потом взял себя в руки и достойно закончил турнир.

То был первый мой выезд за пределы области.

Не стану перечислять все многочисленные соревнования, в которых мне пришлось принять участие в 1961—1963 годах. Но первенство Челябинской области, завершившееся в январе 1963 года, упомянуть надо. В последнем туре я играл со своим «куратором» Гратволом. В случае победы выполнял норму кандидата в мастера, а Гратвол, победив меня, завоевывал бы важное для себя очко.

Десятки болельщиков окружили наш шахматный столик. Я играл белыми. Долгое время на доске царила атмосфера примерного равновесия, а когда стало ясно,

что черные не имеют шансов победить, Гратвол предложил мне подписать мир. Но я уже видел ход, который был началом форсированного маневра, ведущего к выигрышу... Проявил характер и не принял предложения!

Летом того же года меня направили в Москву, на сессию только что созданной школы Ботвинника: сессии проводились в дни зимних и летних каникул. Я побывал, кажется, на трех таких сессиях. Собиралось нас человек семь-восемь мальчишек. Ботвинник просматривал наши партии, мы вместе их анализировали, смотрели также лучшие партии, сыгранные гроссмейстерами в тот период.

Там, в школе Ботвинника, я познакомился с Юрой Балашовым, приехавшим из далекой Сибири. Юра удивлял нас всех своей необыкновенной памятью. Он мог абсолютно точно назвать не только все большие турниры, которые проводились в конце 50-х — начале 60-х годов, и перечислить всех призеров этих турниров, но назвать всех участвовавших шахматистов в том порядке, в каком они были расположены в таблице, а также результат каждой встречи и даже день недели, в какой та или иная встреча проводилась!

Мы все восхищались Юрой. Но я тогда не знал, что судьба свяжет нас долгой и крепкой дружбой — Юра Балашов станет моим тренером и секундантом на матчах за звание чемпиона мира.

Занятия в школе Ботвинника принесли свою пользу. Его подход к шахматам и, конечно, непосредственные замечания по поводу моей игры и моего совершенно бездарного разыгрывания дебютов — все это производило на меня сильное впечатление. Я стал читать шахматную литературу, ибо до знакомства с Ботвинником, кроме того сборника избранных партий Капабланки, ничего не читал. Ботвинник изменил мое отношение к шахматам, однако еще не настолько, чтобы я стал заниматься ими очень серьезно. Даже не зная теории, я мог

играть на равных со своими тогдашними противниками, уповая лишь на интуицию и способности.

Вообще в то время я особого впечатления на Ботвинника не произвел. В книге «Три матча Анатолия Карпова» он написал так: «В сеансе одновременной игры с часами я в выигранной позиции зевнул ему (то есть мне) ферзя, но тем не менее свел партию вничью».

Но на самом деле все было тогда несколько по-иному. Когда я увидел, что гроссмейстер зевает ферзя, то обратился к мастеру, ассистенту Ботвинника, чтобы тот предложил сеансеру взять ход назад. Экс-чемпион мира отказался, и тогда я, не желая получать «незаконное» очко, умышленно допустил ответный просмотр, приведший партию к ничьей.

В юности мне приходилось встречаться в сеансах не только с Ботвинником, но и с будущими своими соперниками по претендентским матчам. Считаю и сейчас, что сеанс — дело исключительно полезное. Особенно для молодых шахматистов, которые живут в тех районах, где нет своих сильных мастеров и гроссмейстеров, где трудно достать учебную литературу и самостоятельно совершенствоваться. И я стараюсь во время своих поездок по стране всюду, где это возможно, давать сеансы одновременной игры...

Мое посвящение в мастерское звание произошло в Ленинграде в 1964 году на турнире «Мастера против кандидатов» (шевенинген). Согласно шевенингенской системе мастера-экзаменаторы друг с другом не играют. Интерес младших по званию понятен: выполнил определенную норму — перешел в следующий ранг. Существовала, правда, норма и для мастеров, но это была чистая формальность, которая не обязывала их играть в полную силу.

До того времени, до ленинградского шевенингена, я вообще не играл с сильными шахматистами — это был первый турнир, где мне пришлось один на один встретиться с мастерами. И, как выяснилось, я тогда уже

достиг мастерской силы — результат мой оказался третьим. А ведь опередившие меня мастера имели фору: они играли с кандидатами, я — с мастерами.

Перевыполнив норму на два очка, я получил право носить звание мастера. Не без удовольствия вспоминаю, по крайней мере, две из сыгранных тогда партий: в одной я победил Александра Николаевича Чистякова, «пересчитав» в осложнениях известного мастера комбинационного стиля. В другой моим соперником был видный методист и теоретик Григорий Ионович Равинский. У него был накоплен громадный опыт разыгрывания типовых позиций из испанской партии. Мне удалось победить его черными, надвинув пешки ферзевого фланга и осуществив переход в характерный эндшпиль, который часто получается из подобных позиций.

Памятен для меня этот турнир еще и тем, что именно здесь я познакомился с Игорем Зайцевым, будущим гроссмейстером и очень интересным человеком. Через несколько лет мы стали с ним хорошими друзьями, и он вместе с Юрием Балашовым помогал мне готовиться к матчам за мировое первенство — был тренером и секундантом.

Здесь, на ленинградском турнире мастеров с кандидатами, я продолжал постигать шахматную науку. Иногда это происходило в довольно забавных ситуациях.

Вот один только пример. Наш турнир совпал с проведением первенства мира по футболу, и почти все шахматисты старались побыстрее закончить свои партии, чтобы успеть к экранам телевизоров. Помню, как в день доигрывания, примерно в районе так восьмидесятого хода, я получил с одним из мастеров эндшпиль: конь и две пешки против коня. Перевес явный, но соперник не желал сдаваться, и я начал подумывать о возможности отложить партию, чтобы доиграть ее на следующем сеансе. На всякий случай справился у главного арбитра о теоретической возможности отложить партию (поскольку время игры еще далеко не истекло, а я не очень-то

разбирался тогда в таких тонкостях). Смотрю, а судья уже несет мне конверт, чтобы положить в него бланк с записанным ходом (он тоже спешил посмотреть футбол). Говорю ему: «Нет, я откладывать не хочу, я просто поинтересовался, имею ли я на это право». Тогда мой соперник заявляет: «Если Карпов не будет откладывать партию, то отложу я, я тоже тороплюсь». Под общий хохот арбитр (судья есть судья!) объяснил опытному мастеру, что он играл слишком медленно, надолго задумывался и теперь согласно шахматным правилам отложить партию имеет право только его противник... Это правило я очень хорошо запомнил, ведь возможность откладывания партии в наиболее удобный момент — одно из преимуществ, которые при случае может получить «быстродействующий» шахматист.

Вскоре после того, как стал мастером, я впервые принял участие в международном шахматном турнире. Проводился этот турнир в городе чехословацких металлургов Тршинце. Правда, за рубеж я выезжал и раньше — принимал участие в матче юношеских сборных команд СССР — Скандинавия. Но то была короткая поездка, пришлось сыграть всего две партии, этим дело и ограничилось. А тут предстояло довольно серьезное соревнование, в котором принимали участие почти все сильнейшие шахматисты Чехословакии — члены мужской и студенческой сборных. Однако о составе этого турнира мы с Виктором Купрейчиком узнали только в Праге. Да и попали на него чисто случайно.

Чешские товарищи прислали телеграмму с приглашением на турнир двух молодых мастеров, а в Москве истолковали ее так, будто речь шла о турнире юношей. Вот и послали семнадцатилетнего первокурсника Минского университета и пятнадцатилетнего школьника.

Турнир проводился под Новый год. Каникулы в школах еще не начались, в университетах готовились к очередной сессии. Пока утрясались эти проблемы, время ушло — мы опоздали к началу турнира на три дня.

Хорошо помню день нашего отъезда из Москвы. В городе бушевал буран. Приехали в Прагу, а там чуть ли не весна. Встречали нас товарищи из общества дружбы «Чехословакия — СССР». Но оказалось, что из Праги нам надо еще ехать 400 километров до Остравы, а там автобусом до Тршинца.

В Остраве наш приезд вызвал всеобщее удивление — на взрослый мужской турнир приехали два юнца, да еще с опозданием. Но делать нечего: приехали — так нужно играть. Да еще «наверстывать» опоздание. Играли в первые дни по две партии: одну — с утра, с 10 до 15 часов; другую — вечером, после обеда, с 17 до 22 часов.

Первую партию мне пришлось играть с одним из сильнейших чехословацких шахматистов — Яном Смейкалом. Борьба была упорной, но победа досталась мне. Через десять лет мы с Яном снова встретились на турнире в Югославии. Наша новая встреча закончилась ничейным исходом. Когда вместе анализировали только что сыгранную партию, Смейкал признался мне, что тогда, в 1966 году, был безумно расстроен проигрышем в Тршинце какому-то безвестному мальчишке, и добавил с улыбкой: «А вот теперь ничью с ним же считаю за свое большое достижение...»

Меня же та победа очень воодушевила, и вечером я выиграл вторую партию у своего друга Виктора Куприйчика.

С Виктором я познакомился на чемпионате страны среди школьников три года назад. Жили тогда с ним в гостинице в одном номере. Но близко не сошлись. Разница в два года еще ощущалась весьма весомо. Я учился в пятом классе, он был уже в восьмом. А вот во время поездки в Чехословакию подружились крепко, хотя я все еще был школьником, а он уже студентом.

Но дружба дружбой, а шахматы есть шахматы. За доской идет принципиальный спор.

После двух побед настроение еще больше поднялось,

и игра пошла легко и радостно. За меня стали болеть многие местные любители шахмат. И даже взяли шефство надо мной. Одна добрая, заботливая женщина так и просила, чтобы я называл ее «мамой». Наверное, думала, что мне очень неуютно чувствовать себя далеко от Родины, да еще в новогодние праздники.

После окончания турнира в местной газете был напечатан репортаж о нем и немного рассказано обо мне — его победителе. Я завоевал 11 очков из 13 возможных и далеко оторвался от второго и третьего призеров — моего друга Виктора и мастера Купки, а дальше следовали Смейкал, Новак, Сикора.

Эту газету переслала мне в Москву та добрая женщина, которая под письмом подписалась так: «Привет из Чехословакии. Мама». Эта газета хранится и сейчас в нашем семейном архиве.

Первый международный турнир... Он оставил по себе хорошую память. Вообще я считаю, что международные турниры для всех шахматистов и особенно для молодых являются как бы высшей школой мастерства.

Прежде всего, играя за рубежом, испытываешь чувство величайшей ответственности. Какого бы ранга ни был турнир, ты на нем представляешь не только себя, но и свою страну. Следовательно, всегда должен играть с максимальной отдачей.

Выступая за рубежом (это больше относится к молодежным турнирам), встречаешься, как правило, с незнакомыми или малознакомыми соперниками, представителями различных шахматных школ и направлений. Естественно, что здесь возможны всякие неожиданности. Вот тут-то и происходит своеобразное испытание на прочность молодого мастера, как он проявит себя в необычной ситуации, без натаскивания, без подготовки.

Несколько сходная ситуация возможна и в мужских турнирах. Правда, за последние годы с ростом шахматной информации мы достаточно хорошо изучили игру многих гроссмейстеров и ведущих мастеров мира, тем

не менее в международных турнирах всегда принимает участие группа талантливых мастеров из страны — организатора турнира, представляющих для гостей полную загадку.

В настоящее время наша планета переживает шахматный бум. Начался он еще в 60-х годах, когда на Западе появилась целая плеяда замечательных шахматистов, бросившая вызов советским гроссмейстерам, прочно обосновавшимся на шахматном Олимпе. Интерес к шахматам повысился во всех странах. Стало больше проводиться международных турниров. Причем теперь их организаторами выступали не только шахматные федерации, но и торговые и промышленные фирмы, увидевшие в шахматах средство рекламы, «прибыльное дело», в которое можно выгодно вложить часть своих капиталов.

Международных турниров с участием известных гроссмейстеров стало проводиться так много, что ФИДЕ пришлось вмешаться и навести в этом деле порядок — теперь решение о проведении международного турнира обязательно должно согласовываться с ФИДЕ, и официальными считаются только те, которые проходят под эгидой Международной федерации шахмат.

Способствовала установлению порядка и выработанная ФИДЕ система присвоения официальных шахматных званий «международного гроссмейстера» и «международного мастера», и система коэффициентов (рейтинг), разработанная профессором Эло и взятая на вооружение ФИДЕ.

Шахматисты заинтересованы в повышении своего веса в шахматном мире и соглашаются играть только в турнирах, проводимых под эгидой ФИДЕ. ФИДЕ же, в свою очередь, заинтересована в проведении большого количества международных турниров, ведь это еще больше популяризирует шахматы, а федерация получает определенный процент отчислений от призового фонда, устанавливаемого организаторами турниров. Это нема-

ловажно — расходы-то растут: нужно помогать шахматистам молодых развивающихся стран, нужно содержать штат работников федерации, да и почтовые расходы — дело нешуточное. Совсем еще недавно почтовая марка стоила 3—5 центов, а сейчас уже 15—18!

Большое количество международных турниров, несомненно, способствует повышению интереса к шахматам — ряды армии шахматистов-любителей быстро растут во всех странах, а среди множества любителей всегда находятся талантливые люди, которые решаются посвятить шахматам свою жизнь...

Это, конечно, замечательно, но быстрый рост количества международных турниров, к сожалению, имеет еще и оборотную сторону — падает престижность национальных турниров. Прежде всего в небольших странах, впрочем, и у нас тоже. Ведь успех в национальном турнире еще не гарантирует успехов в международном. А только участие в последних выводит шахматиста в шахматную «элиту».

Теперь любой более или менее сильный шахматист гораздо с большим рвением стремится попасть на международный турнир, чем играть в своем национальном, если, конечно, он не связан с отбором участников для межзональных турниров, какими, например, у нас являются зональные турниры, проводимые параллельно с чемпионатами СССР высшей лиги раз в три года.

На международных турнирах можно быстрее повысить свой рейтинг. Пусть хоть и условно, но он является весьма весомой визитной карточкой шахматиста, определяет его место в шахматном мире. Но если такое положение способствует быстрому росту шахматных мастеров в небольших странах с хорошими шахматными традициями (Венгрия, Югославия, Голландия, Англия и т. д.), то для нашей страны, в которой сильные мастера насчитываются уже не единицами и даже не десятками, а сотнями, оно является в какой-то мере тормозом.

Далеко не каждому молодому мастеру удается добиться права выступать в международном турнире, проводимом за пределами нашей страны. А внутри страны международные турниры проводятся не так уж часто. Причин тому много, и одна из них — гроссмейстеры из других стран не очень охотно принимают наши приглашения на турниры. У нас на турнире гораздо больше шансов не столько повысить свой рейтинг, сколько его понизить. Ведь, как и любая другая страна, мы заинтересованы включать в свои международные турниры талантливых молодых мастеров, а их рейтинг обычно намного ниже их реальной силы. Вот во встречах с этими мастерами приезжий гроссмейстер и теряет очки, а в соответствии с потерянными очками снижается его рейтинг... Стоит ли рисковать?

Однако я отвлекся, и давайте вернемся в середину 60-х годов. После международного турнира в Тршинце я не очень удачно выступил в отборочном турнире к юношескому чемпионату мира, где занял только пятое место, и на юношеский чемпионат мира не попал. А послали меня на турнир в Голландию, правда, несколько позже — кубок Нимейера, проводившийся в городе Гроннингене. Финансировал этот турнир глава одной крупной табачной фирмы, его именем и назван был главный приз.

Участниками этих соревнований были юниоры — молодые шахматисты не старше 21 года из разных стран Европы. Каждая страна могла послать в Гроннинген одного человека. Проводился этот турнир обычно в самом конце года. Так что новый, 1968 год мне пришлось встречать снова за пределами родной страны.

Никакими иностранными языками, кроме родного русского, я тогда не владел. И чтобы по дороге я где-нибудь не заблудился, отправляя на этот турнир, выдали мне специальную бумагу, в которой было написано, что такой-то и такой-то направляется в город Гроннинген на международный шахматный турнир, а далее содер-

жалась просьба оказывать мне помощь в нахождении дороги к месту проведения турнира.

Сложность дороги заключалась в том, что прямого поезда до Гроннингена не было. Я должен был доехать до станции Амерсфорт в Голландии и там совершить пересадку на другой поезд, следовавший до нужного мне города.

До отъезда из Москвы мне все казалось простым и ясным, но, когда поезд тронулся, стали одолевать сомнения. «Ну хорошо, бумажку эту я покажу, а как пойму, что мне ответят?»

К счастью, в Амерсфорте меня встречал известный издатель шахматной литературы господин Витхауз. Он подождал, пока немногочисленная публика ушла с перрона и на нем остался лишь мальчик, к которому он и подошел. Мы выпили кофе, а затем подоспела электричка на Гроннинген, и мой новый знакомый усадил меня в нее, предварительно попросив проводника «приглядывать» за юным джентльменом, чтобы он никуда не пропал...

Жили мы в уютном отеле «Терминус Ноорд», расположенном по соседству с «Мартини-холлом», где игрался турнир. Все было хорошо, только в игровом зале постоянно стоял терпкий запах табака. Пакеты этого табака нам потом преподнесли в подарок, но, не в обиду хозяевам будет сказано, я никогда его курить не пробовал, и меня страшно удивило, что мальчишки еще меньше, чем я, посещавшие турнир, тут же раскуривали громадные самокрутки.

Турнир состоял из двух этапов: полуфиналы и финал. Полуфинал — это семь туров по швейцарской системе. Победив в первых двух партиях и сведя остальные вничью, я разделил 2—6-е места и вышел в финал.

Мой первый ход в первой партии финала — против Шауфельбергера — сделал «сам» доктор Макс Эйве, любимец голландской публики. Я показал на свою королевскую пешку, и гроссмейстер сыграл e2—e4.

Через семь лет, 24 апреля 1975 года, выступая на официальной церемонии присвоения мне звания чемпиона мира, президент ФИДЕ доктор Макс Эйве вспомнит этот день. «Статистики подсчитали, — скажет он, — что в своих важнейших соревнованиях на пути к мировому первенству Карпов сделал в общей сложности 3000 ходов. На самом деле их было 2999. Один, первый, ход сделал я. Так что это с моей легкой руки Анатолий Карпов стал чемпионом мира».

После трех туров финальную гонку в кубке Нимейера возглавил голландец Ян Тимман. Я отставал от него на пол-очка. В четвертом туре мы встретились. На столь короткой (семь туров) дистанции эта партия оказалась решающей. Проигравший Тимман за оставшиеся дни уже не мог прийти в себя и потерпел еще два поражения. Исход турнира был предрешен, ибо шедший на втором месте Андраш Йоха даже не пытался меня догнать.

Тогда под фамилией Йоха выступал венгерский шахматист, ныне гроссмейстер, которого все знают уже под именем Андраша Адорьяна. Кстати, в полуфинале он опередил меня, и я был доволен, что так быстро у него взял реванш.

Итак, сделан еще один шаг вперед. Я стал чемпионом Европы среди юниоров. Правда, пока неофициальным, ибо кубок Нимейера станет чемпионатом Европы только через год, и тогда за победу в нем будет присуждаться звание международного мастера. Я этого звания в тот год не получил...

Хочу отметить, что после того, как меня провозгласили чемпионом мира в 1975 году, многие журналисты, комментируя это событие, подчеркивали, что мне все в жизни давалось легко и во всем и всегда мне шли навстречу, создавали благоприятную обстановку, открывающую прямой путь на шахматный Олимп.

Однако трудностей в шахматной жизни у меня хватало. В 1966—1968 годах мне почти не удавалось

участвовать в личных турнирах — большинство моих выступлений было в командных соревнованиях. Это, конечно, большое и очень ответственное дело, но играть в командных соревнованиях приходилось, как правило, не так уж много партий. В нашем спортивном обществе «Труд», куда входили спортсмены Златоустовского металлургического комбината, проходили в те годы различные реорганизации, и новые руководители к шахматам относились прохладно, никто не заботился о росте молодых мастеров.

Когда в 1966 году формировалась сборная команда общества на Всесоюзную спартакиаду, меня не включили в команду по той только причине, что я не достиг шестнадцатилетнего возраста.

Тогда ради одного меня не пожелали менять правила или делать исключение из правил, хотя в других видах спорта уже давно рядом со взрослыми спортсменами выступали совсем юные.

Прошел еще год, а затем еще. Группа молодых мастеров «Труда» жаждала боя, а нас кормили одними сладкими обещаниями. И я решил уйти из «Труда». Это решение совпало с переездом нашей семьи из Златоуста в Тулу — отец получил новое назначение — стал главным инженером одного из тульских заводов. Здесь, в Туле, я стал выступать за армейских спортсменов.

Переход из «Труда» в новое общество знаменателен для меня тем, что здесь я встретился с человеком, который в шахматах стал для меня вторым отцом. Звали этого человека Семен Абрамович Фурман.

Если быть точным, я познакомился с ним раньше. В 1963 году общество «Труд» проводило в Подмосковье учебно-тренировочный сбор. Руководители стремились пригласить в качестве лекторов наиболее квалифицированных тренеров. Так уж случилось, что С. А. Фурман, выполнявший роль консультанта Ботвинника в матче за первенство мира с Петросяном, оказался сво-

боден. Ботвинник, не согласившись с предложением Фурмана делать ничью в отложенной партии, отправил его к нам на сбор читать лекции. Но визит к нам Фурмана был короток, — проиграв отложенную партию, чемпион мира снова призвал Семена Абрамовича к себе на помощь. А на память мне осталась фотография — Фурман читает лекцию, а моя голова едва виднеется из-за первого стола...

Фурман на меня тогда, конечно, внимания не обратил. А вот, когда армейские шахматисты проводили свой тренировочный сбор перед чемпионатом дружеских армий, мы познакомились, поскольку Семен Абрамович был главным тренером шахматистов ЦСКА. Первое впечатление, которое я на него произвел, было не из лучших. «Неужели этот бледнолицый юноша способен побеждать сильных соперников?» — подумал обо мне Фурман. Он сам мне в этом признался, когда мы с ним подружились.

А вот на меня Фурман сразу произвел сильное впечатление. Правда, поначалу он показался мне несколько флегматичным, слишком спокойным. Но это только поначалу. Но, как только я его узнал поближе, передо мной предстал совершенно иной человек. Внутренняя энергия буквально клокотала в нем, ища выхода. Когда Семен Абрамович садился за доску, он удивлял всех интереснейшими примерами — ну, настоящая «ходячая» энциклопедия. И собственных идей у него было превеликое множество. Он охотно делился с нами своими находками. Прямой, искренний, добродушный человек...

Когда мы познакомились ближе, я тоже пришелся Фурману по душе. До этого он помогал многим уже именитым шахматистам. Но, естественно, не мог существенно повлиять на развитие уже сложившихся гроссмейстеров. Во мне же он увидел тот «сырой» материал, из которого можно было сделать «нечто оригинальное». Семен Абрамович был ярым противником натаскива-

ния — когда учат не как думать, а тому, что думать. Он стремился, чтобы его рекомендации как можно больше соответствовали творческой индивидуальности подопечного. Крупнейший знаток дебютов и теории шахмат вообще, Фурман заменил мне толстенные тома дебютных справочников, помог ориентироваться в запутанных лабиринтах дебютных начал. Одну за другой «выдавал на-гора» Семен Абрамович свои многолетние оригинальные заготовки. Его любимой поговоркой была: «Соперников нужно окружать новинками, как на охоте лис красными флажками».

Конечно же, в моем формировании как шахматиста Фурман сыграл решающую роль.

Первое мое выступление в составе команды Вооруженных Сил СССР на Спартакиаде дружеских армий в Варшаве было коротким. Я поехал туда как запасной игрок и сыграл всего одну партию. И выиграл ее. В командном чемпионате Вооруженных Сил играл в сборной нашего округа на второй доске и набрал $5^1/_2$ очка из 7.

Вот тогда Фурман поверил в меня окончательно. Но громких восторгов не выразил, сразу предупредил: впереди соревнование куда более для меня важное — отборочный турнир на право участия в чемпионате мира среди юношей.

В том отборочном турнире должны были играть четыре претендента: Михаил Штейнберг, Рафаэл Ваганян, чемпион СССР среди школьников Александр Белявский и я. Поначалу планировалось провести соревнование в четыре круга. Но Белявский на турнир не приехал, и мы начали сражаться втроем. Соперники у меня были серьезные. Миша Штейнберг завоевал звание мастера в четырнадцать лет. На год раньше меня первым привез в нашу страну кубок Нимейера, успешно выступал в массовом чемпионате страны, который проводился по швейцарской системе, и завоевал там специальный приз «За лучшее окончание» — уникальное до-

стижение для молодого мастера. На первенстве общества «Спартак» Миша был вторым, опередив таких гроссмейстеров, как Лилиенталь и Симагин, и многих известных мастеров.

Рафик Ваганян имел в своем послужном списке тоже весомые достижения: в восемнадцать лет занял третье место в полуфинале первенства СССР, где состав участников был традиционно очень силен и борьба за выход в финал велась ожесточеннейшая.

У меня тоже были к тому времени неплохие достижения. Однако большинство наших «кураторов» отдавало предпочтение Штейнбергу и Ваганяну — кого-то из них намечали послать в Стокгольм.

Однако в первых турах этого соревнования победы в основном доставались мне, и я повел в счете. Влиятельные «кураторы» забеспокоились и приняли не очень справедливое решение — продлить наше соревнование еще на два круга, авось Карпов на длинном пути сломается. Мотивировали это решение формальным поводом — не приехал Белявский, и дистанция соревнований сократилась, надо ее восстановить...

Но ведь это можно было сделать раньше, до начала нашего отборочного турнира!

Эти неожиданные изменения регламента не могли не сказаться на моем настроении, я как-то сник, что бывает со мной редко, мои соперники воспряли духом. Короче говоря, я подряд проиграл две партии, потом собрался и в оставшихся двух сделал ничьи. Запаса очков, завоеванных в четырех первых кругах соревнования, мне хватило для общей победы, и я получил право выступить на чемпионате мира среди юношей.

Хочу подчеркнуть этим примером лишь то, что субъективные, волевые решения в спорте вообще, а в шахматах в особенности не приносят пользы. Конечно, я не могу утверждать, что, получив право выступить в юношеском чемпионате мира, Миша Штейнберг или Рафик

Ваганян сыграли бы хуже меня. Весьма возможно, что и они стали бы чемпионами. Они были очень сильны. Но для того и проводятся спортивные соревнования, чтобы выявлять сильнейшего в честном, обусловленном четким регламентом бою...

Когда я приехал в столицу Швеции, где проводилось юношеское первенство мира, состояние особой ответственности и барьер, воздвигнутый прежними неудачами соотечественников (после Спасского на протяжении четырнадцати лет наши шахматисты не завоевывали этого звания), поначалу очень действовали на меня, мешая взять себя в руки, и дела довольно долго не налаживались.

Своими главными конкурентами я считал Андраша Адорьяна и шведа Ульфа Андерссона. Но в последний момент появился прежний чемпион мира среди юношей пуэрториканец Хулио Каплан, и я решил: этот будет еще поопаснее тех двух. Но я ошибся. Каплан слишком рвался опередить меня и лишился даже второго места.

Первую партию я выиграл, но противник мой, как быстро выяснилось, был из аутсайдеров. Во второй я не сумел одолеть швейцарца Вернера Хуга. В цейтноте не только упустил шансы на выигрыш, но и сам мог получить мат. (Через несколько лет Хуг добродушно шутил: «Вот поставил бы я тогда мат Карпову, и не был бы он сегодня чемпионом мира».)

На третью встречу я пришел простуженный и не мог заставить себя считать варианты. А партия оказалась жесткая и драматическая. Я недооценил силу филиппинца Эугенио Торре, тогда я вообще не знал, что на Филиппинах есть сильные шахматисты. В самом начале игры я принял жертву пешки, и позиция сразу обострилась, но оставалась все же лучшей для меня. Однако потом я попал под атаку. Продумал минут сорок. Видел, как Торре волнуется, ходит по комнате между столиками... А тут вот еще что случилось. На наших часах

флажок начинает подниматься примерно за три минуты до контроля, а у них, в Швеции, — за одну. Я сначала почему-то об этом забыл, а потом вспомнил и, заторопившись, сделал плохой ход. Остался без пешки. Мог сохранить сильную проходную, но решил отдать ее и построить на другом фланге крепость, а крепости-то и не получилось... Затем зевнул еще одну пешку, и позиция стала совсем безнадежной. У меня ладья и слон против ладьи, слона и двух связанных пешек у Торре. Правда, слоны были разноцветные.

При первом доигрывании Торре не раз ошибался, начал зачем-то гоняться королем за моей ладьей, и партия была снова отложена, но уже с шансами на ничью, которую я благополучно и сделал при втором доигрывании.

Между доигрываниями этой партии я успел выиграть у австрийца. Волнение прошло. Удачно сложился финиш полуфинала: сыграл вничью с шотландцем Маккем, а все другие конкуренты «перерубились» между собой, и независимо от исхода последнего тура мне был уже обеспечен выход в главный финал «А». Последнюю партию я выиграл и занял, таким образом, в полуфинале первое место.

Не по душе мне такие вот коротенькие отборочные турниры — они «съедают» нервы участников. Идеальной системой отбора считаю ту, что применялась позже на юношеском первенстве Европы в Голландии, — общий турнир по швейцарской системе и финал — по круговой.

В финале мне игралось куда легче и спокойнее, чем в полуфинале, удалось даже выиграть подряд восемь партий. Стали поговаривать в кулуарах, будто я нарочно слабо играл в полуфинале, вроде бы хотел усыпить бдительность партнеров. На самом деле никакой военной хитрости не было. Просто по ходу турнира пришли внутренняя уверенность и хорошее настроение.

Если же брать турнир в целом, то своей победой я

в большей мере обязан тому, что был хорошо и всесторонне подготовлен к нему Семеном Абрамовичем Фурманом, это он подсказал мне такие дебюты, такие схемы развития, которые не давали бы моим соперникам возможности безнаказанно обострять игру. Мотивировал он это тем, что большинство молодых шахматистов хорошие тактики, но слабые стратеги. Вот Фурман и учил меня быть стратегом...

Благодарен я Семену Абрамовичу еще и за то, что он буквально заставил меня обратить внимание на физическую подготовку — я стал по утрам делать зарядку, играть в бадминтон, настольный теннис, много плавать, грести на лодке.

Своим результатом я был очень доволен. После долгого перерыва чемпионом мира среди юношей снова стал представитель СССР. Напомню читателям, что это звание установлено в 1951 году. Первым его завоевал югослав Ивков. В 1955 году чемпионом мира среди юношей стал наш Борис Спасский, затем шахматными «принцами» становились румын Георгиу, аргентинец Панно, югославы Парма, Кураица, Белица, пуэрториканец Каплан. Но никто из наших молодых шахматистов не смог достигнуть этой вершины.

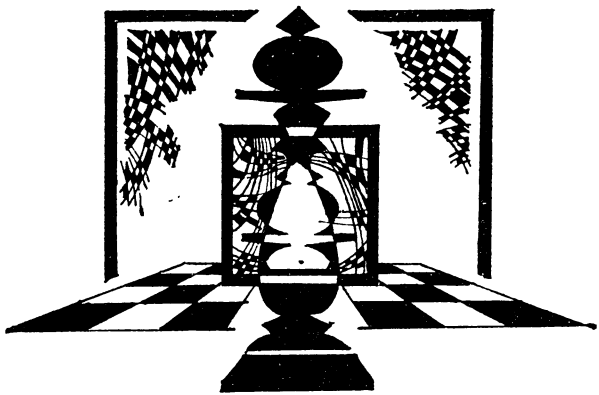
Забегая вперед, скажу, что в последующие годы советские юноши становились чемпионами мира уже достаточно часто. За последние пятнадцать лет это звание завоевывали: Александр Белявский, Валерий Чехов, Артур Юсупов, Сергей Долматов и Гарри Каспаров.

Возвратившись из Стокгольма домой, в Тулу, я увидел множество писем и телеграмм, поздравлявших меня с победой. Лишь тогда я по-настоящему оценил, как важна была она, эта победа, для моих соотечественников.

Среди телеграмм была и такая: «Поздравляю блестящей победой. Миша Штейнберг».

К сожалению, Миша Штейнберг постепенно отошел от шахмат. Он блестяще закончил школу и механико-математический факультет Харьковского университета. Скорей всего его ожидало будущее незаурядного математика. Не исключено, что и в шахматах он еще сказал бы весомое слово — после окончания университета он вернулся было к активным выступлениям и успешно сыграл в трех турнирах. «Ожидало будущее...», «Сказал бы свое слово...». Ни того, ни другого не случилось — Миша Штейнберг, не встретив своего двадцатипятилетия, умер от тяжелой и неизлечимой болезни...

Глава II

ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

Итак, к концу 1969 года, завоевав звание чемпиона мира среди юношей, я стал международным мастером. Однако до сих пор еще ни разу не встречался в турнирах ни с одним гроссмейстером. Такая возможность испытать себя и обогатиться новым опытом вскоре представилась. Меня допустили к участию в первенстве РСФСР 1970 года.

Турнир был трудным, на звание чемпиона России претендовали три гроссмейстера: Крогиус, Антошин и Зайцев и много опытных мастеров. Борьба обострялась еще и тем, что четверка призеров завоевывала право участия в финале первенства СССР. Мне удалось выиграть этот турнир.

Вскоре после первенства РСФСР у меня появилась возможность сопоставить свои силы и с зарубежными гроссмейстерами.

Международный турнир в Каракасе проводился под покровительством президента республики — большого любителя этой игры. И с тех пор шахматы в Венесуэле получили настоящее признание и заняли подобающее им место. Во времена правления военной хунты шахматы здесь не были в почете. Они считались игрой азартной, и ввоз в эту страну деревянных шахматных фигурок облагался солидной пошлиной. Причем дремучее невежество властей было так велико, что облагали пошлиной не комплекты шахматных фигур, а их вес — за каждый килограмм фигурок своя цена...

В первом туре я упустил выигрыш при доигрывании партии с американским гроссмейстером Бисгайером, затем подряд обыграл двух других гроссмейстеров — венгра Барца и югослава Парму.

Волнение мое, естественное для новичка турнира такого класса, развеялось, дела шли прекрасно: 4 $^1/_2$ из 5; затем 5 из 6... В седьмом туре опять победа над гроссмейстером — бельгийцем О' Келли. И вот я единоличный лидер — 6 из 7! И уже мысленно примериваю «гроссмейстерские погоны» — до желанного титула рукой подать...

Когда после седьмого тура мы прогуливались с Леонидом Штейном по городу, нам встретился Ивков. «Такой молодой, а уже гроссмейстер!» — дружелюбно воскликнул югослав. А на следующий день Ивков, играя со мной, пожертвовал пешку и тут же предложил ничью. Я отказался от ничьей, но настроиться на борьбу после такого предложения уже не сумел, голова работала вяло, ходы стали инертными. А соперник, наоборот, бросился в атаку, готовя новые и новые жертвы, — терять ему было нечего! Я проиграл.

Самое обидное и обескураживающее ждало меня после партии, когда Ивков показал, как я мог не только спастись, но и получить отличную позицию.

«Обморочное состояние» прошло не сразу. На следующий день белыми я едва устоял против аргентинца

Панно, потом проиграл Кавалеку, потом с трудом добился ничьей против молодого исландца Сигурионссона. Вот оно, опасное ощущение близости цели!..

Отношения между шахматистами на том турнире были самыми доброжелательными. Хотя, конечно, не обходилось и без казусов... Эквадорец Йепес, сделав свой сороковой ход, не успел перевести часы. Позиция у меня была и так выигрышной, но зачем же играть дальше, если флажок на циферблате часов соперника упал? Согласно правилам я попросил поставить мне единицу, но неожиданно и судья и партнер запротестовали. Только вмешательство сразу нескольких опытных шахматистов, в том числе гроссмейстера Панно, пользовавшегося у южноамериканцев непререкаемым авторитетом, позволило разрешить этот конфликт.

Оскар Панно оказал нам, советским шахматистам, на этом турнире и другую услугу. Он пригласил к себе в гости меня и Штейна и, увидев, как мы рассматриваем его прекрасный просторный номер (комната, в которой мы со Штейном жили вдвоем, была значительно меньше), предложил поменяться. С удовольствием и благодарностью приняли мы предложение Панно, который потом шутил, что «поменял обладание светлым центральным полем e4 на угловое темное поле h8».

Новая комната находилась рядом с бассейном. Из-за этого бассейна и произошел со мной уже не шахматный, а самый настоящий обморок. Турнир заканчивался, я решил искупаться и вдоволь позагорать, и это перед большим сеансом одновременной игры, который давали любителям все участники турнира.

Народу собралось очень много. Игра началась, я подошел к очередному столику, думал, думал и, сделав первый попавшийся ход, вдруг буквально рухнул. Хорошо еще, что кто-то успел подставить мне стул. Пришел в себя не сразу и был отправлен в отель. Оказа-

лось, я получил солнечный удар. Еще собираясь на сеанс, я сознавал, что перегрелся у бассейна, и чувствовал себя плохо. Но посчитал, что отказываться от игры не вправе...

Гроссмейстерскую норму я все же выполнил и даже досрочно, правда, не по своей вине. Случилось это так. Изнывая от жары, сидели мы со Штейном у себя в номере в одних плавках и играли в искусственно усложненную карточную игру. Раздался стук, и при полном параде, в галстуке и в темном костюме, вошел американец Аддисон. Мы обрадовались еще одному компаньону и хотели тут же обучить его своей игре. Однако Аддисон извинился, сказал, что должен срочно улетать домой, и попросил меня не возражать против того, чтобы партия с ним из последнего тура была сыграна раньше. Я согласился, судья турнира дал разрешение, и наша партия закончилась вничью. Так, на последний тур пришел я уже гроссмейстером.

А в конце того года я впервые играл в чемпионате СССР. Это был по счету 38-й чемпионат. Проходил он в Риге, но рижанин Михаил Таль в этом турнире не играл, его к чемпионату СССР не допустили, поскольку он не участвовал в отборочных состязаниях. Не участвовали в финале по разным причинам и многие другие сильнейшие шахматисты страны. Так что чемпионат тот не был особо выдающимся событием в шахматной жизни. Но для меня он был первым, и я хотел, чтобы прошел он без срывов, а поэтому излишне осторожничал. За что попал под убийственную критику журналистов и коекого из шахматных светил. Наверное, все думали, что самый молодой гроссмейстер не должен делать ничьи...

Я же тогда поставил перед собой задачу проиграть как можно меньше партий. Сделать это было непросто, так как в дебютном отношении я был подготовлен еще очень недостаточно и черными часто попадал в тяжелые позиции. Но, признаюсь, я все же несколько переусердствовал, сделав в начале турнира восемь ничьих

подряд. Особенно тяжело приходилось с гроссмейстерами. Со всеми, кроме Антошина, я имел черный цвет. С Корчным же — то была вообще моя первая партия с таким сильным шахматистом — уже по дебюту я попал в трудное положение. Однако удачно защищался и уже почти полностью уравнял позицию, но в какой-то момент, очевидно, устав, не использовал появившиеся шансы и в конце концов проиграл.

В двенадцатом туре я одержал наконец свою первую победу. Затем еще одну... Расхрабрился было, но тут же был наказан мастером Олегом Дементьевым. Кончилось, правда, все относительно благополучно — я набрал в итоге «плюс три», и этот результат позволил разделить 5—7-е места. Для дебютанта это не так уж плохо, а главное — понял: да, играть в чемпионате СССР тяжело, но все же не настолько, как это выглядело в пугавших меня рассказах старших. И еще выяснилось, что я в состоянии спасать трудные позиции против самых сильных шахматистов. Словом, турнир вселил в меня уверенность в собственные силы.

Уже полуфинал следующего чемпионата — он проходил тоже в Латвии, в Даугавпилсе, — показал, что я заметно превосхожу полуфинальный уровень, а значит, достиг настоящего гроссмейстерского класса. И хоть чемпионат СССР 1971 года в Ленинграде собрал очень сильный состав, я питал уже весьма смелые надежды.

В нем играли Таль, Смыслов, Штейн, Полугаевский, Геллер... А всего двадцать два участника. Ужасная нагрузка! Нормальный турнир — это шестнадцать-восемнадцать человек. А так тура после семнадцатого шахматисты попросту выбиваются из сил. Тем более при таком поистине потогонном регламенте: три тура — доигрывание, два тура — снова доигрывание, и только затем выходной день. Нигде у нас так не трудятся — семь рабочих дней подряд! К концу такого соревнования у шахматистов остаются запальчивость, амбиция — все, что угодно, кроме необходимого вкуса к игре.

Я играл, в общем-то, неплохо. Однако преследовало меня невезение. Защитившись было от Смыслова, расслабился и проиграл ему. С Ваганяном не заметил несложной комбинации. С Савоном в подавляющей позиции (и в его цейтноте!) упустил выигрывающее продолжение, а потом неудачно проанализировал отложенную позицию, не использовал оставшихся шансов, и он сумел сделать ничью. Именно это обстоятельство во многом предопределило общую победу Савона в чемпионате. Наша партия игралась в одиннадцатом туре, а с учетом времени ее доигрывания к моменту завершения этой встречи у всех уже было сыграно по тринадцать-четырнадцать партий. Савон принадлежит к тем шахматистам, которые после поражения обычно ломаются, а тут, получив такой «допинг», он заиграл с большим подъемом и вообще не проиграл ни одной партии.

Были у меня и другие срывы. Не сумел, например, довести до победы технически выигранную позицию с Балашовым, где имел могучего коня против его плохого слона.

Никто не «подарил» мне в том турнире ни пол-очка, я же раздавал их во множестве. Бывает же так: не везет, и все тут...

Так я не попал в тройку призеров ленинградского чемпионата, оставшись четвертым, но тем не менее я миновал предварительный отбор на пути не только к зональному, но и к межзональному турниру. Этому способствовали итоги моих выступлений, последовавших за первенством страны 1971 года, и прежде всего в Мемориале Алехина.

В нем играло восемнадцать гроссмейстеров. Причем четверо в разное время были чемпионами мира.

Если бы турнир не был столь почетным и заманчивым, пришлось бы отказаться от приглашения. Устал я к тому времени страшно. Первую половину года вообще не играл, зато вторую не вылезал из-за доски. Июнь — полуфинал первенства страны, июль — студен-

ческая Олимпиада, август — сразу два командных чемпионата (страны и Вооруженных Сил), сентябрь и октябрь — финал первенства СССР.

В первые дни алехинского мемориала над густозаселенной сценой и переполненными зрительскими рядами витала атмосфера недовольства — слишком много было коротких и бесцветных ничьих. Какой-то экспансивный болельщик даже не выдержал и в нарушение всех канонов поведения публики на турнирах выкрикнул: «Товарищ судья, да запретите же вы наконец эти ничьи!» Главный арбитр, бывалый и не теряющийся ни при каких обстоятельствах человек, на сей раз не осадил нарушителя, а только беспомощно развел руками... Лишь ближе к концу, когда половина состязаний осталась позади, борьба приняла более острый характер. К тому времени у меня было девять ничьих и только одна победа — над относительно слабым участником, венгром Л. Лендьелом. И тут я решил: пан или пропал! Стоять на месте больше нельзя — противники впереди очень трудные. А в очередном туре как-никак играю белыми.

И партия эта, в которой я победил Властимила Горта, партия, удавшаяся и в творческом отношении, стала для меня переломной в турнире.

Затем я обыграл Бронштейна, Корчного и в последнем туре чемпиона СССР Савона. В конце концов поделил первое-второе места с Леонидом Штейном с результатом одиннадцать очков (пять побед, двенадцать ничьих и ни одного поражения).

Мне было приятно прочитать в еженедельнике «64» такие слова Т. Петросяна: «Отрадно, что он (то есть я, Карпов) уже не просто подает надежды, но и оправдывает их...» И далее: «Думаю, что на сегодняшний день именно Карпов является нашей главной надеждой, может быть, именно он в ближайшие годы станет самым труднопреодолимым препятствием на пути западных шахматистов к мировой шахматной короне».

Новый, 1972 год я встречал в Гастингсе — англий-

ском городе, название которого о многом говорит уму и сердцу каждого, кто интересуется шахматами. Гастингский рождественский турнир — самый старый и самый живучий из всех существующих традиционных международных турниров. Эти шахматные фестивали проводятся с 1895 года. В тот год наш М. Чигорин уступил лишь известному американскому шахматисту Г. Пильсбери, но зато опередил В. Стейница, Эм. Ласкера, З. Тарраша и других своих знаменитых современников. Позже в Гастингсе выступали Х. Р. Капабланка, А. Алехин, М. Эйве, М. Ботвинник, В. Смыслов, М. Таль, Б. Спасский, П. Керес, С. Флор... Так много корифеев, что при перечислении можно и забыть кого-нибудь.

...Любопытно, что далеко не все участники, приехав в Гастингс, получают право разместиться в знаменитом «Куинс-отеле», и только самые почетные сразу с вокзала направляются в «Королевские покои». И я был удивлен, когда меня разместили именно там.

В Англии на турнире я впервые вел дневник. Приведу из него несколько выдержек.

«Третий Новый год за границей. Прежде мне всегда сопутствовала удача, брал первые места. Думалось: как-то получится теперь, когда выступают гроссмейстеры Бирн, Глигорич, Найдорф, Унцикер, известные мастера Андерссон, Мекинг, Пфлегер?..

31 декабря и 1 января — игра в шахматы! Партия, проводимая в последний день старого года и отложенная, доигрывается ровно в девять вечера по местному времени. В Москве как раз бьет полночь. Вспоминаются дом, друзья и близкие, но... многое, конечно же, зависит и от возникшей позиции. Праздник рождества, во время которого принято делать друг другу приятное, уже прошел, и на подарки рассчитывать не приходится...

Когда-то эти турниры проводились, как правило, при десяти участниках. На короткой дистанции одно поражение могло роковым образом повлиять на конечный результат, и шахматисты избегали риска. Было слишком

много ничьих. Поэтому англичане пришли к выводу о необходимости поломать традицию и увеличить число участников. В 1972 году в главном турнире играли уже шестнадцать человек.

Обстановка в большом зале оказалась трудной. Наш турнир шел параллельно с мастерским турниром, играющих и зрителей было предостаточно, публика находилась от участников в двух-трех метрах. До нас доносились все разговоры и замечания.

Сделав в первом туре ничью с Пфлегером, я выиграл три партии подряд и после еще одной ничьей снова одержал три победы. Тут я почувствовал, что силы мои на исходе. За прошедшие пять месяцев я сыграл около шестидесяти партий и, говоря откровенно, просто выдохся. Бороться, как прежде, уже не мог и проиграл важнейшую партию своему единственному конкуренту — Корчному.

Перед последним туром он опережал меня на полочка и в заключительный день не стал рисковать, сделав быструю ничью с Найдорфом. Вопрос о первом месте решался в моей партии с англичанином Марклендом. Ценой невероятных усилий мне удалось одолеть соперника и разделить первое место. Играть было особенно трудно от сознания того, что еще четыре тура назад я был впереди на полтора очка, а теперь отстаю.

Борьба за третье место шла между Бирном и Мекингом. Успех, вернее, счастье сопутствовало бразильцу. Так, Пфлегер против Мекинга в лучшей позиции забыл сделать контрольный, сороковой ход. Очень некрасивый случай произошел на встрече Мекинг — Боттерилл. Соперники находились в цейтноте, на восемь ходов у них оставалось по две-три минуты. Мекинг положил руку на кнопку часов и не давал англичанину их переключать. Судья этого не заметил, а Боттерилл растерялся и в два хода проиграл партию. Все были крайне возмущены...»

По возвращении из Гастингса в Москву мне недол-

го пришлось отдыхать. Началась очередная Всесоюзная шахматная олимпиада, потом после довольно длительного перерыва летом — XIX студенческая Олимпиада в Граце (Австрия) и вслед за ней, осенью — XX юбилейная Всемирная шахматная олимпиада в Скопле.

* * *

В Центральном шахматном клубе СССР есть специальный стеклянный стенд для призов, и среди многих завоеванных советскими шахматистами, пожалуй, самый ценный — большой золотой кубок Гамильтона — Рассела. Эта награда была учреждена для сильнейшей команды мира в 1927 году, когда в Англии состоялась первая шахматная Олимпиада.

С тех пор раз в два года Международная шахматная федерация (ФИДЕ) проводит эти турниры под девизом: «Мы все — одна семья». Лишь в годы второй мировой войны и сразу после нее шахматисты не смогли собраться вместе. В 1950 году, после одиннадцатилетнего перерыва, эта прекрасная традиция была возобновлена.

В 1952 году в Хельсинки впервые приехала на шахматную Олимпиаду сборная Советского Союза. С тех пор жизнь кубка, который прежде часто менял адреса, стала куда спокойней — он обосновался в Москве и только вместе со своими постоянными хозяевами много раз подряд отправлялся на «Турниры наций», чтобы затем возвратиться восвояси с очередной надписью на золотых боках — «СССР». (Исключение составил 1978 год, когда кубок переехал на два года в Венгрию.)

Популярность шахматных олимпиад огромна. Если в первой из них участвовали шестнадцать команд, то в Скопле съехались представители шестидесяти трех государств.

Скопле рождался дважды. В первый раз он появился на свет две тысячи лет назад, когда возле реки Врдар

возникли первые македонские поселения. Второй — после страшного землетрясения 1963 года, — подобно Фениксу, Скопле восстал из пепла. Люди мира протянули руку помощи югославскому городу, и город стал символом международной солидарности. И сейчас разве что мемориальный памятник — разрушенное здание старого железнодорожного вокзала с часами, остановившимися в момент первого подземного толчка, — напоминает о страшной катастрофе.

Подготовка к Олимпиаде (она началась за два года до соревнований) потребовала дополнительных усилий и больших капиталовложений. Были построены новые отели — роскошный «Континенталь» в центре города, где разместились большинство делегаций и богатые туристы, и напоминающая описанные Ремарком уютные альпийские гостиницы «Панорама», расположенная за городом, у подножия гор, где жили всего несколько команд, в том числе и наша сборная. К началу турнира появились еще олимпийская деревня и три корпуса действующей теперь ярмарки. В просторных и светлых залах ярмарки и проходили состязания шахматистов и шахматисток (в Скопле одновременно проводилась и женская Олимпиада). В главном из этих помещений шахматные столики окаймляли зал. Зрители располагались на многоярусных склонах огромного конуса, который был возведен посередине этого круглого зала. С плоской усеченной вершины «горки» специальная телеустановка передавала изображение досок с наиболее интересными партиями на мониторы, установленные в пресс-центре. Олимпиаду обслуживало одиннадцать различных специальных служб. Сто переводчиков, восемьдесят демонстраторов, семьдесят судей, двести шоферов, врачей, контролеров были одеты в оригинальную униформу. Все это придавало соревнованиям особую праздничность. Перед началом каждого тура участникам вручали пакет с шоколадом и вафлями.

Олимпиада заняла видное место в жизни Югосла-

вии. В единственный свободный от игры день специальный самолет «дуглас» доставил большую делегацию шахматных олимпийцев в Белград, где их принял президент СФРЮ Иосип Броз Тито. Маршал стоял в середине большого зала, а длинная цепь шахматистов-олимпийцев проходила мимо него, и каждому он пожимал руку, с некоторыми обменивался несколькими словами. Потом Тито сфотографировался в кругу чемпионов. Прямо из дворца нас — гостей президента доставили вновь на аэродром, и мы возвратились в Скопле.

Шестьдесят три команды были разбиты на восемь полуфинальных групп. При разбивке учитывался средний коэффициент команды (по системе американского профессора Арнада Эло), который выводился из индивидуальных коэффициентов членов каждой сборной. Все математические операции находились в ведении нескольких молодых людей и одной умной кибернетической машины. Она же занималась прогнозами и почти безошибочно предсказала исход борьбы в полуфиналах. Средний коэффициент нашей команды СССР был самым высоким — 2625 (обычно считается, что 2600 — это рубеж экстра-класса). Далее следовали: Югославия — 2527, Венгрия — 2509, ФРГ — 2498, Чехословакия — 2483, ГДР — 2460, Болгария — 2449. Команда США выступала не только без Фишера, затребовавшего сверхвысокий гонорар, но и без Эванса и Ломбарди и имела восьмой на Олимпиаде средний коэффициент.

Олимпийская команда, как правило, состоит из четырех основных и двух запасных участников, хотя деление это весьма условно, поскольку, во всяком случае, в советской сборной нагрузка падала на всех почти одинаковая. (Занятость участников зависела и от самочувствия, и от спортивной формы.)

С 1952 года на десяти олимпиадах выступали лишь четырнадцать советских гроссмейстеров, в Скопле к ним добавились еще два — Владимир Савон и я. Окончательный состав сборной выяснился лишь за не-

сколько дней до отлета в Югославию. Ждали возвращения из Рейкьявика советской шахматной делегации. Сможет ли Спасский возглавить команду после окончания труднейшего матча на первенство мира? Увы, когда он вернулся из Исландии, стало ясно: экс-чемпион мира устал и не примет участия в Олимпиаде.

Поначалу настроение в команде было самое радужное. «Старики» подшучивали над нами — новичками, запасными игроками, вспоминая, как начинали в свое время они в том же ранге. А мы с упоением слушали ветеранов, памятуя, что Таль всего через два года, а Петросян через пять лет после выступления на шахматных Олимпиадах стали чемпионами мира.

В первом полуфинальном туре наша сборная команда выступала по традиции в своем основном составе — Петросян, Корчной, Смыслов и Таль. Но уже во втором туре мы с Савоном вступили в игру. Володя разнервничался и свою первую партию проиграл и затем почти всю Олимпиаду просидел на скамейке запасных. Я свою выиграл и дальше играл чуть ли не в каждом туре.

Полуфинал для нашей команды сложился практически спокойно. Только одна небольшая осечка произошла во встрече с кубинской сборной — ничья. (Я свою партию с кубинцем Кобо выиграл.)

В первом туре финала жребий определил нам в соперники сборную Венгрии — сильную, молодую, перспективную команду. Встречу мы проиграли — $1\frac{1}{2}:2\frac{1}{2}$.

Поражения, особенно от главного конкурента, отражаются на состоянии команды. Тем не менее мы в бодром настроении отправились на следующую встречу — с командой ФРГ. На первой доске ожидалась принципиальная партия недавних соперников в претендентском матче Хюбнер — Петросян. День этот оказался для нас удачным. Только поистине драматический случай с Петросяном не позволил добиться крупного счета.

А произошло вот что. Петросян по дебюту попал

в тяжелую позицию, но и цепко защищался и (как в старые добрые времена) с честью вышел из жаркого сражения. На последние семь ходов у него оставалось пять минут в позиции, ничейный исход которой становился все более очевидным. Понятным выглядело желание Петросяна после трудной защиты сделать ничью, по возможности надежнее с помощью крепких ходов. И вот на последующие четыре хода он израсходовал все оставшееся время...

Организаторы Олимпиады, желая помочь шахматистам в цейтноте, заказали часы с флажком, падающим в тот момент, когда минутная стрелка достигает его середины. Вторая же половина флажка показывает оставшееся до контрольного время по цифрам, нанесенным на циферблат мелким шрифтом. Это оказалось удобным лишь для рекламы. Ведь шахматисты, испытывая недостаток времени, не имеют возможности рассматривать цифры, а определяют оставшееся время по положению флажка.

Петросян и не подозревал о такой особенности часов. Взглянув на них (как выяснилось потом, за две-три секунды до контроля), он подсчитал, что времени еще достаточно, и продолжал обдумывать очередной ход. Но флажок упал, и сразу же подошел судья и зафиксировал просрочку времени. Растерявшийся и расстроившийся Петросян слегка приподнялся на стуле, взял часы, внимательно посмотрел на флажок, подошел к капитану команды Кересу и потребовал подать протест. Но какой же может быть протест, когда просрочено время?! Вечером, за ужином, один из югославов сообщил Петросяну, что все происходившее транслировалось по телевидению. «Если бы я знал об этом, непременно разбил бы часы», — ответил Петросян.

Матч с Голландией — и еще одна неприятность: проиграл Савон. В конце концов победу мы одержали, но с минимальным перевесом.

Надолго запомнилась следующая встреча — с бол-

гарской командой гроссмейстеров. Шахматисты Болгарии играют крепко, а нам очки нужны были позарез. От венгров мы уже отставали на два очка, от югославов — на $1\frac{1}{2}$. Матч с болгарами складывался удачно, и хороший результат был, казалось, не за горами. Но в отель мы отбыли с одной ничьей Петросяна и тремя неясными отложенными позициями.

На следующий день Талю удалось выиграть на первый взгляд ничейный эндшпиль с разноцветными слонами. Еще одно очко преподнес нам Трингов — в конверте не оказалось бланка с записанным им ходом, и согласно правилам болгарину было зачтено поражение. Впоследствии сам пострадавший рассказывал, как все произошло. Записав ход, он остановил часы и задумался. В этот момент к нему подошел партнер и начал обсуждать партию. Увлекшись беседой, Трингов машинально положил бланк с записанным ходом в карман, а пустой конверт заклеил и отдал судье.

Моя партия с Падевским стала в какой-то степени знаменательной. Она была последней из проигранных нашей командой на Олимпиаде. Падевский с первых же ходов получил белыми чуть худшую позицию. Меня подвело слишком сильное желание наказать противника за очень уж пассивную тактику. Я затратил много времени на поиски форсированно выигрывающих продолжений, попал в цейтнот и упустил преимущество. Соперник предложил ничью, я отказался, однако скоро допустил еще одну ошибку и отложил партию в худшей позиции.

Вечером все вместе анализировали эту отложенную позицию. Ветераны, как всегда, больше подшучивали друг над другом, потом ушли спать. Тренеры, пообещав еще подумать, отправили отдыхать и меня, — доигрывание должно было состояться рано утром.

Я, расстроенный, ушел в свой номер. Спал плохо. Наутро тренеры сообщили результат своего анализа, по их мнению, должна быть ничья. Но разработанный ими

план оказался ошибочным, да и я не смог хорошо разобраться в сложившейся ситуации. В ладейном эндшпиле загнал свою ладью в ловушку: пришлось сдать партию.

К пятому туру: к матчу с шахматистами ГДР наша команда подошла со слабым результатом: 9 из 16 и отставала от югославов на 3 очка, а от венгров на $2^1/_2$. Такого на Олимпиадах еще не бывало!

Капитан команды Керес собрал команду на обсуждение состава для выступления против команды ГДР. Обсуждение получилось бурным. И, признаюсь, эту бурю вызвал я. Наверное, после обидного проигрыша Падевскому я не сдержался и неожиданно для самого себя резко покритиковал тренеров, которые не всегда проявляли должное внимание к анализу отложенных партий, хотя в сложившейся ситуации для команды важно было не только каждое очко, но и каждая половинка. Покритиковал и ветеранов, которые как-то уж больно легкомысленно относились к положению команды в турнире и не оказывали поддержки нам, молодым.

Ветеранов, конечно, понять можно было — выступление на шахматных Олимпиадах для них было делом привычным, а мы с Савоном ждали от старших и опытных товарищей более серьезного внимания к себе и конкретной помощи, а не легкого похлопывания по плечу да воспоминаний, как играли они, будучи молодыми... То дело прошлое, да и соперники теперь стали куда сильнее! Покритиковал и себя, признав, что сделал далеко не все, чтобы спасти партию с Падевским. В заключение призвал всех к сплочению и активным коллективным действиям. Говорил горячо, не боясь сильных выражений. Не скрою — ветераны смотрели на меня с удивлением. Наверное, подумали, что не рано ли такому юнцу выступать с поучениями... Но выслушали меня со всей серьезностью и после обсуждения сообща приняли решение, что действительно положение требует неукоснительно придерживаться старого, испы-

танного правила командных соревнований: никто не должен проигрывать, а уж выигравший в таком сильном составе всегда найдется.

С шахматистами ГДР мы играли просто великолепно. До лидеров стало рукой подать, а к девятому туру наша команда была на втором месте, отставая от югославской всего на пол-очка.

На игру с американцами мы настраивались очень решительно, поскольку отставшие на очко венгры встречались с несильной сборной Испании и не скрывали радужных надежд. Я обыграл Бисгайера. Интерес вызвала встреча Таля с Бенко. Их шахматное знакомство имеет богатую историю. Еще в турнире претендентов 1959 года Бенко, проиграв Талю три партии, заявил, что тот его гипнотизирует, и на последнюю партию явился в темных очках. С тех пор прошло много лет. Бенко сменил темные очки на светлые, но в Скопле и они не уберегли его от неприятностей. Проиграв в очередной раз Талю, Бенко отказался подписать бланк. Пришлось эту процедуру проделать капитану американской команды.

За три тура до финиша югославы отстали, а сборные СССР и Венгрии сравнялись и вышли вперед. Нас это равновесие в общем устраивало: два последующих матча предстояло провести с аутсайдерами. Сначала нам удалось с крупным счетом выиграть у испанцев и создать запас в очко. Венгры же с трудом одолели румын. В этот момент все решили, что дело сделано: первое место обеспечено, и нам остается только пойти и получить свои очки у шахматистов Аргентины.

Все неприятности этого матча начались с моей партии. Решив «выигрывать спокойно», я неожиданно попал под сильнейшую атаку. Отбив первый натиск, успел предложить ничью, которая и была принята. Смыслов получил технически выигранную позицию, но на пятом часу игры, пропустив несложный удар, во избежание худшего тоже согласился на ничью. А в это самое вре-

мя венгры с крупным счетом выигрывали у команды Голландии. Но когда венгр Форинтош почувствовал, что от его партии зависит судьба команды, разнервничался и просмотрел мат в два хода, тут же в нашем матче Керес принял предложение аргентинского капитана о двух ничьих, и мы закончили игру со счетом 2:2.

Перед последним туром венгерские шахматисты отставали от нас лишь на пол-очка, а делить первое место для советских шахматистов равносильно проигрышу Олимпиады...

В последнем туре венгры играли с командой ФРГ, мы — с румынами. Напряжение предельное. Идем в игровой зал, смотрим на демонстрационные доски матча Венгрия — ФРГ и обнаруживаем, что в команде ФРГ не играют сильнейшие Хюбнер и Дарга. Первое, что пришло в голову — команда ФРГ решила проиграть свой матч в угоду сенсации, — потери СССР своего традиционного титула чемпиона шахматных Олимпиад.

Потом, правда, оказалось, что Хюбнер, обеспечивший себе первое место на первой доске, не вышел на игру, потому что не хотел рисковать. А Дарга уступил свое место Пфлегеру, который получал таким образом шанс побороться за гроссмейстерское звание.

Но мы этого тогда не знали, и волнение наше еще больше усилилось, ибо все, что теперь потеряет команда ФРГ, мы должны отыграть у довольно сильной команды румын. Этот последний тур проходил в упорнейшей нервной борьбе. Приходилось следить не только за тем, как складывается борьба на своей доске, но и за тем, как венгры играют против команды ФРГ.

Проходит час, другой. Венгерский гроссмейстер Рибли выигрывает у Кестлера, в зале звучат аплодисменты — венгры обходят нас на пол-очка. Но уже через несколько минут аплодисменты возникают по «вине» нашей команды: я выигрываю у Унгуряну. Мы снова впереди. Но вот Билек делает ничью с Хехтом. И уста-

навливается равновесие — у нас и венгров по 40 очков. Однако тут же Корчной побеждает Чокылтя, а Петросян подписывает мирный договор с Георгиу. Снова мы впереди. Так заканчивается игровой день. У нас одна отложенная партия, у венгров — две. Настроение повышается, но теоретически венгры еще могут нас догнать.

Утром Таль приносит в нашу копилку еще пол-очка — у нас уже сорок два, у венгров — пока сорок.

И тут наступает разрядка — проигрывает Чом. Победа за нами! Капитан венгерской команды Портиш быстро подписывает с Пфлегером мир — теперь от исхода этой партии уже ничего не зависит...

Кубок Рассела достался нам. Его читатель может видеть на фотографии, которая помещена на обложке этой книги.

Почему я столь много места отвел рассказу об Олимпиаде в Скопле? Да потому, что еще никогда, ни в одном соревновании лично я не ощущал столь упорной борьбы, которая велась здесь. Это во-первых. А во-вторых, я был очень доволен своим результатом. И не столько количественным: двенадцать побед, две ничьи и одно поражение — сколько качественным: мне удалось сыграть несколько красивых партий, из которых трудно было назвать самую лучшую...

Вскоре после второй мировой войны в Соединенных Штатах Америки известный музыкант Пятигорский, чья жена была чемпионкой США по шахматам, организовал в Санта-Монике на свои средства несколько первоклассных шахматных соревнований. Позднее на смену ему пришли коммерсанты. Всех их решил «переплюнуть» техасский миллионер Чорч, разбогатевший на продаже жареных цыплят. Владелец большой торговой фирмы, широкой сети ресторанов, магазинов, бензозаправочных станций, он решил организовать в 1972 го-

ду самый представительный шахматный турнир в истории Америки. По идее, в нем должны были принять участие все сильнейшие шахматисты мира. Каждому персонально были посланы приглашения. Чорч создал даже специальный комитет, который разработал торжественный ритуал приема почетных гостей. На аэродроме города Сан-Антонио самолеты с участниками турнира встречал эскорт служителей фирмы господина Чорча. От самолета до здания аэровокзала гости шли по красной нейлоновой ковровой дорожке. Необычно красиво и, я бы сказал, помпезно был оформлен зал для игры и т. д. и т. п.

Однако до конца выполнить намеченную программу королю «жареных цыплят» не удалось — в турнире не участвовал чемпион мира Фишер.

Американский мастер Г. Колтановский так объяснил его отсутствие: «Поскольку была опасность, что Фишер потребует в качестве гонорара все дело господина Чорча, мы решили Бобби не приглашать».

Не приехал и другой американский гроссмейстер — Роберт Бирн, которого заменил его брат Дональд. Если же говорить о сильнейших европейских гроссмейстерах, то все они, исключая разве что Хюбнера и Любоевича, собрались в Сан-Антонио. Для меня этот турнир значил многое. Я был очень доволен собравшейся здесь компанией, ибо получал возможность впервые померяться силами в личных встречах почти со всеми сильнейшими зарубежными гроссмейстерами. Познакомиться с ними не по записям партий, а за доской, открывая для себя сильные и слабые стороны их характеров.

Турнир я начал весьма прилично и набрал сразу семь очков из восьми. Конкурировали со мной сначала Ларсен, потом Керес. В игре между ними сложилась любопытная ситуация. Ларсен скорее всего мог выиграть, но в один момент промедлил и отложил партию с лишней пешкой в ферзевом эндшпиле. Шансы на победу у него, видимо, оставались. Однако домашний

анализ показал, что у Кереса достаточные шансы на ничью. Убедившись в этом, мы, как часто бывает, стали «баловаться» — смотреть разные продолжения, так сказать, «в порядке бреда». Наткнулись на комичный вариант, при котором проигрывает уже Ларсен, если решит идти к победе напролом, сломя голову, уже в абсолютно ничейной позиции. Невероятно, но факт: именно эта самая лишняя пешка не даст его королю вырваться из матовой сети, в которую он сам и залезет. Смешно? Нереально?.. На другой день я заглянул в турнирный зал на доигрывание. И вижу — король Ларсена уже запутался в матовой сети и ему пора сдаваться! От этого удара Ларсен не сумел оправиться. Вскоре, проиграв Портишу, отстал от меня и Керес.

Но затем и я допустил «осечку» в партии все с тем же Портишем... Где-то мой соперник, игравший белыми, выпустил перевес, но в хорошей позиции я просчитался и тут же «сгорел». Любопытно, что мы с Кересом допустили одинаковую психологическую ошибку. Еще по дороге в Сан-Антонио, в Далласе, советские шахматисты повстречали Портиша. Он, давший только что сеанс одновременной игры на 65 досках, выглядел крайне утомленным. Видя, что качество его игры и на этом турнире не очень высокое, мы стремились использовать это обстоятельство, и оба были наказаны. После неудачного старта Портиш набрал в десяти последних турах девять очков (!). Не правда ли, выразительный штрих к его портрету?

В турнире в Сан-Антонио участвовал молодой Энрике Мекинг — «шахматный Пеле» из Бразилии, который в ту пору известен был не только как шахматист с большим будущим, но и своими, мягко говоря, экстравагантными выходками.

В начале турнира, когда со мной конкурировал Ларсен, Мекинг подошел ко мне и спросил: «Знаете, что я отложил партию с Ларсеном в лучшем положении?» — «Знаю». — «Хочу попросить вас помочь мне при домаш-

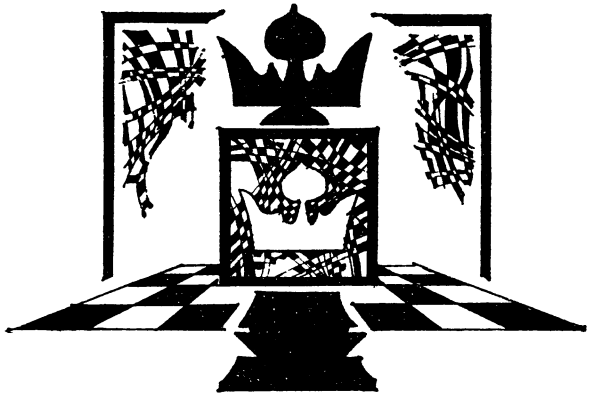
нем анализе». Я решительно отказался. Ведь Мекинг надеялся на мою помощь потому, что таким способом я сумел бы отодвинуть подальше от себя конкурента. Но чем больше выгод сулит такая сделка, тем она более неспортивна. Впрочем, в партии со мной Мекинг вел себя вполне корректно. Мы играли с ним в последнем туре. После неудачи с Портишем, а затем и с Капланом, где мне не удалось добиться победы, меня догнал Петросян. К нам подтянулся и Портиш, который перед последним туром отставал от нас всего на полочка. Обычно, когда я иду на обгон, то играю хорошо на финише, когда же лидирую — немного притормаживаю: синица уже в руках, и не хочется рисковать. В последнем туре я шел делать ничью с Мекингом. Она гарантировала мне дележ первого места. Мы сели за столик, и я заметил: Мекинг глядит на меня затравленным зверьком. Почему? Он ведь играл в турнире неудачно, и для него последняя партия не имела значения. Но он почему-то волновался больше меня. Потом, почувствовав, что меня устраивает ничья, тут же заулыбался.

На этом турнире я впервые встретился с Фишером. Правда, не за шахматной доской... Было это так. Перед последним туром начало партий вдруг почему-то отложили минут на десять-пятнадцать. Не понимая, что происходит, я подошел, кажется, к Кересу и спросил, в чем дело. Он сказал, что ждут Фишера. Мне непонятно было, почему из-за Фишера надо откладывать начало тура. Положено начинать в два часа, мы пришли. Сидим. Уже десять минут третьего. Так почему надо ждать? Он же не участник турнира! А если бы он был участником, ему бы включили часы, и все. И начался бы тур. Но так уж получилось, что в знак уважения к Американской шахматной федерации, к организаторам турнира участники не стали противиться. Сидим ждем. Появился Фишер вместе с Эйве. Затем Фишер поднялся на сцену, поздоровался с каждым участни-

ком. Вот и все мои впечатления. А дальше я уже играл и больше Фишера не видел. В тот же вечер он, кстати, улетел из Сан-Антонио. Могу лишь сказать, что внешне он тогда произвел на меня довольно приятное впечатление...

Рассказом о турнире «жареных цыплят» я хотел бы закончить эту вторую главу. Почему? Да потому, что здесь я наконец встретился в личном поединке со многими шахматистами экстра-класса и сыграл с ними весьма и весьма неплохо. Так что экзамен на зрелость выдержал успешно, и теперь я мог считать свое общее шахматное образование завершенным, и, следовательно, начинался новый этап моей жизни, начиналось «высшее» специальное шахматное образование...

Глава III

НЕОЖИДАННО КОРОТКАЯ ДОРОГА К ВЕРШИНЕ

Решающий этап очередного цикла борьбы за шахматную корону мира — межзональные турниры пришлись на весну 1973 года. Задача этих турниров — их на этот раз было два — определить шестерку претендентов, которым вместе со Спасским и Петросяном предстояло выявить того, кто сразится с чемпионом мира Робертом Фишером.

Я тоже получил право на участие в ленинградском межзональном турнире. Правда, окончательно решиться этот вопрос должен был в матче между двумя последними чемпионами мира среди юношей — швейцарцем Хугом (чемпионом 1971 года) и мной (чемпионом 1969 года). Но Швейцарская федерация, взвесив возможности своего представителя, уступила это место мне без игры, правда, потом попросила все же включить Хуга во второй бразильский межзональный турнир.

Итак, предо мной открывалась широкая дорога на шахматный Олимп. Какой-то она будет?

Я весьма трезво оценивал свои шансы и считал, что этот цикл не может быть «моим», ибо я еще не накопил серьезного опыта матчевых встреч. Но где-то в глубине души я уже лелеял надежду выйти на финишную прямую и в этом цикле. Чем черт не шутит! Без честолюбивых намерений чемпионом мира не станешь...

Однако перед собой ставил вполне четкие и конкретные задачи: как максимум — победить в межзональном турнире, а как минимум — во что бы то ни стало попасть в тройку его призеров, ибо, по регламенту 1973 года, от каждого турнира только по три призера попадали в число претендентов.

Должен заметить, что попасть в тройку призеров задача куда более трудная, чем та, которая решалась в межзональных турнирах в предыдущих циклах. Тогда турнир был один, и претендентами на матч с чемпионом мира становилась шестерка его победителей.

Мой турнирный опыт позволял надеяться, что поставленная задача мне по плечу. Другое дело, что будет дальше. Повторяю — опыта участия в серьезных матчах с сильнейшими гроссмейстерами у меня еще не было. А шахматный матч — это совсем особое состязание со своими законами, со своей спецификой. Вот почему я искренне заявил тогда журналистам: «Это не мой цикл». Эти слова подхватили и потом, когда я стал чемпионом мира, склоняли на все лады, комментируя их и так и эдак. Чаще утверждая, что это был мой хитрый ход, вводящий в заблуждение соперников...

Еще и еще раз признаюсь: никакого хитрого хода не было. Я честно сказал то, что думал. Другое дело, что у меня было на душе...

Вернемся, однако, к началу межзональных турниров. Такие турниры обычно пестры по своему составу. Кро-

ме шахматистов экстра-класса, в них обязательно попадают несколько представителей молодых шахматных стран, где наша игра еще не слишком развита. От этой пестроты возникла тогда и некоторая сложность в распределении участников на два турнира.

Состав ленинградского межзонального турнира многим казался более сильным, чем бразильского.

В Ленинграде играли: датчанин Ларсен, Хюбнер из ФРГ, Смейкал из Чехословакии, американец Бирн, югослав Глигорич, филиппинец Торре, Ульман из ГДР, болгарин Радулов и другие зарубежные шахматисты, а также шесть наших гроссмейстеров: Таль, Корчной, Тайманов, Кузьмин, Тукмаков и я.

В Петрополисе (Бразилия) играли тоже шесть советских гроссмейстеров: Смыслов, Геллер, Савон, Полугаевский, Керес и Бронштейн, а также американец Решевский, Горт из Чехословакии, румын Георгиу, югославы Ивков и Любоевич, венгр Портиш, аргентинец Панно, любимец бразильской публики Мекинг и другие.

Вообще прогнозов перед началом того и другого турниров было великое множество. Наш, ленинградский, начинался раньше — в мае. Бразильский — в июле. Когда спросили Спасского, кто будет победителем ленинградского турнира, он сказал так: «Двое будут из числа фаворитов, а один — «мистер Икс».

И все стали гадать, кто есть кто. Среди безусловных фаворитов называли Таля, Ларсена, Корчного. А кто будет «мистером Икс»?

Сначала вперед вырвался Ларсен — в первых шести турах он имел пять побед и одну ничью с филиппинцем Торре. Удивительно, но именно эта потерянная половинка очка удручающе подействовала на датчанина. Он даже убежал тогда от корреспондентов, с которыми обычно был очень любезен. А когда Ларсен потерпел поражение в принципиальной схватке, тут уж он

совсем зашатался. Не выдержали нервы, и в итоге датчанин поделил 5—6-е места с Хюбнером.

От Роберта Хюбнера из ФРГ тоже ждали многого. На предыдущем межзональном турнире Хюбнер как раз и оказался тем самым «мистером Икс», нежданно-негаданно выскочившим из-за спин нескольких других кандидатов в претенденты. А его игра на Олимпиаде в Скопле, где он обошел лидеров всех команд, не проиграл ни одной из восемнадцати партий и в двенадцати одержал великолепные победы, давала веские основания полагать, что именно Хюбнер может помешать кому-то из советских гроссмейстеров добиться успеха.

Но, однако, в Ленинград из Кёльна Хюбнер приехал после работы над университетским дипломом, работы, которая почти полгода не позволяла ему прикасаться к шахматам. Хюбнер просил сажать его за столик в самой глубине сцены, где меньше слышен тысячеместный зрительный зал. За этим столиком действовал он чересчур спокойно, без огонька: видимо, разыгрывался. И все же как-то незаметно подкрался к лидерам. Но вдруг был легко побежден совсем еще тогда неопытным кубинцем Эстевесом. Зря Хюбнер не прислушался к словам этого «охотника за гроссмейстерскими скальпами», который, назвав мат, объявленный им самому Талю, чудом, тут же добавил, что, если удастся повторить этот номер еще с кем-нибудь из гроссмейстеров, он, Эстевес, будет считать задачу на турнире выполненной.

В спор за претендентское место мог вмешаться и Ян Смейкал. Начал он турнир с двух поражений (в первом туре от Таля, а во втором — совсем обидное — от аргентинца Кинтероса: Ян, сделав уже выигрышный 40-й ход в партии с аргентинцем, не успел перевести часы и получил вместо единички ноль). Но он не пал духом и потом подряд выиграл семь партий (!) и вошел в группу лидеров. Однако его продвижение приостановил Роберт Хюбнер. В результате четвертое место — за чертой призеров.

Что же до «мистера Икс», то им оказался американец Роберт Бирн. Бирн готовил эту сенсацию. Иначе как понять сказанное неразговорчивым американцем уже в самом начале турнира: «Я себя считаю человеком, который может многих удивить». И он удивил, — пройдя весь турнир очень ровно, став третьим призером и участником последующих матчей претендентов.

К сожалению, в число призеров не попал Таль. Он оказался лишь восьмым — болезнь, особенно в начале турнира, помешала ему показать хороший результат. В конце он разыгрался, но было уже поздно.

А победителями турнира оказались Корчной и я. Корчной провел весь турнир сильно, проиграв только одну партию. Мне удалось пройти турнир без поражений и сыграть несколько хороших партий, одна из которых — с аргентинцем Кинтеросом — была признана лучшей в турнире. Однако лично я считал одной из самых важных для себя партию с Талем, которую я должен был проиграть и не проиграл.

Эту партию Таль отложил с реальными шансами на выигрыш.

Вечером дома я мучительно искал ничью, которая то появлялась, то вдруг куда-то исчезала. У моего тренера Фурмана кошки скребли на душе, но он старался меня успокоить — доигрывание, мол, не скоро, есть еще время поискать спасение. Это было слабым утешением. Я спал эти ночи тревожным сном...

И случилось чудо, неожиданный ход, ведущий к спасительному решению, был найден в полудреме, и только я его нашел, как тотчас заснул. Проснувшись на следующее утро, я никак не мог вспомнить этот победный ход, и мы потратили с Фурманом много часов, чтобы воспроизвести «приснившееся». Впрочем, Таль при доигрывании действовал не лучшим образом, и для достижения ничьей сильнодействующего этюдного средства не понадобилось.

Много сил отняла у меня партия с колумбийцем

Куэлларом. Он принадлежит к тем шахматистам, которые, понимая всю тщетность своих попыток борьбы за высокое место, видят свое турнирное предназначение в снятии одного-двух «скальпов» с наиболее почетных шахматистов. О них так и пишут — «гроза гроссмейстеров». Наверное, Куэллар и вознамерился такой «скальп» снять с меня. Действовал он очень решительно, на манер канадских хоккеистов, только вместо шайбы вбросил в мою «зону» пешку, а вслед за ней направил туда же отряд своих фигур. Мне пришлось изрядно поломать голову, отражая остроумные атаки белых, я даже попал в цейтнот, но все же, изловчившись, выиграл сначала пешку, а потом и партию.

В предпоследнем туре я играл с Яном Смейкалом. И мне и ему нужна была только победа. Особенно Яну. Я еще мог сделать и ничью. А Смейкалу и ничьей было мало. Только выиграв у меня, он мог попасть в тройку призеров... Это был по-настоящему острокритический момент.

Смейкал играл белыми и преподнес мне сюрприз — он пошел королевской пешкой. И я решил ответить ему сюрпризом — применил в сицилианской защите не очень детально подготовленную идею. Ян отлично разобрался за доской и тонкой игрой получил заметное преимущество. Правда, все это потребовало от него большой затраты времени на обдумывание. В дальнейшем, попав в цейтнот, он не нашел решающего продолжения, а перед самым откладыванием еще и зевнул пешку. Мне по-человечески было жаль его.

Однако отложенная позиция еще не гарантировала мне победы. По дороге на доигрывание у нас сломалась машина, и я опоздал — пришлось добираться на метро и пешком. Войдя в зал, я увидел нервно прохаживающегося по сцене Смейкала. На моих часах оставалось всего двадцать минут до падения флажка. Я быстро подошел к столику и сделал свой записанный ход. Вначале все шло в соответствии с нашим домашним

анализом. Смейкал играл сильно и делал лучшие ходы. Но вдруг у него произошла маленькая осечка. Маленькая, но мне хватило ее для победы. А это означало, что дележ первого места мне уже обеспечен.

Так уж случилось, что борьба за первенство мира на протяжении следующих семи лет велась между победителями этого турнира — мной и Корчным. Проигрывая мне, Корчной будет говорить немало злых, желчных слов и в мой адрес, и в адрес моих тренеров и секундантов, да и в адрес многих других советских шахматистов. Вот почему мне хочется дословно привести здесь заявления Корчного, сделанные вскоре после окончания межзонального турнира в Ленинграде.

«Выиграть состязание претендентов мне вряд ли удастся. Среди моих соперников есть «неудобные» шахматисты. Я вообще считаю, что обыгранное Фишером поколение уже не может с ним успешно бороться. Эта задача по плечу молодежи. Справится ли с ней Карпов? Не знаю. Последние выступления Карпова показали, что как турнирный боец он, видимо, не уступает Фишеру...»

И далее:

«...Конечно же, намерение Карпова бороться за самое высокое место в межзональном турнире ни для кого не было сюрпризом. В этом турнире он играл более зрело, чем раньше. Карпов становится большим турнирным бойцом, не останавливающимся при необходимости перед риском, способным драться за победу в каждом поединке. При этом он весьма практичен, не допускает грубых ошибок. Игра его напоминает теперь игру Спасского в лучшие годы — собранность в каждой встрече, ровность во всех стадиях партии, отсутствие явных оплошностей».

К сожалению, Корчной скоро забудет эти слова и будет говорить совсем иное...

Теперь несколько слов о турнире в Петрополисе. Там тоже шла упорнейшая борьба. Один за другим ме-

нялись лидеры. Сначала удивил всех молодой Любоевич, чуть ли не до половины турнира возглавлявший таблицу. Потом его потеснил Портиш, затем Полугаевский. В конце турнира вдруг вперед, к неописуемому удовольствию бразильских болельщиков, вырвался Мекинг. Он и оказался единоличным победителем.

До межзонального турнира в Бразилии я бы никогда не решился назвать Мекинга в числе будущих претендентов, хотя не сомневался, что он шахматист талантливый. Но он значительно усилился, в последние годы очень много работал и сыграл на межзональном турнире достойно.

Мне, конечно, было лестно узнать мнение Мекинга, что, дескать, только он и я сможем отнять у Фишера звание чемпиона мира. Я подумал тогда: а в самом деле, неплохо было бы встретиться с Мекингом в финальном матче претендентов... Но это было маловероятно. Я считал, что мы оба — и я и Мекинг — еще достаточно «сырые» шахматисты, чтобы пробиться в финальный матч. Надежды вернее возлагать на будущий трехлетний цикл борьбы за это звание.

На еще два претендентских места в Петрополисе претендовали сразу трое — Геллер, Полугаевский и Портиш. Только в дополнительном матче-турнире окончательно выяснился состав претендентов. К уже известной шестерке присоединились Полугаевский и Портиш.

Жеребьевка свела в первом матче — меня с Полугаевским, Корчного с Мекингом, Петросяна с Портишем и Спасского с Бирном.

Начиналась пора подготовки к четвертьфинальным матчам претендентов.

Однако всей пятерке советских претендентов предстояло еще участие в 41-м чемпионате СССР, который впервые в истории советских шахмат имел официальное наименование: «Чемпионат страны (высшая лига)». Это добавление в скобках и предопределило очень силь-

ный, даже по меркам наших чемпионатов, состав турнира. Ведь была еще и первая лига, куда допускались гроссмейстеры, относительно неудачно сыгравшие в полуфиналах, и наиболее сильные мастера. В «высшее же общество» — в высшую лигу — вошли четырнадцать участников текущего трехлетнего цикла борьбы за первенство мира (безвременно умершего Леонида Штейна заменил чемпион мира среди юношей Александр Белявский) и победители четырех полуфиналов первенства 1973 года.

Впервые в тот год я нацеливался на титул чемпиона страны. Право на такую цель мне давали стабильно высокие результаты в ряде соревнований после первенства 1971 года. Однако и на этот раз чемпионом я не стал. Им стал Борис Спасский. После победы над Тиграном Петросяном в матче 1969 года это было высшее достижение Спасского, проведшего последние турниры в безуспешной погоне за «жар-птицей», так предательски покинувшей его. Во время чемпионата СССР секундантом Спасского опять был гроссмейстер Игорь Бондаревский. Союз, распавшийся незадолго до матча с Фишером, возобновился, и многие склонны приписать именно Бондаревскому, человеку с жестким и требовательным характером, немалую долю в удаче экс-чемпиона мира.

Мне же взять первое место помешала прежде всего определенная раздвоенность. С одной стороны, хотелось выиграть первенство, с другой — нельзя было полностью «раскрываться», потому что впереди маячил четвертьфинальный претендентский матч с Полугаевским. Необходимо было экономить силы и... дебютные варианты.

Начал я, если иметь в виду очки, так здорово, как никогда раньше. И все же даже в тех партиях, которые я выиграл, как, например, с Савоном и Белявским, меня не покидало ощущение какой-то неудовлетворенности собой. Чувствовалось, что игра не очень идет.

Порой приходилось просто переламывать себя и партнеров. Так было и в шестом туре, когда я выиграл напряженную партию у Корчного.

Следующая партия со Спасским едва не выбила меня из колеи. Я добился хорошей, очень хорошей, а быть может, даже форсированно выигранной позиции. Но не выиграл и вообще чуть не проиграл. Да еще в довершение всего тогда же и простудился. В восьмом туре я совершенно неожиданно проиграл Петросяну. Неожиданно потому, что я уж никак не настраивался на борьбу и ожидал быстрой ничьей. Петросян до этой партии сделал семь ничьих подряд и перед нашей встречей демонстративно показывал, что настроен весьма миролюбиво. Это поражение стало для меня хорошим уроком на будущее...

Поняв, что моя спортивная и физическая форма оставляет желать лучшего, я не стал насиловать себя, не стал лезть на рожон. В итоге разделил 2—5-е места со всеми другими претендентами — Петросяном, Полугаевским и Корчным. Так что я считаю свой результат вполне приличным, тем более что в конце удалось все же преодолеть спад. Очков на финише я набрал меньше, чем на старте, но качество игры было выше.

Думаю, победа Спасского в чемпионате 1973 года не была столь уж убедительной и многообещающей для него. Экс-чемпион мира стоял проигранно со мной, форсированно мог проиграть Корчному, имел тяжелую позицию против Кузьмина... Проиграй он любому из нас, и выигравший уже делил бы с ним первое место. И еще. Взгляните на таблицу результатов повнимательнее. Кого обыграл тогда Спасский: всех занявших последние места. Обыграл при помощи старого багажа: скажем, Рашковский и Тукмаков зачем-то играли с ним различные варианты сицилианской защиты, которые Спасский тщательнейшим образом готовил еще к матчу с Фишером, и Свешников проиграл Спасскому в том же постоянно избираемом им варианте.

Петросян, Полугаевский и я действовали, как велосипедисты на знаменитом тульском велотреке во время спринтерских гонок. Мы следили друг за другом и не стремились уходить вперед, чтобы, как говорят гонщики, «ветер не ударил в лицо». До остальных нам дела не было.

Спасский же вовсю крутил педали. Он выкладывался полностью, не приберегая для матчей претендентов какие-то теоретические откровения, щедро демонстрировал свои планы в ряде систем, сознавая: перед матчами претендентов ему надо почувствовать свою силу. Все предшествующие международные соревнования он провел, я считаю, на низком уровне, возможно, еще сказывалась депрессия после матча с Фишером. Теперь ему надо было во имя будущего преодолеть психологическую травму, вернуть уверенность, ощутить вкус настоящей победы. И он добился своего.

Для всех претендентов этот чемпионат оказался очень сложным турниром. Фактически у нас вообще нет турниров, где можно экспериментировать. Допустим, я начал бы экспериментировать, — а время от времени это необходимо, — но игра не сложилась, и я провалился — тогда на следующий крупный турнир могут уже послать не меня. Так и приходится экспериментировать с оглядкой на результаты.

Полугаевскому, моему предстоящему сопернику, этот турнир вообще был не нужен — он позже других пробился в восьмерку претендентов. Он устал и поэтому играл предельно рационально, хотя обычно вкладывает в шахматную партию все свои силы, все знания. А здесь было видно, что он играл вполсилы.

И я тоже играл не в полную силу, но не потому, что мне не нужен был этот турнир, как раз мне нужно было хорошо в нем сыграть. Просто я почувствовал: нахожусь в плохой форме. Хотя в некоторой степени это хорошо, что я еще не вошел в форму, так как основные испытания начинались после чемпионата. И форсировать фор-

му в ходе турнира, по-видимому, не имело смысла.

И Петросян, конечно, помышлял лишь о том, чтобы не особенно отставать от других претендентов. У него все мысли были о Портише. В их предыдущих встречах явный перевес складывался у Портиша, хотя я не думаю, что в матче это имеет особенно большое значение. Более важным могло оказаться то, что Петросян еще ни разу у Портиша не выигрывал. Это всегда грозит обернуться некоторым психологическим барьером. Впрочем, случается и обратное.

Я полагал, что и Корчной не будет особенно выкладываться. Сначала и он играл вполсилы, но потом его заело, особенно после поражения в партии со мной в шестом туре, он начал работать с полной нагрузкой и вкладывал максимум усилий в каждой партии от ее начала и до конца. Вообще у Корчного очень многое зависит от настроения. Если он в хорошей форме и в хорошем настроении, то играет очень эффектно. А нет формы — он играет на голом честолюбии, и игра ему дается с колоссальным трудом, и он мучает себя и других и ищет виноватых.

Можно было лишь предположить, что если Корчной окажется в нормальной форме и настроении, то Мекинга он победит; если же игра у него не пойдет, то уже первый матч для него будет очень напряженным и неприятным...

После чемпионата СССР я принял приглашение сыграть еще на одном большом турнире — в Испании. К предполагаемому моему вояжу экс-чемпион мира Ботвинник отнесся отрицательно. Он считал: чем лучше я выступлю в Мадриде, тем хуже пойдут мои дела в претендентских матчах. У меня было иное мнение. И я не ошибся.

Турнир в Мадриде был первым крупным международным турниром, где мне удалось единолично выиграть первый приз, не поделив его ни с кем. До этого

долгое время я только цеплялся за первое место, но кто-нибудь непременно становился рядом со мной. Правда, «соавторы» менялись, а я оставался, но все равно делить первое место мне уже порядком надоело. Именно об этом я думал перед началом турнира, хотя главным образом все же ставил перед собой тренировочные цели.

Для шахматиста название этой страны — Испания — непременно ассоциируется с названием города — Пальма-де-Мальорка. Там в течение ряда лет организовывались большие международные турниры. А в 1973 году турнир проводился в Мадриде — городе, где почти четыреста лет назад, в 1575 году, состоялся первый международный турнир в истории шахмат вообще, турнир, в котором сражались итальянские мастера Леонардо и Паоло Бон и испанцы Лопес и Серон.

Мадрид оставил на память мне много ярких впечатлений. Особенно запомнилась поездка в Эскориал — мемориальный дворец испанских королей в Пиренеях. С экскурсией этой связан один комический случай.

Поехали мы все, кроме Портиша, который прибыл в Мадрид задолго до турнира с женой и, видимо, имел в тот день какие-то личные причины остаться дома. Всю дорогу Уолтер Браун развлекал Ульфа Андерссона и Хулио Каплана тем, что показывал им свои партии. Добравшись до места, мы отправились разыскивать вход во дворец, потеряв из виду тройку увлеченных беседой молодых шахматистов.

Осмотрев дворец в Эскориале, мы вернулись к автобусу, и я заметил всех трех в небольшом буфетике. Они попивали какие-то напитки и вяло передвигали шахматные фигурки. «Во дворце-то были?» — спрашиваю их. «Нет, не были». — «Зачем же ехали за полсотню километров? В шахматы можно и в отеле играть...»

В принципе я ничего, кроме уважения, не питаю

к людям, увлеченным своим делом. Но я не хочу впадать и в крайности — никогда не соглашусь, что в мире, кроме шахмат, нет ничего иного.

Условия игры в мадридском турнире были довольно своеобразные и нелегкие. Он проходил в одном из холлов первого этажа гостиницы «Кастельяна». Перед каждым туром организаторы, заботясь о свежем воздухе, основательно проветривали помещение, и во время дебюта бывало прохладно. Затем небольшой зал постепенно заполнялся зрителями, и в миттельшпиле была уже нормальная температура. К концу тура страсти распалялись, и, несмотря на строгий запрет, зрители закуривали. Атмосфера сгущалась, становилось душно, и в эндшпиле случались промахи...

Впрочем, зевок в партии первого тура с Помаром я допустил отнюдь не в эндшпиле. У меня было все время чуточку лучше, чем у соперника. И притупилась бдительность. Я просмотрел несложный удар, в результате Помар получил качество за пешку. Потом я хотел было предложить ничью, но, поскольку не очень рисковал, решил еще немного поиграть. И... выиграл.

Большую часть мадридского турнира я играл, как говорят шахматисты, «на технику», не особенно выкладываясь, помня о том, что скоро предстоит четвертьфинальный матч претендентов с Полугаевским.

Тем временем вперед ушел гроссмейстер Вольфганг Ульман (ГДР). После одиннадцати туров за лидером, отстав на очко, двигалась тройка советских шахматистов (Фурман, Тукмаков и я) и Властимил Горт из Чехословакии.

В двенадцатом туре я выиграл у Ульмана. Побед добились и Тукмаков, и Фурман, и мы все трое догнали лидера. Дело довершил мой тренер, который на следующий день, как бы принимая соперника от меня, тоже обыграл Вольфганга. Правда, Фурман потом неожиданно проиграл испанцу Рикардо Кальво и не смог поделить со мною первого места. Я же финишировал хо-

рошо, за что был отмечен специальным призом. Вообще качеством своей игры я остался доволен и не без оснований с оптимизмом смотрел в будущее, считая, что генеральная репетиция накануне соревнований претендентов прошла удачно.

В один из вечеров в гостиничном холле был вывешен список лучших шахматистов 1973 года, составленный по результатам голосований шахматных журналистов. Мое имя в этом списке стояло первым. Собственно, для меня это не было неожиданностью, поскольку спортивные результаты всего шахматного года предопределяли такой итог. На торжественном закрытии матча вместе с первым призом этого представительного соревнования мне был вручен также международный приз «Шахматный Оскар» — премия лучшему гроссмейстеру года, пожалуй, самая почетная сейчас награда после золотой медали чемпиона мира.

Я взглянул на статуэтку, изображающую герб Мадрида, — забавный медвежонок пытался взобраться на большое, крепкое дерево, — и подумал тогда о матчах претендентов, которые меня ожидают... Заберется ли мой медвежонок на вершину?

Пока же я только еще стал одним из претендентов на встречу с чемпионом мира, и на первом этапе мне предстоял четвертьфинальный матч с Львом Полугаевским.

Это был мой первый официальный матч с шахматистом экстра-класса. Мы должны были играть до трех побед и сыграть не более шестнадцати партий. Если никто из нас не добьется трех выигрышей, победителем признают того, кто ведет в счете.

Но шестнадцать партий играть тогда не пришлось, хотя предположить, что я добьюсь победы досрочно, было трудно.

При подробном ознакомлении с творчеством соперника мы с моим тренером установили, что Полугаевский прекрасно играет в позициях, требующих точного,

конкретного расчета, и теряется в позициях без конкретного плана, со всевозможными слабостями и фиксированным пешечным расположением, требующим учета каждого хода противника. И наш «план кампании» вкратце выглядел так: Полугаевский любит позиции счетного характера — не давать ему их получать на доске. Узость дебютного репертуара соперника облегчала задачу.

Внешне матч вылился в ярко выраженную теоретическую дуэль, как и предсказывали многие авторитеты. Конечно, по партиям нельзя утверждать, что мне удалось «похоронить» четырежды встречавшийся в матче вариант сицилианской защиты. Но точно одно: именно этот вариант оказался ключом к Полугаевскому.

Начиная этот матч, я не сразу вошел в игру. Первые три партии мы закончили миром. Готовясь к четвертой, Полугаевский, видимо, дома нашел интересную дебютную идею и получил на доске прекрасную позицию.

Вот тут-то на первый план и выступили психология и устойчивость нервной системы.

Полугаевский на последнем часу борьбы — а это тоже мы с тренером учитывали при подготовке — из-за постоянных счетных операций часто попадает в цейтнот, нервничает и ошибается. Так и случилось в четвертой партии — под конец он начал выпускать преимущество, достигнутое вначале ценой затрат огромных усилий. Поэтому к моменту перерыва у меня уже были неплохие шансы на победу.

Всю ночь с Семеном Абрамовичем мы провели за анализом. Отдохнуть как следует не удалось. К сожалению, все наши ночные труды пошли прахом. Полугаевский при доигрывании преподнес нам сюрприз. Он избрал продолжение хоть и не сильнейшее, но зато такое, которое мы даже не изучали. Однако все же мне удалось найти путь к победе, и я повел в счете — 1 : 0.

Полугаевский успел пустить в действие еще одну до-

машнюю заготовку. В пятой партии белые получили абсолютно выигрышную позицию. Спасаясь от немедленного проигрыша, я отдал ладью за слона. И тут в голове у меня промелькнули слова из популярной песенки: «Все как дым растаяло...» Наверное, подсознательно я имел в виду преимущество в счете, добытое с таким трудом в прошлой партии. Тем не менее эта настойчиво повторявшаяся строка меня вроде бы и убаюкала. Сидел я как ни в чем не бывало, словно у меня вполне приличная позиция. И тут Полугаевский, кажется, поверил в мое спокойствие...

Должен сказать, что в матчах — где-то с третьей или четвертой встречи — начинаешь уже как бы ощущать своего противника, его настроение и его, быть может, даже желания. Иногда угадываешь мысли, по крайней мере, направление, в котором работают эти мысли. Вероятно, и Полугаевский почувствовал, что мне уже ничего не страшно, что я внутренне засчитал себе ноль и потому абсолютно спокоен. Но ему-то, ему-то еще надо добиваться победы, и ко мне — не правда ли, забавно звучит в такой ситуации? — вроде бы перешло психологическое преимущество. И это его убило!

Разуваев рассказал как-то историю, случившуюся с ним в Югославии. У него был дикий цейтнот в партии с Кинтеросом. Флаг на часах уже начал подниматься, а позиция все еще оставалась неясна. У Кинтероса тоже немного оставалось времени, но все-таки побольше. Вот он быстро делает ход, переводит часы. Флаг Разуваева начинает ползти вверх. А тот вдруг берет чашечку кофе, медленно-медленно пьет... и не спеша делает ход. Аргентинец, как увидел все это, враз обомлел, и руки у него даже затряслись. Партию ту он сгубил хода в три-четыре — так на него подействовало спокойствие соперника (а был это никакой не психологический прием, просто у Разуваева вообще реакция замедленная). По-моему, Полугаевский оказался в схожем с Кинтеросом положении. Правда, партию он не проиг-

рал — просто невозможно было, но ничью почел чуть ли не за благо.

Нашу шестую партию можно назвать в какой-то мере решающей. Снова (в третий раз!) была разыграна сицилианская защита. Но я на шестнадцатом ходу вынудил Полугаевского разменять своего слона на моего коня и получил явный позиционный перевес. Далее черные играли не лучшим образом. Мои фигуры заняли прочные позиции и овладели важнейшими полями доски. Я сконцентрировал все свои силы для нанесения решающего удара на королевском фланге, и позиция черных развалилась. Полугаевский признал себя побежденным.

В восьмой партии опять на доске появился очередной вариант сицилианской защиты. И опять Полугаевский не мог противостоять моей атаке. 3 : 0! Матч окончен досрочно. Из шестнадцати возможных сыграно «всего» восемь партий.

Что же, это означало, что первый опыт прошел для меня весьма успешно...

Перед нашим матчем с Борисом Спасским (двадцать партий, до четырех побед) прогнозов было еще больше. Почти все отдавали предпочтение моему более опытному сопернику.

И начало матча не сулило мне ничего хорошего — я заболел. Температура поднялась до 39. Не начиная игры, я взял первый (из двух возможных) тайм-аут. И только потом, после матча, мы с Фурманом сообразили, что с разрешения врача можно было отложить начало состязания...

Через день Спасский и я сели за столик, установленный на сцене Ленинградского Дворца культуры имени Дзержинского. Чувствовал себя я неважно, но не брать же второй тайм-аут!

И первую партию, хотя я играл белыми, проиграл.

Мой противник, как и Полугаевский, строил всю ту же сицилианскую защиту. Но играл я пассивно, и уже к тридцатому ходу две проходные связанные пешки черных должны были решить исход борьбы в свою пользу. Я отложил партию в трудном положении, продержался в день доигрывания до 63-го хода, но ничего существенного не добился и сложил оружие...

Фурман успокаивал меня: «Ничего, Фишер тоже проиграл Спасскому первую партию!»

Опыт прошлых матчей Спасского показывал: надеясь на свое преимущество над партнерами в миттельшпиле и окончаниях, он готов дать любому фору в дебюте и не очень тщательно готовился к матчам в дебютном отношении. Потому и решили мы с тренером применить против него как можно больше различных неожиданных схем. Чтобы успешно использовать такую тактику, пришлось, конечно же, во время подготовки к матчу проделать огромную работу.

И вот уже во второй партии я вместо испанской партии или сицилианской защиты, постоянно встречавшихся в моем дебютном репертуаре, предлагаю Спасскому защиту Каро-Канн. Спасский уклонился от борьбы и тут же предложил мне ничью.

Могу лишь предположить: видя мое болезненное состояние, он просто пожалел меня. Спортивное благородство всегда его отличало. Но возможно и другое объяснение, более правдоподобное. Защита Каро-Канн, которую я применил впервые в жизни, оказалась для Спасского полной неожиданностью, и он решил до поры до времени воздержаться от активных операций. Вряд ли до начала матча он надеялся на бескровную победу. Но после легкого выигрыша стартовой партии у него, думаю, сложилось превратное впечатление о моей игре вообще. Этот выигрыш сослужил ему плохую службу.

Получив такую передышку и поправившись, я уже сам понял, что ничего страшного в матче пока не произошло и надо только играть в полную силу.

Третью партию я играл белыми и начал совершенно не характерным для себя ходом ферзевой пешки. И что же? Спасский ничего не смог мне противопоставить. Играл пассивно и сдал партию на 55-м ходу.

Семен Абрамович был убежден: главной причиной поражения Спасского в матче с Фишером явилось то, что он уступал ему в дебюте. И настойчиво убеждал меня почаще менять начала партий, что я и делал. Если в матче с Полугаевским моя защита Нимцовича чередовалась с сицилианской защитой соперника, то в матче со Спасским были и Каро-Канн, и голландская защита, и испанская партия, и ферзевый гамбит...

После двух ничьих в четвертой и пятой партиях Спасский упустил ничью при доигрывании шестой партии, а затем ничего не смог со мной поделать в седьмой. Но близость желанной развязки повлияла на меня отрицательно. Я в один момент принял импульсивное решение, и в отложенной позиции у меня не оказалось выигрыша. Не помню, чтобы когда-нибудь я не побеждал в позициях, до такой степени подавляющих. А когда дома после многочасового анализа убедился, что приходится соглашаться на ничью при помощи вечного шаха, было до горечи досадно. Не мог заснуть и до рассвета искал себе занятие.

В восьмой партии черными попал под страшную атаку. Таль даже заявил тогда журналистам, что не знает, выиграл бы он эту партию белыми, но черными проиграл бы наверняка и очень быстро. И все же мне удалось защититься.

Девятая партия началась как обычно. Мы поздоровались, оба по привычке поправили фигуры, арбитр пустил часы. И я сыграл e2—e4, вернувшись к тому самому первому ходу, после которого проиграл первую партию. И Спасский вдруг судорожно двумя руками начал с совершенно отрешенным видом снова, по второму разу, поправлять и без того аккуратно стоящие фигуры. Занервничал. И проиграл. Скорее всего и этот удар по-

следовал с неожиданной стороны. Дело в том, что в отличие от Фишера, который менял дебюты после относительных неудач, я, наоборот, отказывался от тех, которые приносили мне успех. Так, в одиннадцатой партии я сыграл белыми уже 1. d2—d4. И снова выиграл партию, а вместе с ней и матч — 4 : 1. ...Итак, два матча претендентов — и две победы. Досрочные победы и с убедительным счетом. Так что можно было не только подводить итоги, но и корректировать свои планы.

Только теперь после победы над Спасским я решил, что этот цикл все-таки может быть моим. И хотя впереди были грозные соперники — Корчной и сам чемпион мира Фишер, — я уже чувствовал, что могу победить и их. Удачный опыт первых двух матчей в этом меня убедил. И я еще более тщательно стал готовиться к финальному матчу претендентов.

В мой личный план подготовки к этому матчу входило также и участие в очередной Всемирной шахматной Олимпиаде, которая проводилась в Ницце. Состав советской команды на этой Олимпиаде был очень представительным: оба финалиста претендентских матчей, три экс-чемпиона мира (Таль, Петросян, Спасский) и «просто» гроссмейстер — Геннадий Кузьмин.

Мне доверили выступить на первой доске, и я мечтал о встрече с Фишером. Но... лидер американской команды в Ниццу не приехал...

73 команды — рекордное для шахматных олимпиад число — были распределены на этот раз на восемь предварительных групп. По два коллектива из каждой такой группы попадали в главный, второй, третий и последующие финалы. В своей предварительной группе советская команда никаких проблем не имела — четыре матча были выиграны с «сухим» счетом, в двух потеряно всего по пол-очка и еще в двух — по очку. Опередив соперников на восемь очков, команда СССР уверенно заняла первое место и вышла в главный финал.

В финалах последних олимпиад основными конкурен-

тами советских шахматистов в борьбе за золотые медали неизменно становились команды Венгрии и Югославии. И здесь казалось, что венгры могут составить сильную конкуренцию. Однако этого не случилось. Вскоре выяснилось, что венгерские шахматисты не выдерживали длительной нагрузки и их команда работает чересчур импульсивно. Замечено к тому же, что настроение коллектива слишком часто зависит от позиции Портиша: когда он выигрывает — все другие тоже действуют с подъемом, когда проигрывает — унывают. В третьем туре филиппинцу Торре удалось победить Портиша — проиграла и вся венгерская команда, которая так до конца и не смогла оправиться от неожиданного удара. Югославы, в свою очередь, проиграли венграм уже на самом старте и после этого все время находились на почтительном расстоянии от лидера и вели борьбу только за второе место.

У советских же шахматистов на сей раз никаких срывов не было. Умело маневрируя своим ровным составом, где запасные участники не уступали основным, команда СССР все больше и больше отрывалась от конкурентов. Восемь матчей подряд выиграли мы в финале, прежде чем была сделана первая ничья (с венгерской командой). Но к этому моменту сборная СССР уже шла впереди с отрывом в четыре очка.

...Центральное помещение Дворца выставок, где проходил турнир, залом назвать трудно. Это скорее огромный крытый стадион, зеленый ковер которого придает ему сходство с футбольным полем. Там, где на стадионах обычно расположена одна из меньших трибун,— грандиозная контурная карта мира. А в центральном круге этого футбольного поля ввысь, под купол, откуда спускаются многочисленные флаги, уходит колоссальная белая ладья. Кто-то из шахматистов, увидев этот турнирный зал, восторженно воскликнул: «Если бы Фишер знал, где ему предстоит играть, он, безусловно, согласился бы участвовать в Олимпиаде!» По оценке всех

участников, помещение это было идеальным для игры. Довольны были и зрители, получившие возможность следить за каждой партией с близкого расстояния.

Под стать обстановке в зале была и вся атмосфера Олимпиады. Погода в Ницце — этом едва ли не самом фешенебельном европейском курорте — всегда превосходная, и, освободившись от игры, мы с удовольствием присоединялись к отдыхающим на Лазурном берегу.

Праздничное настроение не покидало нас и наших тренеров за все время Олимпиады: ничто не могло помешать нашей команде завоевать приз, установленный для победителей Валери Жискар д'Эстеном, президентом Франции.

...Итак, никто даже не мечтал оспаривать у нашей команды золотые олимпийские медали. Но за «серебро» и «бронзу» шла ожесточенная борьба. Югославам удалось доказать, что они по праву считаются второй шахматной державой мира. Американцы догнали болгар и по числу побед выиграли спор за бронзовые медали. Для команды США, выступавшей без Роберта Фишера, третье место было несомненным успехом...

Вслед за Олимпиадой здесь же, в Ницце, заседал конгресс ФИДЕ, который был приурочен к ее пятидесятилетию. Главный же вопрос, обсуждавшийся на конгрессе, был о предстоящем матче на мировое первенство между Фишером и победителем финального матча советских гроссмейстеров...

Даже в кулуарах конгресса разговоры велись только о предстоящем матче за шахматную корону. Почему же возник такой небывалый доселе интерес к этому матчу? Всех волновала неясная позиция Фишера: будет ли он играть этот матч?

Швед Андерссон и голландец Тимман считали, что Фишер обязательно выйдет на матч защищать свой титул. Надежда югославских шахмат Любоевич полагал,

что Фишера преследует психологическая неуверенность, или, как говорится, «болезнь старта». Американец Ломбарди заявил: «Если Фишер снова, как в Рейкьявике, пригласит меня в секунданты, я, конечно, соглашусь. Но, вероятнее всего, он играть не станет».

Всякое повидавший Петросян, усмехаясь, сказал: «Эти господа все сделают, как пожелает Бобби, а Фишер сядет за шахматный столик на тех условиях, какие он продиктует ФИДЕ».

Когда директора-распорядителя Шахматной федерации США Эдмондсона спросили: «Что намерена предпринять Шахматная федерация вашей страны, чтобы без борьбы не потерять титул чемпиона мира?» — он коротко ответил: «Молиться!»

Но в выражении его лица отнюдь не было набожности.

«Мы будем молиться за Фишера, хотя он и подвел нашу команду, не приехав на Олимпиаду...» — еще раз подтвердил Эдмондсон.

Фред Крамер, американский адвокат, человек, близкий к чемпиону мира, на вопрос, каковы шансы Фишера встретиться с претендентом, ответил неопределенно: «Фифти-фифти». — «А почему он вообще не играет? Может, болен?» — «Ерунда! — отрезал Крамер. — Ему просто не создают приемлемых условий. А физические и шахматные кондиции у него превосходные. Играет в теннис и много работает над шахматами».

Еще накануне начала работы Генеральной ассамблеи ФИДЕ Фишер направил свое первое «послание» конгрессу. Говорят, что телеграмма, которая официально зачитана так и не была, содержала 803 слова и отражала позиции чемпиона по ряду вопросов, главным образом по регламенту матча за мировое первенство.

Чего же добивался Фишер?

Он хотел, чтобы матч проводился до десяти побед одного из соперников (а не до шести, как было решено ранее) и общее число партий матча ничем не ограни-

чивалось, а при счете побед 9 : 9 чемпион мира сохранял бы свое звание.

Не нужно иметь специальной математической подготовки, чтобы сообразить: речь прежде всего шла о начальном преимуществе в два очка, какое желал получить для себя Фишер. В самом деле, при таких условиях нельзя выиграть у чемпиона 10 : 9, а только как минимум 10 : 8.

Выступил на конгрессе и я. Это свое выступление мы обговорили вместе с Корчным — мы оба присутствовали на конгрессе, и он сам попросил выступить меня.

Наше мнение в ту пору было единым:

1) Мы не согласны с регламентом игры — до десяти побед. Считаем, что старый регламент до шести побед более целесообразен.

2) Мы против безлимитного матча, ибо считаем, что такой матч может растянуться во времени и потеряет всякий смысл, во всяком случае в творческом отношении.

3) Мы против формулы 9 : 9 и любой другой подобной ей (вроде 5 : 5, если безлимитный матч играется до шести побед).

Эта хитрая формула предоставляет чемпиону мира слишком большие преимущества. Достаточно и того, что в лимитированном матче чемпион может сделать ничью, чтобы остаться чемпионом.

Каждый пункт этого выступления был нами хорошо обоснован и четко аргументирован.

Потом Корчной, проиграв мне финальный матч, откажется от этой позиции и будет утверждать, что Фишер был по-своему прав и надо было принимать его условия. Но это будет позже.

Обсуждение всех этих вопросов в тот день было бурным и долгим. Американская делегация, свято выполнявшая наказ своего чемпиона, вербовала среди участников его сторонников. Это им отчасти удалось. И при

обсуждении первого предложения Фишера — играть не до шести побед, а до десяти — страны Американского континента и представители Азии, где пока мало известных шахматистов и где не все понимают, что матч может превратиться в соревнование на выносливость, поддержали Фишера. За игру до шести побед проголосовали 24 делегации, до десяти — 26, 12 — воздержались.

Следующее предложение — играть матч без ограничения числа партий — тоже было поставлено на голосование. Однако оно провалилось с треском. Принят был компромиссный вариант — играть матч до десяти побед с лимитом в тридцать шесть партий. В остальном прежняя рекомендация Центрального комитета ФИДЕ оставалась в силе.

И тут пришла вторая телеграмма Фишера.

«...Мне стало известно, что мои предложения большинством голосов были отклонены. Тем самым ФИДЕ высказалось против моего участия в чемпионате мира 1975 года. Поэтому я слагаю с себя титул чемпиона мира ФИДЕ».

Не просто чемпиона мира, а «чемпиона мира ФИДЕ»! Этот нюанс в телеграмме Фишера уловили все. Выдающийся гроссмейстер недвусмысленно угрожал выходом из Международной шахматной федерации. После того как телеграмма эта была зачитана на одном из последних заседаний конгресса, страсти разгорелись с новой силой. Мексиканский делегат, как представитель одной из стран, претендующих на проведение матча, убеждал пойти на уступки Фишеру:

— Очень плохо, если матч на мировое первенство будет организован вне рамок ФИДЕ. Давайте не забывать, что именно Фишеру шахматы и ФИДЕ во многом обязаны своей возросшей популярностью, и давайте не будет ограничивать общее число партий.

— А вы действительно уверены, что это будет последняя уступка Фишеру? — последовал из зала вопрос, который так и остался без ответа.

Ультиматум Фишера, не пожелавшего лично прибыть в Ниццу, многих задел за живое. Вот как выступил темпераментный делегат из Доминиканской Республики, неожиданно повлиявший на настроение представителей ряда стран Центральной и Южной Америки:

— Я знаю, что сказанное мною сейчас уменьшит число моих друзей... Я являюсь личным другом Бобби и преклоняюсь перед его интеллектом, перед его всегдашней твердостью в защите своих жизненных принципов. Но сегодня мы, подобно шекспировскому герою, стоим перед выбором: «Быть или не быть?» Действительно, мой друг сделал много для шахмат, но сейчас надо решать: или ФИДЕ, или Фишер.

Вопрос снова был поставлен на голосование. Результаты этого (тогда, казалось, последнего) референдума были таковы: за пересмотр прежнего решения — 17, против — 35, представители 12 стран воздержались.

Конгресс ФИДЕ направил Фишеру послание, в котором просил его одуматься и пойти навстречу многомиллионному шахматному миру. И все стали ждать, что же ответит на это Фишер.

Мне не хотелось об этом думать. Времени до финального поединка с Корчным оставалось совсем немного. Я вернулся в Москву и засел за работу...

И вот финал.

Наш матч проводился в лучших залах Москвы, часто переезжал с места на место, отчего и был прозван «матчем на колесах». Первая часть его проходила в Колонном зале Дома Союзов. Интерес к нашей встрече был так велик, что порой милиции приходилось перекрывать движение транспорта в непосредственной близости от Дома Союзов. Уже на торжественном открытии свободных мест не было. После приветственных слов главный арбитр, гроссмейстер Альберик О'Келли из Бельгии, старательно говоря по-русски, огласил важней-

шие пункты регламента и приступил к жеребьевке. Я достал из конверта табличку с фамилией своего соперника, передав ему таким образом право выбора цвета. Он с нарочитым интересом стал вглядываться в глаза арбитра и... угадал: в левой руке О'Келли оказалась шкатулка с белой пешкой. Это означало, что в первой и во всех нечетных партиях белыми будет играть Корчной.

Для первой партии Корчной избрал английское начало, сделав ход пешкой с4. Я ответил Кf6. И сражение началось. Оно было довольно напряженным, но партия закончилась мирным исходом на 37-м ходу.

Вторую партию я играл белыми и начал ее, как обычно, ходом королевской пешки. Корчной избрал систему сицилианской защиты — так называемый «вариант дракона». Такое название этот вариант получил не случайно. Причудливые контуры черной пешечной цепи, родившейся сразу после дебюта, напоминают изогнувшееся тело сказочного чудовища.

При рокировках в разные стороны всё или почти всё решают скорости встречных атак на обоих флангах. Белые, не считаясь с жертвами, уже много раз хоронили этот вариант, опережая соперника с атакой против его короля. Однако черный «дракон» снова и снова оживал, больно ударяя своим пешечным хвостом в центре и на ферзевом фланге слишком беззаботных шахматистов.

Я не хочу сказать о Корчном, что он был беззаботен в данном случае. Наверняка он помнил результат всех моих партий с Полугаевским, который не сумел в полной мере противостоять натиску соперника в сицилианской защите и из четырех партий проиграл три. И тем не менее эту «сицилианку» Корчной тоже проиграл.

После острого поединка во второй партии третья выглядела довольно пресной. Да и четвертая и пятая не лучше. Все три закончились миром.

Новая, если можно так выразиться, кульминация наступила в шестой партии, когда Корчной черными

применил недостаточно подготовленную «русскую партию». Еще в дебюте он задумался сначала на сорок минут, а вскоре и еще на пятьдесят! Попал в жесточайший цейтнот, и уже на 31-м ходу ему было засчитано поражение из-за просрочки времени.

Седьмой партией началась длинная серия ничьих. Почему-то именно седьмая по счету партия во всех моих предыдущих матчах — и с Полугаевским и со Спасским — оказывалась какой-то странной. С Полугаевским, к примеру, эта партия могла стать последней в матче, потому что к тому времени я вел со счетом 2 : 0. Я постепенно переиграл соперника и уже, видимо, в выигранной позиции упустил шансы. Затем со Спасским. Более выгодную позицию представить трудно: и пешка лишняя, и позиционный перевес, и ходить черным нечем. Но тоже ничья! С Корчным я опять добился заметного перевеса в седьмой, но в решающий момент опять-таки победа выскочила из рук. Говорят, число «семь» счастливое. Наверное, не для меня!..

За седьмой партией последовало еще девять ничьих подряд, но в этой серии резко выделяется тринадцатая партия. Соперник избрал неудачный план, и я получил перспективную позицию. После тридцатого хода мы оба попали в цейтнот. Я все еще продолжал делать ставку на выигрыш, хотя реальных перспектив на успех уже не было. В сильном цейтноте мы перестали записывать ходы и сделали на три или четыре хода больше, чем положено до контроля. Кажется, на сорок третьем ходу я в последний раз упустил вариант, форсированно приводивший к ничьей. Вернее, не упустил, а опять-таки намеренно отказался от него. Ибо я неправильно оценил ситуацию (скорее всего находился под впечатлением того, что происходило четырнадцать-пятнадцать ходов назад), и партия была отложена в очень тяжелой для меня позиции. При доигрывании все же удалось избежать поражения. Увы, это была одна из немногих партий, хорошо проанализированных в матче. При доигры-

вании двенадцать первых ходов мною были сделаны по анализу. Противник попал в следующий цейтнот — в этой партии все контроли проходили для него тяжело: как только кончался контроль, падал флажок, он задумывался примерно на полчаса над первым же ходом после контроля, попадал в следующий цейтнот, и так до девяносто шестого хода. И полной неожиданностью для него оказалась позиционная «ничейная стойка». Очень интересная позиция получилась: у Корчного лишняя пешка, все фигуры активны, и один ход до превращения проходной пешки в ферзя. И... нет выигрыша. Безусловно, огромное разочарование для соперника.

После еще трех партий, проходивших в сложной борьбе, в семнадцатой партии Корчной наконец достиг перевеса на доске. Ходы его в эти минуты дышали энергией, он резко и смело ставил на лучшие клетки свои фигуры, четко и быстро переключал часы. Но вдруг будто его накрыла неуверенность, и он пассивно отступил назад. В дальнейшем, в цейтноте, уже в примерно равной позиции Корчной попался в мою ловушку. Он видел идею, но просчитался в одном из вариантов и на сорок третьем ходу сдался ввиду неизбежного мата. 3 : 0. Затем ничья в восемнадцатой. И вот девятнадцатая партия. Она была отложена в трудном для меня положении, но после длительного ночного анализа я поставил правильный диагноз: при доигрывании должна быть ничья, хотя и потребуется еще определенная точность при длительном маневрировании. Перед доигрыванием я прилег отдохнуть, а когда встал и уже приготовился ехать на игру, секунданты предложили еще один более короткий, форсированный путь к ничьей. Тщательно отработать этот путь уже не оставалось времени, и я, приняв их предложение, проиграл. Разумеется, виноват был в этом поражении и я тоже.

Двадцать первую партию я опять проиграл. Да еще как! Сделав всего 19 ходов. Это была слабейшая моя партия. И положение в матче создалось критическое.

Хотя я продолжал вести в счете — 3 : 2, тем не менее инициатива перешла на сторону противника. Нужно было собраться и во что бы то ни стало сдержать натиск разыгравшегося Корчного. Это мне удалось...

Был ли я доволен своей победой? Конечно. Она мне давала право на встречу с Фишером в решающем поединке. Я ведь тогда еще не знал, что эта встреча не состоится...

Длительность матча, огромное нервное напряжение, острота спортивной борьбы, высокая цель, — конечно же, все это не могло не сказаться на творческой стороне соревнования. Однако наш матч, на взгляд некоторых любителей шахмат, суховатый и слишком технический, что ли, имел и свои несомненные достоинства. Хотя мы пытались выигрывать один у другого равные, а иногда просто скучные позиции и некоторые партии заканчивались вничью, когда на доске оставались одни короли, все же, несмотря на это, не было грубых ошибок, если не считать тех двух аналитических зевков в девятнадцатой и двадцать первой партиях. И неточностей оказалось заметно меньше, чем в прошлых подобных состязаниях. Скажем, матч Спасский — Фишер в 1972 году в Рейкьявике был хотя и зрелищнее, но ошибок там случалось неизмеримо больше, чем у нас, да и напряжение борьбы было куда меньшим.

Еще перед полуфинальным этапом Корчной заявлял, что знает дебютную теорию лучше всех троих других претендентов — Спасского, Петросяна и Карпова, — тем не менее в матче со мной он избегал спорных и острых вариантов. Ни в какие творческие дискуссии не вступал. Белыми «бегал» по всем малоизвестным вариантам, придумывал новые и сомнительные продолжения и целые дебюты, а «выловил» меня только в одной, двадцать первой партии. Черными же буквально третировал ничейными тенденциями во французской защите. Только в этой защите мы с тренерами не справились с поставленными передо мной задачами.

Важнейшей составляющей частью всей моей подготовки была, так сказать, подготовка психофизическая, и если в психологическом плане все же были допущены кое-какие просчеты (к примеру, недооценка соперника), то в физическом отношении я был подготовлен на сей раз превосходно. Я даже ни разу не простудился, что раньше со мной случалось довольно часто. Не исключено, что поддержанию хорошей физической формы способствовало и постоянное пребывание на даче за городом, где я жил на берегу озера в отличных условиях, в окружении чудесной природы, нагуливая на свежем воздухе в подмосковном лесу периодически терявшийся «аппетит к игре».

В заключение рассказа о первом матче с Корчным мне хочется для полной объективности привести несколько высказываний моего соперника, который, проиграв этот матч, не сумел достойно пережить поражение.

Сразу после матча он заявил моему другу журналисту следующее: «Хоть матч и окончился в пользу Карпова, в творческом, в шахматном отношении я выглядел лучше... Содержание борьбы должно было дать другой результат — 3 : 2, 4 : 3, или 5 : 4 в мою пользу...

Я недооценил волевые качества Карпова. Если бы я был во всеведении относительно этих качеств, то, возможно, не дал бы ему фору в начале матча, как это позволил себе. Во второй партии я почти намеренно подставил себя под удар... Ну, очком больше, очком меньше, думал я, все равно ведь игра идет до пяти побед... Обоюдный прессинг начался только при 0 : 2, а до того прессинг был односторонним...

Перед началом матча я оценивал свои шансы как шестьдесят против сорока. Я и сейчас не изменил своего мнения...»

Так было сказано «по горячим следам». Потом он вообще перешел к ругательствам, особенно когда давал интервью иностранным корреспондентам.

Непорядочное поведение Корчного вызывало единодушное осуждение спортивной общественности, и он был вынужден принести мне извинение. Однако это извинение было совсем неискренним.

В 1976 году, направленный Шахматной федерацией в Амстердам на очередной международный шахматный турнир, Корчной не вернулся после него на Родину. Это решение он мотивировал новой клеветой, будто, находясь в СССР, был ограничен в своих намерениях принимать участие в тех или иных международных турнирах, подвергался «давлению» со стороны «официальных лиц» во время финального матча претендентов, что ему не давали возможностей для творческого роста и т. д.

Шахматная федерация СССР приняла решение: за поступок, недостойный советского спортсмена, дисквалифицировать Корчного и лишить его званий заслуженного мастера спорта, гроссмейстера и мастера спорта СССР.

Полностью одобрили это решение Шахматной федерации СССР свыше тридцати советских гроссмейстеров, которые в своем письме в «Советский спорт», в частности, писали:

«Встречаясь с Корчным за шахматной доской, многие из нас не раз сталкивались с проявлением его зазнайства и бестактности. Многое прощалось Корчному, щадилось его болезненное самолюбие, и эта терпимость, видимо, воспринималась им как должное. Теперь, попросив защиты от надуманных преследований у голландской полиции, Корчной свои мелкие личные обиды пытается возвести в ранг международных проблем».

Свою точку зрения на поведение Корчного высказал и я.

«Решение Корчного покинуть Родину меня глубоко поразило и огорчило. Поразило потому, что вопреки утверждениям Корчного никаких помех для его творческой деятельности в стране, которой он обязан всем, что

помогло полностью раскрыть его дарование, не было и не могло быть.

Наоборот, всем известно, что для него, как и для всех советских спортсменов, были созданы условия, о которых наши коллеги на Западе могут лишь мечтать... Утверждать обратное нечестно и непорядочно...»

Оказавшись в обстановке, где его вообще ничего больше не сдерживало, Корчной принялся чернить всех и вся. А антисоветски настроенные «околошахматные деятели» умело способствовали развитию дурных качеств его характера.

Но довольно об этом... Вернемся в 1974 год.

Итак, я остался единственным претендентом на матч с чемпионом мира Робертом Фишером. Однако состоится ли он? Пока ничего определенного сказать было нельзя, хотя ФИДЕ и получило от Фишера официальное заявление — помните? — «Снимаю с себя титул чемпиона мира ФИДЕ», а президент ФИДЕ доктор Макс Эйве твердо заявил на закрытии финального претендентского матча:

«Если до 1 апреля 1975 года Фишер не сообщит, что принимает вызов, я прерву свое трехмесячное турне по странам Африки, которое намечено на весну, и вылечу в Москву, чтобы провозгласить Карпова двенадцатым чемпионом мира».

Но сторонники Фишера не успокаивались. Глава Шахматной федерации США Эдмондсон добился созыва нового, внеочередного, конгресса ФИДЕ для того, чтобы все же попытаться пересмотреть регламент матча на первенство мира на основе предложений Фишера.

Снова шахматный мир погрузился в тревожное ожидание. Первый в истории ФИДЕ внеочередной конгресс был назначен на 17 марта в Голландии, в Берген-ан-Зее. Он был менее представительным, нежели в Ницце, и заседал недолго. Незначительным большинством голосов конгресс принял предложение Фишера играть матч без ограничения числа партий. Однако столь же

незначительным большинством конгресс отказал Фишеру в последнем пункте его требований — в получении преимущества в два очка еще перед началом соревнований. Характерно, что за отклонение «поправок Фишера» голосовали почти все крупные и наиболее влиятельные шахматные федерации, насчитывающие в своих рядах подавляющее большинство международных гроссмейстеров и мастеров. Так, из федераций шестнадцати стран, представленных в первой (сильнейшей) группе команд XXI Всемирной олимпиады, только три — США, Филиппин и Уэльса — голосовали за поправки, все остальные против.

Новое постановление конгресса гласило: «Матч на первенство мира играется до десяти побед одного из участников, общее число партий не ограничивается».

Так была сделана еще одна уступка Фишеру. Казалось, что в ответ чемпион мира пойдет навстречу ФИДЕ и матч все же состоится. Но сам Фишер по-прежнему хранил молчание...

Хотя я в принципе был против безлимитного матча до десяти побед, лишнего шуму все же решил не поднимать. Пусть будет что будет. В конце концов ФИДЕ не согласилось на главное требование Фишера — предоставить ему фору в два очка и при счете 9 : 9 считать, что чемпион мира защитил свое звание

Я уехал в Тулу «под крылышко» к родителям, чтобы не трепать зря нервы и в спокойной обстановке готовиться к матчу. Будет играть Фишер или не будет, я должен быть готов к встрече с ним во всеоружии, как говорится, на все сто процентов. Тем более что эта катавасия вокруг регламента могла быть всего лишь очередной «психологической атакой» на меня, чтобы помешать подготовке к матчу...

Я никому не сказал, куда еду, надеясь на то, что уж в Туле-то меня никто не побеспокоит. И я смогу не только подготовиться к матчу, но еще и к очередным экзаменам в университете, да и свою коллекцию марок

привести в порядок — уж больше года я к ней не притрагивался! Но и тут меня разыскали. Из Белграда по телефону позвонил Светозар Глигорич.

Я понял, Глигорич, как и в 1972 году, когда он таким же образом «соединил» Спасского и Фишера, теперь пытается соединить с ним меня. Я твердо ответил Глигоричу, что очень хочу играть матч, но не уверен, что такое же сильное желание есть и у Фишера. Как оказалось, я был прав. Желания играть у Фишера действительно не было...

Лично я считаю, что Фишер попал тогда в неблагоприятную психологическую ситуацию. Для него было бы проще, если бы он в решающем матче встретился с кем угодно из прежних своих соперников — ведь всех, кроме меня, он уже обыгрывал, все были старше его, что тоже немаловажно. Теперь же все получилось сложнее. Мы с ним прежде за доской не встречались — не попадали в одни турниры. Значит, меня он не обыгрывал и не опережал нигде. Я вышел на большую арену как раз в то время, когда он прекратил выступления в турнирах. До этого были «годы Фишера», но потом самые высокие результаты стал показывать я, стал выигрывать турнир за турниром. Такое не может не произвести впечатления — и шахматный мир разделился. Тем более что молодость импонирует болельщику, а я моложе Фишера на восемь лет. Эта ситуация, несомненно, тяжело влияла на Фишера. Ведь он привык, что все за него, все его поддерживают, все за него «болеют». И может быть, именно с этой «переменой климата» он справиться как раз и не смог.

Для подготовки к матчу с Фишером я имел на руках большой материал. Хоть и заочно, я неплохо изучил Фишера. Речь идет не только о чисто шахматной стороне дела — в этом отношении выдающийся американский гроссмейстер имел полное право называться сильнейшим.

Но внимательное изучение всех деталей его прошлых

поединков показывало, что громкие победы со столь впечатляющим счетом — следствие не только его шахматного превосходства, но и психологического давления, которое оказывалось на партнеров. Постоянно создавалась ужасно нервная обстановка — и до игры, и во время ее — протестами, требованиями... Кроме отличных произведений шахматного искусства, вместе с Фишером ворвалась в творческий шахматный мир такая суета и неразбериха, что срочно вдруг понадобились дипломаты, ораторы, юристы... Раньше шахматисты вполне могли договариваться на своем языке, а теперь это стало почти невозможно, ибо требовалось доказывать прежде такие простые и ясные истины. Думаю, впрочем, что многое из этих «чудес» шло не от самого Фишера, а от его окружения. Не исключено, что он даже не всегда догадывался, какой фон создают его люди, как целенаправленно и умело они действуют на нервы его соперников, чтобы отвлечь их от чисто шахматной борьбы.

Теперь мне даже кажется, что если бы мы в ту пору встретились с Фишером лично, то быстро бы нашли общий язык и договорились бы обо всем. А тогда все переговоры шли через представителей в обстановке, когда пресса довольно своеобразно комментировала разногласия и только накаляла обстановку, что не способствовало принятию приемлемых решений с обеих сторон...

Тем не менее я упорно готовился к матчу.

Сам матч, если бы только он состоялся, обещал быть интересным. Я собирался показать в нем все, на что был способен. Его значение для шахмат было бы трудно переоценить. Он мог стать новым взрывом в шахматном мире, популярность шахмат поднялась бы еще выше. Правда, при одном условии: если бы матч не затянулся. Каждое большое спортивное событие имеет вполне определенную общественную силу, его масштабы надо видеть и оценивать реально. Скажем, никакой матч не в состоянии вызывать к себе интерес (я уже не говорю о

большем — держать в напряжении) на протяжении полугода. Все-таки должен быть виден конец: это проясняет перспективу и с приближением к финалу содействует взвинчиванию эмоций.

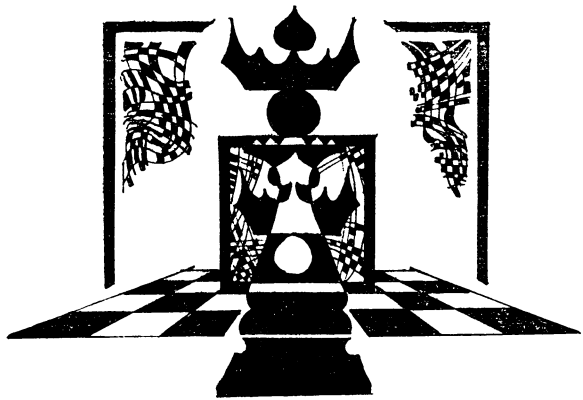
...В середине марта я вернулся в Москву и отправился на тренировочную базу в Новогорск. Здесь я продолжал подготовку к матчу, занимался не только шахматами, но и катался, пока снег не сошел, на лыжах, много плавал в бассейне, играл в теннис...

Мне особенно запомнилась ночь на 1 апреля 1975 года. Подходил срок подачи заявок на проведение шахматного матча на первенство мира. Свою заявку ФИДЕ я отправил в срок. И теперь ждал, что сделает Фишер. Будем ли мы играть или нет?

Накануне из Новогорска уехали ребята-хоккеисты из сборной команды СССР на свой чемпионат. Мы тепло попрощались, взаимно пожелав «ни пуха ни пера» и послав по традиции друг друга «к черту».

Вечером Семен Абрамович присел к приемнику и стал ловить сообщения о Фишере. Но шахматной информации в ту ночь не было... Эфир хранил на этот счет полное молчание: Эйве ждал еще два дня и только потом, не получив от Фишера никаких вестей, 3 апреля, объявил о новом чемпионе мира.

Глава IV

ТЯЖЕЛА ТЫ, ШАПКА МОНОМАХА

Как только стало ясно, что матч с Фишером не состоится, я решил, что неплохо было бы самому поиграть. Правда, это нарушало установившуюся традицию — все мои предшественники в преддверии чемпионства обещали не прекращать выступлений в турнирах, но, добившись цели, слова не сдерживали. Получалось по поговорке: «Обещанного три года ждут», а три года и есть срок между матчами на звание чемпиона мира. Но я-то оказался в особом положении. Матч с Фишером не состоялся, а инерция, предстартовое напряжение были велики. Играть следовало хотя бы с профилактической целью, чтобы «сбросить пар». Да и проверить свою подготовку не мешало. Я был в форме, полон сил, уверен в себе.

Меня спрашивают иногда: а так ли был я настроен, если бы матч с Фишером все же состоялся? Конечно же,

нет! Пережившие это испытание гроссмейстеры утверждают, что такой матч отнимает несколько лет жизни. И это не фраза. Не забираясь далеко в историю, вспомним, как тяжело отразилась нагрузка на участниках единоборства в Рейкьявике. Спасский около двух лет после этого был неузнаваем, от него оставалась лишь тень прежде уверенного в себе бойца. И Фишер тоже прекратил свои выступления и, быть может, занялся восстановлением сил... Как бы отразилось подобное напряжение на мне? Я знал, что меня ждет, готовился к этому, но, бесспорно, тотчас возвратиться в шахматы (в особенности если бы матч затянулся) я бы не смог, однако со временем сделал бы это непременно. И это заключение я впоследствии подтвердил делом. И после матча в Багио, и после Мерано, немного отдохнув, я начинал играть в турнирах.

Моя годовая норма соответствует четырем-пяти турнирам. Других на это не ориентирую. У каждого своя норма. Для некоторых условием сохранения спортивной формы должно быть постоянное участие в турнирах. Для меня же критерий — ощущение вкуса к игре, к шахматам...

Первый турнир, где я выступал в новом звании чемпиона мира, был турнир памяти выдающегося югославского гроссмейстера Милана Видмара. Он проводился в двух югославских городах: Порторожe и Любляне. Атмосфера складывалась для меня здесь далеко не простая, можно даже сказать — психологически тяжелая. С одной стороны, я законный чемпион, победил всех претендентов на звание чемпиона мира, и победил достаточно уверенно... Но доказать свое превосходство над прежним чемпионом мне не пришлось, а ведь это был Фишер, кое для кого олицетворявший шахматного «бога». Тут все слова и объяснения бесполезны. Сколько бы я ни говорил, что не вижу за собой вины, сделал все от меня зависящее, чтобы матч (на разумных условиях) состоялся, — слова доходят до ума, но сердце их

не воспринимает. А болельщик живет именно сердцем и потому упрямо твердит: «Нет, надо было, чтобы матч обязательно состоялся...» Да разве я когда-нибудь хотел другого?!

Растопить лед, сломать определенное отчуждение некоторой части любителей шахмат, завоевать всеобщее признание можно было только одним — победами. Новыми победами... И вот я лечу в Югославию.

В первом туре мне пришлось играть сразу с Портишем. Садясь за доску, я ставил перед собой задачу просто играть в шахматы, а не брать реванш во что бы то ни стало. Но, конечно, я не забывал и о том, что Портиш — один из немногих оставшихся гроссмейстеров, который нанес мне «безответное» поражение в 1972 году в Сан-Антонио, и это поражение стоило мне чистого первого места: пришлось довольствоваться дележом. Но на этот раз очко у Портиша взял я.

Кроме Л. Портиша, С. Фурмана, Л. Любоевича, в турнире участвовали сильные гроссмейстеры: югославы С. Глигорич, Д. Велимирович, Б. Парма, венгр З. Рибли, В. Горт из Чехословакии. Но отнюдь не только они представляли серьезную опасность в отдельных личных встречах. Именно тут я впервые почувствовал, насколько тяжело — и психологически и физически — играть в высшем звании. Есть всем известное и от времени и употребления стершееся изречение: против чемпиона все играют с особым подъемом. От частого повторения оно не перестало быть истиной. Понятно, конкуренту почетно и с точки зрения практических турнирных выгод ценно взять очко именно у чемпиона. А уж аутсайдеры — те вдвойне опасны. Шахматист, который неудачно начал турнир и потерял в нем все шансы на пристойное место, начинает играть спустя рукава. Но только не с чемпионом! Он готов отдать все заработанные им ранее небольшие очки за одно-единственное, отнятое у чемпиона мира. За это очко неудачнику все спишется, оно для

него едва ли не единственный способ разом реабилитировать себя за все прошлые упущения.

После первой половины дистанции турнир из Порторожа перекочевал в Любляну. Я шел впереди — шесть очков из восьми. На новом месте сразу выиграл еще две партии, создав разрыв, и борьба за первое место, по существу, прекратилась. Вторым, отстав от меня на очко, был С. Глигорич. Только усталость в конце состязания не позволила С. Фурману подняться выше дележа третьего места с З. Рибли и В. Гортом.

Своим результатом я был доволен. Собирался вернуться на Родину сразу после окончания турнира, чтобы успеть немного отдохнуть перед Спартакиадой народов СССР, но пришлось задержаться на несколько дней: турнир вызвал огромный интерес в Югославии, и я получил множество приглашений от местных шахматных организаций.

Первый визит в Дубровник. Здесь нас встречал гроссмейстер Д. Чирич, против которого я сделал ничью в сеансе во время европейского юношеского турнира в Гронингене в 1968 году. Дубровник, красивейшее место. Старая крепость, узенькие улочки, что-то есть в этом турецкое. Огромное количество туристов и мало зелени, сильная жара. Часа через три поехали дальше через гористую местность и сплошные камни в городок Чаплин, где, по преданию, около двух тысяч лет назад была «птичья столица» (судя по названию местности, имеются в виду цапли).

В этом городке всего тысяч шесть жителей, но они сумели выставить 25 довольно прилично играющих участников сеанса против меня, столько же против Фурмана и еще порядка 500 «наблюдателей». (А перед началом маленькие музыканты сыграли в нашу честь «Рябинушку» и «Калинку».) Меня уговорили сделать ничью в партии с директором местной кондитерской фабрики. Но, согласившись на ничью, директор все смотрел и смотрел на позицию — искал выигрыш за меня. Потом

серьезно попросил проанализировать позицию и, убедившись в безнадежности своего положения, «аннулировал результат» и признал себя побежденным.

Фурман закончил свой сеанс через час после меня, и вместе с председателем скупщины мы поехали в Почитель. Эта старинная турецкая крепость стоит на пути от моря к Сараеву, в исключительно живописном месте. Сейчас там есть колония художников, которые платят за питание и постой своими работами.

Далее на нашем пути был Мостар. Основная его внешняя достопримечательность — старинный горбатый мост высотою в 26 метров. Очень быстрое течение имеет здесь река Неретва. Для туристов ребятишки «по таксе» прыгают в нее с этого моста...

Мой сеанс, опять же на 25 досках, оказался довольно сложным (проиграл две партии при пяти ничьих).

Во второй половине дня поехали на партизанское кладбище. Грандиозный ансамбль! В войну в Мостаре был свой партизанский отряд, который чуть ли не в полном составе несколько раз, не опасаясь облав, оставался на отдых в городе. Партизаны имели прекрасную конспирацию, но все же потеряли в те годы около тысячи человек.

В Сараево мы прибыли как гости издательства, где выходят шахматные книги. Вечером сумасшедшая программа. Семен Абрамович дает сеанс на заводе автобусов и велосипедов, а мое основное выступление в соседнем городке шахтеров и металлургов на спортивном фестивале, крупнейшего в Югославии производственного объединения. Но сначала я должен был поехать с Фурманом на «его» завод и там тоже сыграть на десяти досках. Лишь затем отправился на «свой» фестиваль, откуда вернулся в час ночи, устало опираясь на сувенирную трость, сделанную в виде отбойного молотка...

...Осмотрели одну из самых больших мечетей в Югославии. Было это как раз в пятницу, когда у мусульман творятся молитвы. По верхнему кольцу минарета

ходил глашатай и, обращаясь во все стороны, зазывал на вечернюю службу. Мечеть вся застелена дорогими коврами. Босые мусульмане молятся сидя, причем всегда лицом в сторону Мекки. Женщины обычно не принимают участия в молитвах, но если и да, то обязательно располагаются позади мужчин. Свое название — Сараево — город получил в турецкие времена от караван-сараев, так как служил базой для проходящих войск и обозов. В плане вероисповедания он неоднороден: примерно 60 процентов жителей — мусульмане, остальные — католики и православные. Но на религиозной почве здесь нет никаких столкновений.

Увлекательное место — турецкий базар, где можно купить почти все, где прямо при покупателях появляются самые разнообразные поделки, где на глазах у почтенной публики чеканят тарелки, подносы, чайники.

Сеанс одновременной игры затянулся, потому что мы давали его одновременно с Фурманом. Дело в том, что организаторы очень неудобно поставили столы, образовав для сеансеров общий квадрат: сделав на всех досках ход, нужно было по диагонали «вхолостую» топать метров 15—20 обратно к первому столику. Уложиться за три часа не удалось, на самолет опоздали, и пришлось отправляться в Лозницу на машине.

Прибыли к обеду. Нас встретили местные организаторы, представитель Шахматной федерации Сербии (в Югославии республиканские федерации сильны и весьма самостоятельны), второй секретарь посольства СССР и работники советского телевидения, которым я прямо за обедом давал интервью для программы «Время» (при этом с первого раза не сработала техника, и мне уже в понятном настроении пришлось повторяться).

Сеанс проводили в большом зале самого большого в городе кафе. Фантастический прием! Такое, пожалуй, было только после выигрыша соревнований претендентов, да еще во время «коронации» в Москве в Колонном зале, а потом в Ленинграде и Златоусте. Участники и

зрители долго аплодировали и скандировали: «Кар-пов! То-ля!» Нас наградили почетными медалями города Лозницы.

В Лознице я еще раз понял, что такое микроклимат в географическом смысле этого слова. Обедали мы в открытом ресторане на горе, дул ветерок, и было совсем неплохо. Но когда спустились всего на несколько метров вниз, в парк, жара начала нас одолевать. Играть было трудно... Да еще зрителей набралось... По крайней мере, половина желающих посмотреть на сеанс осталась за дверьми — большой зал не мог вместить всех желающих. Телевидение оттягивало последние ресурсы вентиляции. Не все смогли долго находиться в таких условиях, а мне в пиджаке и при галстуке приходилось еще и играть несколько часов.

В Белград приехали в ту же субботу около полуночи, а воскресенье стало для нас «днем печати»: с утра выступление в журнальном издательстве, а затем под открытым небом на одной из центральных площадей столицы сеанс одновременной игры для читателей газеты «Вечерние новости». Трудно переоценить значение такого мероприятия. Тысячи горожан, прогуливающихся по центру Белграда, — и каждый хоть на минутку останавливался у шахматных досок, наблюдал за игрой. И быть может, в тот вечер в шахматной армии прибавилось несколько десятков новых солдат...

На Родину мы с тренером вернулись усталые, но весьма довольные собой. Но долго отдыхать дома нам не пришлось. Начиналась Спартакиада народов СССР.

Огромную пользу принесло шахматам их восстановление в программе этих спартакиад: сразу повысилось к нам внимание на местах, и спортивные руководители не могли больше отмахиваться от нужд шахматистов, как они порой это делали раньше.

На свой форум собрались все лучшие шахматисты

Советского Союза — 25 гроссмейстеров, 17 международных мастеров, 82 мастера спорта, представлявшие сборные команды всех союзных республик и городов Москвы и Ленинграда. Ожидалось, что за первое место будут бороться опытная московская (Т. Петросян, В. Смыслов, Д. Бронштейн, Е. Васюков...) и относительно молодая украинская (А. Белявский, Г. Кузьмин, В. Савон, В. Тукмаков...) команды и сборная РСФСР (там и Б. Спасский, и Л. Полугаевский, и Е. Геллер). Я играл на первой доске команды Ленинграда. И считал, что нам по плечу завоевать спартакиадные медали. Но вот из какого металла, этого никто не знал.

Наибольший резонанс имело поражение, а вернее, разгром, учиненный сборной РСФСР московским шахматистам. Именно этот матч определил, по существу, победителей всей Спартакиады народов СССР. К тому же москвичи проиграли так, что навсегда оставили счет своего поражения в летописи командных соревнований. Что называется, попали в историю...

Счет был уникален — $^1/_2 : 8^1/_2$. Некоторые специалисты склонны были утверждать, что шахматы — прежде всего игра, а в игре, мол, всякое бывает. Переиграйте этот матч и все может быть... Конечно, Спасский не всегда должен выигрывать у Петросяна. Разумеется, Смыслов необязательно именно теперь должен был потерпеть первое за годы их спортивного соперничества поражение от Полугаевского. И уж совсем не наверняка, играя черными, Крогиус может одолеть Балашова, а Васюков, отказавшись от предложенной ничьей, в другой раз вряд ли допустит такие тяжелые ошибки, как во встрече с Геллером...

Понятно, была доля невезения в проигрыше с таким счетом, но была и закономерность. Точнее, было то, для чего журналисты уже успели выработать изящный штамп — «закономерная сенсация». Слабо была подготовлена и плохо организована, хотя и звучна именами, московская команда. Плохая работа столичной

шахматной федерации, полное безразличие к шахматам городского спорткомитета... Словом, к этой «сенсации» москвичи шли давно.

Команда Российской Федерации тоже едва не потерпела крупного поражения. И от кого? От нашей ленинградской команды. В один момент казалось, что мы должны одержать победу со счетом 6 : 3 или даже 7 : 2. В подобных соревнованиях нередко бывает, что проигрыш лидеров деморализует остальных участников, и тогда вся команда начинает «гореть». Но высший класс команды проявляется в том, что шахматисты не упускают своих шансов. И российские шахматисты выстояли, они сумели свести матч вничью.

Во всех командных соревнованиях (за исключением последних) я играл за сборную России. И после того как стало ясно, что Ленинград уже не может претендовать на первое место, я стал «болеть» за своих старых товарищей — шахматистов РСФСР — и был рад, что они завоевали тогда звание чемпионов Спартакиады.

Доволен я был и своим результатом: $5\frac{1}{2}$ очков из 7 — лучший среди лидеров команд...

Едва закончилась Спартакиада, как я снова отправился на очередной турнир.

Одним из городов, претендовавших на проведение нашего матча с Фишером, был Милан. И хоть матч не состоялся, в Италии не отказались от надежды увидеть у себя в гостях лучших из действующих шахматистов мира. Матч уступил место турниру с участием 12 гроссмейстеров, входящих в число сильнейших. Список приглашенных выглядел очень внушительно.

Единственным участником, не имеющим значительных достижений, оказался «хозяин поля» — итальянец Мариотти. Но и он имел звание международного гроссмейстера. Регламент турнира организаторы придумали такой, что он в миниатюре повторял все этапы трех-

летнего цикла борьбы за чемпионский титул: вслед за общим турниром четыре его победителя составляли две полуфинальные пары и играли микроматчи из четырех партий, а затем выигравшие эти матчи встречались между собой в финале из шести партий.

Бросалось в глаза старание хозяев провести турнир выше уровня мировых стандартов. Мы жили, питались и играли в одном комплексе зданий, объединенных в отель под названием «Леонардо да Винчи». Мягкий ковер, покрывавший все внутренние поверхности затемненного и расположенного глубоко под землей турнирного помещения, скрадывал шумовые эффекты. Обстановка как в кинозале во время очередного сеанса, когда гаснет свет и вспыхивает экран. Его роль выполняла здесь невысоко приподнятая над полом сцена. По краям ее — флаги стран, которые представляли гроссмейстеры, на возвышении — столики, в глубине — шесть демонстрационных досок. В зале семьсот мест, но в дни наиболее интересных туров число кресел увеличивали до тысячи. Зал практически всегда был переполнен, и это несмотря на высокую входную плату: три тысячи итальянских лир (тогда это составляло примерно пять американских долларов) взимались за взрослый билет, детям делалась скидка.

Я уже на собственном опыте знал, что от чемпиона требуют и ждут лишь наивысших результатов, лишь первых мест. Знал я и то, что чемпион не получает вместе с лавровым венком страховой полис против невезения или некую волшебную палочку, позволяющую ему в отличие от прочих смертных всегда пребывать в наивысшей форме. Пока у меня с этой точки зрения все шло благополучно. Однако я отлично понимал и другое: без неудачи не обойтись. Но думал: только не в Милане! Здесь я и в самом деле просто обязан был быть первым. С одной стороны, уж очень грандиозен по составу турнир. Настолько грандиозен, словно его и придумали для проверки нового чемпиона мира на проч-

ность. С другой — достался мне лавровый венок не так, как доставался прежним его владельцам, без матча с самим чемпионом, а мир все еще требовал доказательства законности новой «шахматной власти». Милан должен был поставить точку над «и».

Я рассматривал этапы соревнования как составные части одного большого турнира и на каждом этапе решал конкретную задачу. Прежде всего мне нужно было попасть в первую четверку победителей предварительного кругового турнира. На втором, полуфинальном этапе — либо выиграть свой матч из четырех партий, либо сделать в нем ничью (в этом случае в финал выходил тот, кто лучше выступил в круговом турнире). И лишь на третьем, финальном этапе, который состоял из шести матчевых партий, — выиграть обязательно.

Когда речь идет о необходимости быть первым, сыграв за 25 дней 21 партию против сильнейших соперников, творческая сторона отходит на второй план.

Перед началом все мы прикидывали, сколько очков потребуется набрать для выхода в полуфинал. Сходились на том, что гарантия — «плюс три». Потом выяснилось, что и «плюс два» тоже достаточно.

Турнир едва успел принять старт, а эти самые «плюс два» уже имели Портиш и Любоевич. Но если Портиш отлично переиграл Мариотти и Глигорича, то Любоевичу оба очка подарила фортуна. Сначала его начисто переиграл черными Андерссон, но, добившись решающего преимущества и имея полную возможность за оставшиеся три минуты превратить его в очко, непрактичный швед так залюбовался на свою позицию, что вовсе забыл о часах и не заметил, как флажок на его циферблате упал. На другой день «подарок» югославу преподнес Ларсен, имевший в партии с Любоевичем лучшую позицию, но выбравший неверный тактический путь и проигравший.

Мне удалось настичь лидеров к четвертому туру. В общем я не имел оснований быть недовольным. Я ни-

кого не пропустил вперед, и это не стоило мне каких-то сверхусилий, причем сравнительно легко я выиграл ничейный эндшпиль у Любоевича. А партия с Унцикером отняла у меня и вовсе пятнадцать минут. Собственно, длилась-то она больше — полтора часа, но, как показали часы на нашем столике, час и пятнадцать минут раздумывал над своими ходами западногерманский гроссмейстер и лишь четверть часа я. И вот что интересно — мы играли испанскую партию, а она, хоть и изучена вдоль и поперек и приводимые в справочниках ее варианты тянутся на два десятка ходов, требует особого понимания. И Унцикер как раз относится к числу ее признанных знатоков. Таль после этой партии остроумно заметил, что я никак не могу выиграть у Унцикера хотя бы пешку, тот успевает сдаться при полном материальном равенстве и почти полной доске фигур.

Пятый тур оказался мирным, все лидеры взяли по «половинке» и сохранили позиции.

Когда на большом турнире выдается мирный день, раздосадованные болельщики, расходясь по домам, не жалеют обидных эпитетов по адресу «провинившихся» гроссмейстеров, а репортеры изливают свои отрицательные эмоции на газетные полосы. Словно мы и в самом деле умышленно отнимаем у шахматной публики ее право присутствовать на спектакле, исполненном наивысшего драматизма. В общем-то публику можно понять: зритель, не получив от фильма, спектакля или матча того, на что надеялся, предъявляет претензии их участникам и режиссерам. Кого же еще ему и корить за неудавшийся вечер?

Но на самом деле мы, играющие, зачастую чувствуем себя в такие дни без вины виноватыми. Шахматист идет на очередной тур, заранее планируя свой результат. План этот зависит от многого — от турнирного положения, от длины оставшейся дистанции, от цвета твоих фигур, от сравнительной силы — твоей и соперника, от физического и нервного состояния в этот день... Ни-

кто же не хочет видеть себя заранее в роли побежденного. Кто-то идет в турнирный зал с максимальными претензиями, а кто-то не возражает и против ничьей (ну а уж если представится случай заработать очко, слава богу). И эти предварительные наметки каждого, равно как и настроение, и дебютные намерения, сталкиваются с доской. В одних случаях пламя жаркой борьбы вспыхивает — и разражаются долгие или короткие бури, а иногда столкновение так и не высекает искры. Странно ведь было требовать от гроссмейстера выжать из позиции более того, что в ней заложено, выжать лишь на потребу публике, выжать, жертвуя своей турнирной стратегией, а с ней и долгими месяцами труда, когда мы готовимся к турнирам. Разумеется, все это я говорю, не имея в виду «договорные» ничьи...

В мирном пятом туре пламя так и не разгорелось ни за одним из шести столиков. И это не более чем совпадение. Совсем иного рода совпадение случилось в следующем, шестом туре. Опять все шли в зал, определив свою сегодняшнюю программу — и оптимальную и минимальную. Опять все сели за доски, не зная, что предложат их нынешние партнеры. Но совпадение заключалось в том, что для большинства участников настало время выяснить их турнирное положение. И игра сразу «пошла». И такие во всех шести партиях завязались схватки, что зал в тот вечер и шумел и аплодировал, будто в нем шел не шахматный турнир...

Довольно занятной была партия Б. Ларсен — М. Таль. Датчанин накануне вышел на пятидесятипроцентный рубеж и оттуда готовился к продолжению рывка. А экс-чемпиону мира рубеж этот еще только виделся. Теперь для Таля проигрыш был, как говорится, смерти (в этом турнире) подобен. Почти столь же нетерпимо было поражение и для Ларсена. Это сугубо спортивные соображения. Представьте себе и психологическую подоплеку поединка давних соперников, уже выигравших друг у друга целые матчи и слывущих непримири-

мыми шахматными бойцами. Бойцами, но не гладиаторами, идущими на смерть. Вот и построили они свою тактику одинаково — зная характер партнера, каждый играл осмотрительно и аккуратно менял фигуры, уверенный, что соперник рано или поздно не выдержит и тогда с невыгодой для себя нарушит равновесие. Потом повнимательнее глянули на доску, а там стоит уже почти ничья. И тут палку перегнул Ларсен. Один неосторожный ход датчанина — и этого уже оказалось достаточным, чтобы Таль создал неотразимую матовую атаку на неприятельского короля. И в фешенебельном отеле «Леонардо да Винчи» раздались аплодисменты, адресованные победителю.

Таля даже как-то смутил такой незакономерный, что ли, выигрыш. Вроде бы оправдываясь, он сказал: «Ко мне с процентами вернулось то, что я упустил во встрече с Портишем». Кстати, и сам Портиш, сделав в лучшей позиции плохой ход, который привел его к поражению от Андерссона, мрачно пошутил, имея в виду себя и Ларсена: «Второе шахматное самоубийство за один вечер».

Моя позиция в партии с Глигоричем висела в тот вечер на тоненьком волоске. И порвется он, этот волосок, или нет, зависело куда больше от моего партнера, чем от меня. Сначала все шло легко и просто — мы повторяли ходы из нашей последней встречи на турнире в Порторожe. Лишь 17-й мой ход был новым, усиливающим вариант. Вскоре Глигорич попал в тяжелое положение. У меня имелось несколько путей к выигрышу. Я сделал выбор, поставил фигуру, записал ход и отошел от доски. И вдруг, скорее не мысленным еще взором, а каким-то шестым чувством ощутил: произошло что-то неладное. Действительно, ход оказался ужасным: отыскав правильный план, соперник мог заставить меня самого искать спасение в вечном шахе. Глигорич тем временем надолго задумался. Минуты тянулись нестерпимо медленно... Глигорич не нашел спасительного про-

должения, и опасность потери важного полуочка миновала. Партия была отложена, и на следующий день, после доигрывания, я стал единоличным лидером, имея $4^1/_2$ очка из 6.

Седьмой игровой день опять выдался мирным. Все партии закончились вничью, исключая лишь встречу скандинавов — Ларсена и Андерссона. Соседи издавна регулярно бьют друг друга. Незадолго до миланского турнира они сыграли между собой целый матч, закончившийся разгромом датчанина — $2^1/_2 : 5^1/_2$. Теперь он частично реваншировался, обыграв шведа, который никак не мог преодолеть грустную вялость, вызванную стартовыми неудачами.

На следующий день играл с Андерссоном я. Партия была очень интересной. Как играть, я продумал заранее. Андерссон — цейтнотчик, и я специально действовал так, чтобы дать ему пищу для размышлений. И все получалось по-задуманному. Возникла позиция, быть может, и равная, но очень сложная, так что все время требовалось считать ход в ход: вот я сыграю так, он ответит так, я — так, он — так... Позиция таила много каверз, возникали все новые оценочные возможности. Андерссон стал много думать — и оказался там, куда я подталкивал его...

Он видел, что, если дело и дальше так пойдет, проиграет равную позицию просто потому, что у него истечет время. Он был уже не в силах справиться с собой и бросился на меня, пожертвовав качество, но компенсацию получил недостаточную. Его инициативу я быстро ликвидировал. Все? Дело было за малым — выиграть эту выигранную партию, спокойно довести ее до конца.

И в этот момент мне словно в голову ударило: надо выигрывать быстро. Чего там мучиться, думаю, ведь он уже готов. У него цейтнот сильнейший: одна или две минуты на десяток без малого ходов. Гиблое дело! И вот я, имея лишнее качество и больше часа на обдумывание, как мальчик, заиграл в цейтнот... Потом размыш-

лял: разве я не мог себе этого позволить? Без ложной скромности — в блиц я играю очень хорошо. И если мы сядем играть в блиц с Андерссоном, я у него любой матч выиграю. И тут в одной-единственной партии, имея лишнее качество, правда, не без трудностей с реализацией, проигрываю... Как это произошло? Находясь в цейтноте, шахматист сжат в комок, все мысли его сфокусированы на одном: он прикидывает, какой ход сделает противник и как на него ответить. Интенсивность мышления возрастает в несколько раз, все обдумано заранее: по крайней мере, на каждый случай припасен ответ. А у меня-то все было наоборот. Не хочешь, а расслабляешься. Вроде бы работаешь с прежней интенсивностью, но точит мыслишка: ладно, сделаем еще пару ходов, мне спешить некуда, еще успею подумать, что-то найти... Один «просто ход», второй «просто ход» — пока не сделал такой на первый взгляд очевидный ход, что потом думал целый оставшийся час, да так ничего придумать и не смог — позиция была проиграна...

...Во время домашнего (то бишь гостиничного) анализа диагноз подтвердился: положение мое проигранное... На следующий день Ульфу Андерссону не хватило четырехчасового доигрывания, чтобы одержать победу в выигрышном положении. Объявили перерыв на обед. Затем игра должна была возобновиться. Откровенно говоря, я отправился в зал только для того, чтобы проверить, не угодит ли мой партнер в последнюю ничейную ловушку. Немного поплутав вокруг западни, Андерссон в конце концов все же пошел верным путем. Когда я потом показал шведскому гроссмейстеру, что ожидало его, избери он другую дорогу, тот абсолютно искренне расстроился: «Лучше я бы попался. Такая блестящая концовка могла получиться — не жаль половины очка!» Ульф Андерссон вообще очень тонко чувствует шахматную красоту, к тому же он отличный парень.

Я, конечно, огорчился, но только самим фактом нелепого поражения, а не тем, что проиграл именно Андер-

ссону. Если бы мне сказали: мол, тебе суждено проиграть одну партию, выбери победителя сам, то, может быть, именно Андерссона я и выбрал бы, поскольку он очень приятный человек.

Проигрывая, обычно терзаешься двумя мыслями: первая — на себя злишься, как мог вообще проиграть; вторая — менее характерная — что проиграл вот такому «пижону» (или неприятному шахматисту). В данном случае вторая мысль у меня отсутствовала. Я был зол только на себя: как можно было проиграть выигранную позицию?!

Все были довольны моим поражением. Андерссон ни с кем не конкурировал за выход в четверку, которая должна была продолжать борьбу за первенство в матчевых поединках. Я же в случае победы стал бы недосягаемым для остальных, а теперь другие сразу оказались рядом, и если до сих пор все дрались за три вакантных места, оставляя мне одно почти автоматически, то тут вдруг выяснилось, что вакантных мест опять, как и на старте, четыре. Всем приятно!

Перед последним туром на выход в заветную четверку претендовало гораздо большее число шахматистов. И тогда, готовясь к решающему сражению, гроссмейстерам пришлось бросить на весы своих предварительных расчетов тяжелые гирьки коэффициентов. Так бывает всегда, когда спрос на места превышает предложения. Уже говорилось, что согласно положению о турнире в случае, если кто-то из соискателей наберет одинаковое количество очков, предпочтение отдавалось имеющим лучшие показатели по таблице коэффициентов Бергера (другими словами, тем, кто лучше сыграл с ведущими участниками).

Чтобы обеспечить себе, как минимум, дележ первого места, мне надо было играть с Мариотти на выигрыш, а для этого вскрыть позицию, на что соперник ни за что идти не хотел. Однако и «половинка» (хвала Бергеру!) обеспечивала мне не только место под солнцем, но и

разрешала благодаря лучшему коэффициенту не опасаться равного счета в полуфинале. Я предложил партнеру, так и не сумевшему одержать в турнире ни одной победы, ничью. Ни за что бы не пошел на это, если бы знал наперед, как плохо будет играть Браун против Портиша. А он, и без того попавший в неприятную позицию, в цейтноте занялся собственноручным сооружением гробницы для своего короля, в чем явно преуспел. Партия была отложена, но не доигрывалась. Поздно вечером Браун узнал у Портиша записанный тем сильный ход и сдался. Так чистое первое место в предварительном соревновании досталось Лайошу Портишу.

Досталось место под солнцем и Петросяну, который принял предложенную Ларсеном самую настоящую «потасовку» и, проявив свои отличные шахматные и спортивные качества (о них уже к тому моменту начали было забывать), заставил сдаться партнера. Четвертым по таблице коэффициентов стал Любоевич. Великолепно до определенного момента вел партию с югославом Таль, которому нужна была только победа. Но, по выражению шахматистов, он «переставил ходы», а потом попросту зевнул двойной удар — ферзь Любоевича напал сразу на ладью и слона экс-чемпиона мира. Таль еще и в день доигрывания с редким мужеством и поистине талевской изобретательностью изыскивал шансы, но пути к спасению уже не было.

На основании все тех же коэффициентов были составлены полуфинальные пары: Портиш — Любоевич, Карпов — Петросян. Через день все мы, не успевшие стряхнуть с себя усталость, сели за столики...

В нашем матче с Петросяном меня устраивала и ничья: благодаря лучшему коэффициенту в круговом турнире она давала право оспаривать затем первое место. Конечно, играй мы матч из восьми-десяти партий, преимущество это было бы не столь значительным. Но когда их всего четыре (а если поделить на белый и черный цвета, остаются только две серьезные попытки

сыграть на победу), то начальный перевес имеет важное значение.

Буквально после первой партии стало очевидно, что Петросян в нашем матче не ищет бури. И все четыре партии мне удалось закончить вничью.

Совсем по-другому, нежели Петросян, вел себя в сходных обстоятельствах Любоевич. Уже в самой первой полуфинальной партии он произвел разведку боем и подкрался так близко к королю Портиша, что тот некоторое время был близок к поражению. Следующий демарш Любомир предпринял в третьей партии, но был наказан нулем. А в четвертой, играя белыми, он сделал такой неудачный ход в испанской партии, что тут же проиграл.

Итак, в финальном поединке миланского турнира я должен был встретиться с Лайошем Портишем, одним из сильнейших зарубежных шахматистов, недавним участником претендентских матчей на первенство мира.

Регламент миланского турнира был очень жесток. Мы порядочно устали, и это, конечно, не могло не сказаться на ходе нашего матча.

Однако первую партию игравший белыми Портиш провел очень бурно, и я едва устоял. Во второй партии уже я вовсю жал Портиша. Но он тоже неплохо защищался. В отложенной позиции у меня был небольшой перевес, но разноцветные слоны давали Портишу кое-какие надежды.

Мы с Фурманом тщательно проанализировали позицию и нашли путь к победе. Портиш, по-видимому, промучился над анализом всю ночь. Пришел на доигрывание невыспавшийся и... проиграл.

После поражения Портиш выглядел несколько потерянным. Чувствовалось, он не в своей тарелке, не готов к энергичному руководству белыми фигурами. Я легко уравнял позицию в третьей партии и стал даже подумывать о большем, однако явных оплошностей мой партнер не допускал и, трезво оценив сложившуюся на

доске ситуацию, согласился на ничью. Затем сделал ничью и в четвертой партии.

А пятая была той самой последней соломинкой, за которую был обязан ухватиться Портиш. Он в последний раз играл белыми, и выигрыш давал ему надежду: в случае ничейного исхода основного времени матч продолжался бы до первой победы кого-либо из нас.

Я понимал это и приложил все усилия, чтобы устоять последнему натиску Портиша. Мы отложили партию в равной позиции. Но доигрывание не состоялось. Узнав, какой я записал ход, Портиш отказался от дальнейших попыток выиграть эту партию.

Утром следующего дня венгерский гроссмейстер выглядел вконец утомленным. «С ужасом думаю, что соревнование еще продлится, если я вдруг выиграю сегодня», — пожаловался он встретившемуся журналисту А. Рошалю.

Тем не менее он начал очень остро, на доске сложилась позиция, которую мы с тренером к этому турниру не рассматривали. Я надолго задумался и... нашел сильное продолжение. Далее Портиш как бы потерял интерес к игре, сделал несколько вялых ходов и, слабо улыбнувшись, предложил мне ничью, которая принесла мне желанную победу в этом турнире...

После Милана страсти вроде бы улеглись и уж, кроме разве самых упрямых моих недоброжелателей, никто не высказывал сомнений в адрес чемпиона мира.

Однако это не давало повода мне успокаиваться и «вешать оружие на стенку» — я продолжал играть, как и обещал, выполняя свою годовую норму.

На 1976 год я наметил для себя выступления в шести турнирах — в «Турнире солидарности» в Скопле, в командном кубке СССР в Тбилиси, в Амстердаме (Голландия), в Маниле (Филиппины), в Монтилье (Испания) и в очередном чемпионате СССР (высшая лига).

На «Турнире солидарности» в Скопле я занял «чистое» первое место с $12\frac{1}{2}$ очками из 15. Результатом был очень доволен, ибо игравший здесь когда-то Фишер имел $13\frac{1}{2}$ из 17. Мой результат в процентном отношении оказался выше.

В Кубке СССР я играл за команду ЦСКА. Команда в целом выступила неудачно. Но у меня результат оказался вполне пристойным: две победы и четыре ничьи.

Едва закончился Кубок СССР, последовал турнир в Амстердаме. Четверной, двухкруговой, он был довольно трудным. Хотя дистанция и оказалась короткой, но ее заметно усложнил непривычный регламент: игра с 13 до 18 часов, доигрывание с 20 до 22. Организаторы не предусмотрели самую малость — шахматисты тоже должны обедать!

Доволен этим регламентом был разве что Уолтер Браун. Так, я узнал еще об одной странности тогдашнего чемпиона США — он любит сидеть за доской голодным. Браун играл в Амстердаме поначалу не слишком уверенно и очутился в хвосте. В предпоследнем туре он получил некоторый перевес против Фридрика Олафссона, но выигрыша найти не мог. Тогда Браун затеял рискованнейшие операции. Олафссон угодил в цейтнот, и флажок на его циферблате рухнул в тот момент, когда у американца была уже проигранная позиция. В последнем туре Браун выиграл весьма убедительно у Яна Тиммана и занял второе место.

Победив в мини-матчах Брауна и Олафссона, я сделал две боевые ничьи с Тимманом. А вот Олафссон в первом же туре у Тиммана выиграл, потому что тот, отклонив предложенную ему ничью, допустил грубый просмотр. После этого четыре тура мы шли рядом с исландским гроссмейстером. В решающей встрече я получил преимущество, но в цейтноте соперника действовал не совсем точно и в известной мере затруднил себе выигрыш. И все же одолеть Олафссона мне удалось...

По окончании турнира мне была вручена копия па-

мятного Кубка. Сама же громадная стеклянная пешка, учрежденная в честь семидесятипятилетия М. Эйве, осталась в Амстердаме, где подобные юбилейные соревнования в честь президента ФИДЕ решено было проводить и в дальнейшем.

С завершением турнира в Голландии совпало мое двадцатипятилетие, и, когда мы вместе с семидесятипятилетним профессором М. Эйве выступали по телевидению, голландцы шутили, что идет «передача столетия».

24 мая в Испании в торжественной обстановке я получил во второй раз приз «Шахматный Оскар». На этот раз он изображал «Даму с зонтиком» — символ Барселоны. После Испании по приглашению общества «Франция — СССР» я посетил Францию — Париж, Гавр, Ла-Рошель. Очень приятно было принимать от мэра столицы золотую медаль Парижа — высшую там награду. Однако затем пришлось расплачиваться: напротив меня усадили сильнейших мастеров и кандидатов на это звание и попросили дать сеанс на 22 досках. Трудная была работа, ее итог: + 13, — 4, = 5.

В промежутках между турнирами в Амстердаме и Маниле я по заданию ЦК ВЛКСМ побывал во многих городах Сибири и Дальнего Востока (об этой поездке я еще расскажу)...

Затем, заглянув в гости к родителям в Ленинград, отправился на Филиппины, где начиналось небольшое, но довольно интересное двухкруговое соревнование четырех гроссмейстеров — «четырех королей» разных частей света. Америку представлял Уолтер Браун, Азию — филиппинец Еугенио Торре, Европу — Любомир Любоевич, четвертым был я.

Филиппины претендовали на проведение матча за мировое первенство между Фишером и мною, затем сумели провести межзональный турнир следующего цикла. Сразу же вслед за этим — наш матч-турнир...

Популярность шахмат в этой далекой, расположен-

ной на сотнях островов стране Азии чрезвычайно велика. В Маниле я наблюдал уличного мороженщика, который отрывался от анализа какой-то шахматной партии, только чтобы спросить у очередного покупателя, умеет ли тот играть. Шахматистов встречал с распростертыми объятиями и непременно предлагал сыграть на мороженое.

Матч-турнир я начал с поражения (белыми!) от Торре, и даже отличная победа над Любоевичем не спасла меня от второго места в соревновании. Слишком коротка была дистанция, да и «хозяин здешних мест», мой главный конкурент, продолжал играть исключительно удачно. Помнится, тогда в печати — и не только в шахматной — раздавались многочисленные голоса, утверждавшие, будто мои коллеги Любоевич и Браун умышленно выпустили вперед Торре, проиграв ему по одной партии, дабы стать «соавторами» сенсации. И хотя проигрыши эти — особенно в такой отличной позиции, какую имел американский гроссмейстер, — выглядят как-то нелепо, я все же не склонен разделять постепенно укоренившееся на сей счет мнение. Я привык к тому, что и Браун и Любоевич обычно честно относятся к своим спортивным обязанностям. Другое дело, что могли повлиять (причем порой самым неожиданным и забавным образом) какие-нибудь привходящие обстоятельства, о которых не могут знать аналитики, бесстрастно разбирающие чужие партии.

Возьмем, к примеру, хотя бы последний тур. Играли мы его за городом, в горах, в прекрасной обстановке. Все было отлично организовано. Но устроители не учли самую малость, а она-то и повлияла, как ни странно, на итоги если не всего соревнования, то уж точно на результаты последнего тура. Начали играть засветло, однако быстро стемнело, и пришлось включить электричество. Через каких-нибудь полчаса налетели громадные бабочки и почему-то набросились именно на Брауна, на того самого Брауна, который и без всякого

постороннего влияния не может спокойно сидеть за доской. Что тут началось! Я, построив позиционную крепость против Любоевича, еле сдерживался от смеха, наблюдая за Брауном. Мой соперник, в свою очередь, не столько следил за своей доской, сколько угадывал, сможет ли Браун одним ударом убить сразу двух бабочек. И лишь абориген Торре в этом цирке вел себя абсолютно невозмутимо.

Браун, имевший по дебюту выигрышное положение (фигуру за две пешки), тем не менее закончил партию вничью и страшно ругался. «Мы оба здесь плохо играли, — успокаивал я его. — Пора нам, Уолтер, уезжать с Филиппин». — «И навсегда!» — с готовностью подхватил Браун, который отличается излишней категоричностью.

Я же был не столь категоричен и через два года вновь оказался на Филиппинах в городе Багио — в качестве участника матча за мировое первенство...

Завершающим турниром 1976 года был 44-й чемпионат СССР (высшая лига). Для меня он имел исключительно важное и принципиальное значение. Во-первых, став чемпионом мира, я еще ни разу до этого не становился чемпионом своей страны и, естественно, горел желанием им стать. Во-вторых... ох уж это во-вторых!.. я должен был доказать, как это ни странно звучит, что чемпион мира может одновременно быть и чемпионом СССР! Дело в том, что этого добивался только Ботвинник почти четверть века назад, да и то с третьей попытки. А после него чемпионы мира предпочитали вообще не играть в чемпионатах СССР.

Так уж устроена жизнь в шахматном королевстве нашей страны — и в том, наверное, наша сила, что нигде чемпиону мира не встретить такого числа своих недавних конкурентов и спутников по пройденному уже пути к трону, как здесь, на всесоюзном первенстве. Некоторые из них при всем уважении к лидеру справедливо

видят в нем лишь первого среди равных, мысленно выделяя его превосходство не столько в силе, сколько в удачливости. Память услужливо подсказывает один, другой, третий случай, когда какой-то импульсивный ход помешал добиться победы, когда цейтнот украл решающее очко, когда плохое самочувствие заставило избрать неверный план в лучшей позиции. «Не будь того, другого или третьего, — так примерно рассуждает наедине с самим собой бывший конкурент, — на троне сейчас мог быть не он, а я». И рассуждения эти не так уж и беспочвенны. Так же, как и иные, тоже логичные и потому обязательно приходящие на ум: «Хорошо, пусть тогда, в свой звездный час, он стоял выше. Но тогда, а не сегодня. А сегодня мне дана возможность доказать, что это былое превосходство испарилось».

Что говорить, зарубежный шахматный мир насчитывает немало выдающихся мастеров своего дела. И все-таки никто не станет спорить против истины: ни одна шахматная армия не имеет в своих рядах такого числа — нет, не солдат, — генералов, которые носят в ранцах маршальский жезл. И каждый, кому не удалось в предыдущем цикле дойти до вершины, рвется доказать реальность своих притязаний, воспользовавшись редкой возможностью встретиться лицом к лицу с чемпионом на всесоюзном первенстве. Встретиться и обойти его. А почему бы и нет? Разве такая задача не реальна? Разве не случалось такого прежде?

И я понимал, как мне будет трудно в этом турнире. Понимал, но не хотел отказываться от участия в нем. И хотя я готовился к нему очень тщательно, начал чемпионат, как никогда, плохо... Играл тяжело, затрачивал по многу времени — порой «засыпал» на полчаса, что раньше со мной случалось исключительно редко.

Причины тому я могу назвать: сначала серьезно заболел отец, затем то же случилось с матерью, которая попала в больницу, простуда преследовала и меня самого.

После пяти туров у меня был пятидесятипроцентный результат. Три ничьи, поражение от Геллера и, наконец, победа над Балашовым.

Первая победа в турнире — это та самая первая ласточка, которая еще не делает весны. Я ощущал: игра еще не пришла. Но знал теперь и что надо делать для возвращения ушедшей формы: биться в каждой партии, как бы она ни складывалась, искать борьбу со всеми соперниками, и прежде всего с главным — с самим собой, собственной вялостью, с силой инерции, которая стремится катить меня мимо трудных барьеров и крутых преград.

Перелом наступил в восьмом туре: я заиграл в полную силу и в результате выполнил поставленную перед самим собой задачу — стал чемпионом СССР с результатом — 12 очков из 17 возможных: восемь побед, восемь ничьих и одно поражение. И пожалуй, что для меня было особенно важным, в этом турнире я одержал победы над большинством из своих сверстников — Балашовым, Дорфманом, Ваганяном, Гулько, Григоряном, Цешковским...

Главным событием 1977 года были матчи претендентов на звание чемпиона мира. Но теперь я мог наблюдать за ними как бы со стороны. Кто же будет моим соперником? В четвертьфинальных матчах встречались — Горт и Спасский, Ларсен и Портиш, Мекинг и Полугаевский, Петросян и Корчной.

Как я тогда расценивал их шансы?

Горт давно уже вошел в число сильнейших гроссмейстеров мира, но честолюбие у него появилось сравнительно недавно и еще не в такой мере, как надо. Властимил, который мне искренне симпатичен, был счастлив, что вышел в претенденты, и я его тогда от души поздравил. Однако я был почти уверен, что он свой матч проиграет, но проиграет достойно.

Предпочтение я отдавал Спасскому. Я вообще Спас-

ского всегда ставил исключительно высоко, и если бы он сумел взяться за дело по-старому, то я бы видел в нем вполне возможного своего соперника в решающем матче за мировое первенство. Правда, межзональный турнир как-то подорвал веру в его возможности, но огромный матчевый опыт... Словом, инерция веры, что ли, все еще была достаточно велика.

Рассказывают, будто Ларсен на вопрос о вероятном исходе его четвертьфинального матча сказал, что он «избегает прогнозов и даже не берется назвать будущего победителя в матче за мировое первенство между Карповым и... Ларсеном...».

Что ж, это в его характере. Абсолютно убежден: больше всех были довольны своим жребием именно они — Ларсен и Портиш. Каждый из них уж точно знал, что выиграет. Пожалуй, я бы не стал спорить ни с тем, ни с другим, но коль необходим все же однозначный ответ, то предпочел бы венгерского гроссмейстера. Портиш более серьезен в шахматах да и в жизни. Хотя Ларсен по таланту никак не ниже. Но играет датчанин слишком уже в азартные шахматы, а у самого нервы не выдерживают. Он и в турнире неровного смешанного состава — а ведь это был его конек — уже не выдерживает. И лишне ссылаться на его победу на межзональном в Швейцарии — ему в Биле никто нервы по-настоящему не портил. Вот в 1973 году, на предыдущем межзональном, была конкуренция, и все помнят, чем это кончилось для Ларсена, начавшего с одних побед. Говорил я про нервы Ларсена и вспомнил, что у Портиша тоже не стало прежней выдержки. Он все чаще не в форме и все реже играет ровно и уверенно... Не скрою, фаворитом первой четверки тогда я видел Спасского.

Вторая четверка получилась значительно сильнее. О матче Петросяна с Корчным мне говорить было трудно и неприятно. Не пожелав возвратиться после международного турнира на Родину, бывший мой соперник жестоко скомпрометировал себя.

Вокруг все говорили тогда о Мекинге, единственном молодом гроссмейстере, вышедшем в претенденты. Не могу сказать, что бразилец, победив на межзональном турнире в Маниле, показал там какую-то сверхъестественную игру, он просто грамотно вел свою линию. Мекинг много работал и работу эту начал заранее, и вот она дала свои плоды. Он легко «снимал» слабых, а с сильными даже белыми согласен был на короткие ничьи. Мое прежнее не слишком высокое мнение о Мекинге изменилось в лучшую сторону не только с усилением его игры. Ситуация в шахматном мире за три года тоже изменилась. У Мекинга появились новые плюсы, у его конкурентов — новые минусы. А это как раз тот случай, когда плюсы и минусы взаимно не уничтожаются...

По своему творческому содержанию четвертьфинальный матч между Мекингом и Полугаевским виделся мне едва ли не самым интересным. Верно, Мекинг по-прежнему залезал в цейтноты и излишне нервничал в них. Однако характер у него сильный. И Полугаевский здорово играет в турнирах, но в матчах не столько играет, сколько борется: с характером соперника, со своим характером. Такую борьбу Полугаевский может не выдержать, если не в первом, то в одном из последующих матчей...

Пройдет немного времени, и мои прогнозы оправдаются. Спасский победит Горта, Портиш — Ларсена, Полугаевский — Мекинга. С большим сожалением я встретил известие о поражении Петросяна...

Пока претенденты «выясняли отношения» между собой, я не сидел без дела, а отправился на открытое первенство ФРГ в Бад-Лаутерберг, где собрались чуть ли не все зарубежные гроссмейстеры, не занятые в претендентских матчах.

Бад-Лаутерберг — небольшой городок курортного

типа, расположен километрах в пятнадцати от границы с ГДР. Живописная гористая местность и отсутствие крупной промышленности — главные достоинства этой области. Все постоянное население (примерно 10 тысяч) занято обслуживанием отдыхающих и туристов. Шахматы среди прочих видов культурного отдыха занимают здесь далеко не последнее место. Местному шахматному клубу исполнилось 50 лет, и в сочетании с другой датой (100-летним юбилеем фестиваля в честь Адольфа Андерсена) это явилось поводом для организации международного соревнования.

...Среди большого числа людей, приглашенных на открытие турнира, были и руководители спорта ФРГ. Речь одного из них закончилась призывом к спортивным деятелям отдельных земель активнее финансировать развитие шахмат. Добавлю, что после окончания турнира, проводя сеансы одновременной игры, я убедился в немалой популярности шахмат в этой стране и в достаточной практической силе местных любителей. В известной степени о том же свидетельствовала и моя партия с телезрителями, которую мне предложили сыграть с любителями шахмат в Западной Германии. Каждый ход, сделанный мною раз в неделю, предварительно снимался (где бы я ни находился!) на пленку, потом она отсылалась в ФРГ на телевидение и там показывалась по пятницам. Комментировали сделанные ходы и «предсказывали» дальнейшее течение борьбы сильнейшие западногерманские шахматисты или находящиеся в это время в стране зарубежные гроссмейстеры. Когда заканчивался турнир в Бад-Лаутерберге, мои соперники размышляли над своим 29-м ходом, позиция была примерно равной...

Но вернемся к собственно бад-лаутербергскому турниру, который собрал хороший состав (13 гроссмейстеров и 3 немецких мастера) и прошел весьма интересно. На жеребьевке Семен Абрамович Фурман и я дружно вытянули первый и второй номера, но в отличие от мо-

его тренера это не доставило мне радости: предстояло черными играть со всеми сильнейшими участниками: Р. Хюбнером, Ф. Олафссоном, У. Андрессоном, С. Глигоричем, Э. Торре... Впрочем, борьбы за первое место, по существу, не получилось — на старте удалось выиграть пять или шесть партий. Вскоре оказалось, что и на жребий грех жаловаться. За весь турнир имел, кажется, лишь одну худшую позицию (против И. Чома) и две по-настоящему напряженные партии (с Ф. Олафссоном и Р. Хюбнером).

Роберт Хюбнер поначалу виделся мне главным конкурентом, но производил двоякое впечатление. Он становился все менее профессиональным шахматистом, все больше углублялся в изучение папирусов и, насколько мне известно, добивался в своей науке все больших успехов. В то же время было заметно, что шахматы он по-прежнему любил, но на него произвели сильное впечатление результаты последнего межзонального турнира. В одном интервью Хюбнер даже заявил, что играть в шахматы по-прежнему хочется, он получает от них истинное удовольствие, но, как только вспоминает свою трагическую партию с Петросяном из межзонального турнира, где он не поставил форсированный мат, у него буквально опускаются руки.

Так или иначе, Хюбнер играл в первой половине турнира хорошо и долго шел на втором месте. Затем состоялось наша встреча. Хюбнер, не имея сколько-нибудь заметного перевеса, от ничьей уклонился. Затем, очевидно решив, что «погорячился», начал мирные переговоры, которые теперь уже не поддержал я. Дважды нам пришлось доигрывать эту партию вечером — с 22 часов до 24 и один раз утром — с 10 до 12. При этом на утреннее доигрывание Роберт пришел невыспавшимся. (В обычные дни Хюбнер, как он сам рассказывал, поднимается гораздо раньше, а вот во время турниров утренняя игра дается ему с большим трудом.) Со мной западногерманский гроссмейстер ничью все же

сделал, но, утомленный, проиграл сначала Я. Тимману, с которым сразу поменялся местами в таблице, а затем еще и англичанину Э. Майлсу.

Во встрече с англичанином Р. Хюбнер применил в дебюте идею нашего О. Романишина, но не учел, что черные вместо коня на f6 вывели слона d4. Эта партия закончилась не так быстро, как должна была кончиться, лишь из-за технических погрешностей Э. Майлса.

Вскоре после этого турнира Хюбнер сделал очередной «зигзаг», забросил науку и снова переключился на борьбу за шахматную корону. В очередном цикле он попал в число претендентов, победил в матче Адорьяна и Портиша, но в финале проиграл Корчному.

Говоря об одном из сильнейших английских шахматистов, следует помнить, что он в ту пору являлся самым молодым гроссмейстером в мире и потому, естественно, привлекал особое внимание. Энтони Майлс чем-то походил на Энрике Мекинга. Он так же, как и бразилец, попав в турнире в трудное положение, обхватывал голову руками и ничего вокруг не замечал. Однако вел себя за шахматной доской вполне прилично... Отсутствие школы плюс не очень высокая еще техника Майлса в известной мере компенсировались хорошо отработанным дебютным репертуаром и изобретательностью в обоюдоострых положениях.

Ян Тимман выиграл перед самым финишем пять партий подряд (что, кстати, он проделал незадолго до этого и на международном турнире в Вейк-ан-Зее). Голландский гроссмейстер вообще, что называется, шахматист настроения. На сей раз настроение у него оказалось отличным, ибо турнирное счастье не покидало Тиммана и особенно приветливо улыбалось ему в начисто проигранных позициях против Глигорича и Олафссона. А в результате чисто второе место, хотя и на два очка позади меня.

Не ставя себе целью дать характеристику всем участникам, хочу все же сказать о мощной и уверенной

игре Фридрика Олафссона. Он исключительно боевитый шахматист, что в сочетании с упорством (95 ходов он спасал партию от меня и спас) делает его опасным конкурентом в любом соревновании. И наоборот, полной противоположностью Олафссону был в этом турнире Ульф Андерссон. Еще со времени нашего совместного выступления на юношеском первенстве мира 1969 года я испытываю к шведскому шахматисту глубокую симпатию. И тем обиднее метаморфоза, приключившаяся с Ульфом в последнее время. Андерссон играет словно старичок, который все знает и всего опасается. Он играет одни и те же позиции, причем и белые и черные фигуры располагает, как правило, не далее третьего ряда. Да, он по-прежнему редко проигрывает, но... совсем перестал выигрывать. Четырнадцать ничьих и одно поражение (в своем любимом построении), конечно, печальный итог.

Разумеется, не могу не сказать о своем тренере и сопернике на турнире в Бад-Лаутерберге.

Мы с Фурманом как бы тренировали друг друга, хотя времени для этого практически не было (шесть туров, выходной, восемь партий, выходной и последний тур). Опытный гроссмейстер играл отлично (достаточно упомянуть его блестящую победу над Глигоричем), и лишь на финише, несколько устав, он проиграл белыми Торре. Зато, например, в партии с другим молодым гроссмейстером, Майлсом, Фурман дал образец разыгрывания типовой позиции с изолированной ферзевой пешкой. Третье место С. Фурмана абсолютно заслуженно.

Хочу рассказать и об особо приятном для меня турнире в испанском городе Лас-Пальмасе. Здесь собрался довольно сильный состав участников. А к началу турнира мой индивидуальный коэффициент — рейтинг — перевалил за сумму 2700 и стал 2725. Чтобы удержать его хотя бы на том же уровне, я должен был набрать

в турнире не менее 12 очков из 15. Такая «норма» в присутствии видных гроссмейстеров была довольно высока. Но настроение у меня было приподнятое, все удавалось легко, играл с вдохновением, а по словам Михаила Таля, который участвовал в турнире вместе со мной, так даже «совершенно блестяще». Мою партию с итальянцем Татаи шахматные информационные издания тогда признали абсолютно лучшей среди всех сыгранных на турнирах первой половины 1977 года. Мой результат в Лас-Пальмасе оказался очень высоким — $13^1/_2$ очка: 12 побед, три ничьи и ни одного поражения. В итоге индивидуальный коэффициент вырос до 2740.

Впрочем, высокий коэффициент Эло меня не гипнотизирует, и я вовсе не считаю, что обязан увеличивать его в каждом турнире. Такая безудержная погоня за суммой ни к чему хорошему привести не может. Я уже не говорю об игре «на износ». Но и в творческом отношении постоянное стремление «выдать» высший результат может привести только к кризису.

Индивидуальный коэффициент не стимул, а всего только визитная карточка шахматиста. Другое дело, что визитная карточка должна быть как можно представительнее...

И еще мне кажется, что настала пора придать индивидуальным коэффициентам несколько большее практическое значение. Что я имею в виду? Да то, что необходимо соединить квалификационное звание шахматиста с его реальной силой, выраженной индивидуальным коэффициентом (рейтингом).

В первой половине XX века гроссмейстерское звание не было официальным и присваивалось, по существу, общественным мнением тем шахматистам, которые оказывались победителями редких в ту пору международных турниров.

В самом начале 50-х годов ФИДЕ решила навести порядок в своем «хозяйстве» и выдала официальные удостоверения «международных гроссмейстеров» груп-

пе шахматистов, добившихся выдающихся успехов. Было учреждено и другое официальное звание — «международный мастер». Разработаны критерии, на основании которых в дальнейшем стали присуждать эти звания другим шахматистам. Правда, критерии эти были сформулированы довольно расплывчато и несколько раз пересматривались.

Заботясь о популяризации шахмат и привлечении к этой игре широких масс населения нашей планеты, ФИДЕ справедливо посчитала, что в каждой стране должен быть свой гроссмейстер. С этой целью решили упростить путь к гроссмейстерскому званию. Поначалу это решение сыграло свою положительную роль. И действительно, во многих странах Европы, Америки и Азии, где шахматы еще не были популярны, появились свои первые гроссмейстеры, и на нашей планете начался настоящий шахматный бум. Я уже писал — за организацию международных турниров взялись не только национальные шахматные федерации, но и даже коммерческие фирмы. Новые гроссмейстеры появлялись на свет божий уже десятками. Сейчас «больших шахматных мастеров» в мире насчитывается около ста. Однако, сделав один верный шаг в деле популяризации шахмат, ФИДЕ пока еще не сделала второй необходимый шаг.

Заботясь о количественном росте «больших мастеров», она не проявила такой же заботы об их качественном росте. И произошла как бы «девальвация» звания гроссмейстера. Ведь не случайно сейчас можно услышать, что будто бы нынешние гроссмейстеры играют слабее гроссмейстеров прошлых лет. Утверждать так — значит вообще не признавать прогресс шахмат.

Другое дело, что сегодня большой отряд гроссмейстеров довольно разнокалиберен. Все орудия — орудия, но у каждого свой калибр. Одни гроссмейстеры активно борются за шахматную корону, другие довольствуются обычным для них местом в середине таблицы, третьи

вообще «почивают» на гроссмейстерских лаврах и не помышляют о борьбе.

Сегодня «калибр» гроссмейстера косвенно определяется коэффициентом Эло. Но пока только косвенно. А почему бы не соединить высокое звание и этот коэффициент? И провести «размежевание» среди гроссмейстеров, разделив их на разряды, классы или какие-либо еще более оригинальные подразделения. Вот, скажем, так — гроссмейстер экстра-класса — это тот, кто стабильно имеет рейтинг свыше 2600. Первого класса — от 2550 до 2600, второго — от 2500 до 2550, международный мастер — от 2400 до 2500 и т. п.

Наверное, тогда и коэффициент станет стимулом, и звание будет свидетельствовать об определенном уровне игры шахматиста. Конечно, звание «гроссмейстер» очень почетно, и оно должно присваиваться пожизненно. Но для действующих шахматистов какая-то более детальная градация в званиях теперь весьма необходима. Естественно, этот вопрос не может решаться скоропалительно, его надо всесторонне обсудить, взвесив все «за» и «против». На это потребуется время. Так почему бы не начать это обсуждение уже сейчас?

Однако я, кажется, отвлекся. И потому приглашаю читателей снова вернуться в 1977 год. Год 60-летия Великого Октября, славной годовщине которого был посвящен большой международный турнир, проводимый в Ленинграде.

Состав турнира был представительным: наши «ветераны» — Смыслов, Таль, Тайманов, молодые — Кочиев, Ваганян, Белявский, Балашов, Романишин, Г. Кузьмин, гости — Смейкал (Чехословакия), Фогт (ГДР), Кнежевич (Югославия), Радулов (Болгария), Мариотти (Италия), Гарсия (Куба), Георгиу (Румыния).

Для меня турнир начался неудачно — с поражения Тайманову. В пятой партии просрочил время, и мне зачли поражение от Беляевского — впервые в моей прак-

тике! Еще я сделал десять ничьих и только в пяти партиях победил. Результат оказался весьма посредственным. В итоге — 4—5-е места, которые я разделил с Р. Ваганяном, а в турнире победили Таль и Романишин, третьим был Смыслов.

Утешением для меня были слова Таля и Смыслова, сказанные после турнира обо мне.

М. Таль: «Несмотря на все невзгоды, Карпов нашел в себе силы бороться до последнего тура, а на финише дал несколько просто отличных партий. Чемпион мира держит «порох сухим» и — я абсолютно уверен — уже в ближайшие месяцы порадует своих почитателей».

В. Смыслов: «Я вообще не считаю, что Карпов сыграл неудачно. Ведь существуют две стороны игры — спортивная и творческая. Так вот, в творческом отношении партии чемпиона мира были на достаточно высоком уровне, но спортивный результат этого не отразил. Борьба есть борьба».

После обидной неудачи на ленинградском турнире быстро восстановиться было бы, пожалуй, непросто. Но на помощь явилось неожиданно... английское телевидение. Оно весьма кстати организовало небольшое международное соревнование, так сказать, легкого, почти развлекательного жанра.

Восемь участников: А. Карпов (СССР), Х. Пфлегер (ФРГ), У. Хартстон (Англия), В. Хуг (Швейцария), Б. Ларсен (Дания), Э. Майлс (Англия), Л. Шмидт (ФРГ) и Я. Доннер (Голландия) разбили на две группы. Олимпийская система, по замыслу хозяев, должна была в финале обеспечить встречу между мной и Ларсеном — для этого нас и развели по разным половинам таблицы.

Компания Би-би-си готовила специальную программу (с августа по ноябрь), держала результаты наших встреч в строгом секрете, стараясь заинтриговать будущих телезрителей, до того времени, пока шахматы и шахматисты не появятся на экранах. Участникам вме-

нялось в обязанность подробное комментирование партий с откровенным рассказом о тех, пускай даже довольно отвлеченных, мыслях, которые приходили им в голову во время игры.

Это был первый такой международный опыт. Годом ранее английское телевидение проводило аналогичный турнир сильнейших британских мастеров. Тогда аплодисменты всех находящихся в телестудии сорвал Майкл Стин, так комментировавший свой поединок с Уильямом Хартстоном: «Моя позиция разваливается еще быстрее, чем английская экономика. К тому же в отличие от казначейства, которое имеет возможность печатать новые денежные знаки, я вынужден обходиться тем, что есть на доске...»

На сей раз от нас потребовали более глубоких комментариев — по крайней мере в шахматном смысле. Мы объясняли свои замыслы, как бы озвучивая их, после игры, а сами ходы повторялись перед телекамерой через день. Порой, впрочем, это приводило к курьезам... Так, в финал турнира вопреки прогнозам вместе со мной вышел не Ларсен, а совсем молодой английский гроссмейстер Энтони Майлс. С ним мы играли эту решающую встречу, а потом повторяли ее для телевидения. Точно так же, как и в своей турнирной партии, мы оба — теперь уже, понятно, умышленно — забрались в неимоверный цейтнот. И тут Майлс в спешке не туда отступил королем и «зевнул» мат в один ход. Что делать? Я все же решаю загнать своим ферзем одинокого неприятельского короля на ту же самую клетку, где он погиб в настоящей партии. Майлс в турнире не сдавался мне потому, что надеялся на падение моего флажка: это была уже третья наша финальная встреча после двух первых ничьих, и времени на обдумывание нам отводилось все меньше и меньше.

«Отдохнув» на телетурнире в Англии, я поехал в Тилбург (Голландия).

В этом небольшом городе страховая компания «Интерполис» организовала международный турнир. Ровность сильного гроссмейстерского состава и абсолютное отсутствие аутсайдеров предопределил исключительно высокий средний коэффициент Эло этого соревнования — 2582.

Для меня этот турнир был очень важен — ибо уже не за горами виделся матч, на котором я должен был защищать свое звание. А после относительной неудачи в Ленинграде я хотел проверить себя — готов ли к борьбе. И этот турнир оправдал мои надежды.

На старте я действовал несколько скованно, а потом разыгрался и вторую половину турнира провел весьма сильно. Главным моим соперником опять оказался англичанин Майлс. И я снова победил его, набрав в результате 8 очков из 11, опередив еще и Властимила Горта, и Любомира Кавалека, и Яна Тиммана, и Роберта Хюбнера.

После этого турнира, по планам моей подготовки к матчу с претендентом, наступало время, когда я должен был сделать перерыв и отказаться от участия в турнирах, углубиться в изучение своих возможных соперников. К этому времени их оставалось только двое — Спасский и Корчной.

Того и другого я знал хорошо, достаточно много играл с ними. Но человек есть человек. Он не стоит на месте. В его характере с течением времени появляется что-то новое, иногда даже меняется стиль игры. И я должен был подготовиться к таким возможным изменениям.

Но поздней осенью того же года я вынужден был прервать эти занятия, чтобы принять участие в заседании Центрального комитета ФИДЕ, на котором утверждался регламент предстоящего матча за звание чемпиона мира.

Еще в феврале 1976 года в амстердамской штабквартире ФИДЕ состоялось первое заседание специаль-

ного комитета по выработке регламента матча 1978 года. В отличие от Фишера я не бомбардировал комитет ультимативными телеграммами, а сам поехал в Амстердам, чтобы вместе со всеми членами комитета найти приемлемую и справедливую формулу проведения матча.

Суть предложения нашей советской делегации тогда состояла в том, чтобы ввести прежний лимит общего количества партий — 24 (в крайнем случае 30) и играть до шести побед кого-либо из соперников. Если ни один из них не выиграл бы шести партий, а лимит встреч уже исчерпался, то чемпионом был признан тот, кто к этому моменту ведет в счете. В случае равного числа побед на шахматном троне останется прежний чемпион.

Однако очень скоро стало ясно, что большинство — и в первую очередь президент ФИДЕ доктор Эйве — уже настроилось на «безлимитную волну». В качестве основного мотива выдвигалось соображение, согласно которому ведущий в счете во время матча получал возможность делать одну ничью за другой, как бы «отсиживаться» в ожидании, когда исчерпается известный лимит поединков. А для шахматного мира такой матч, дескать, перестает быть интересным. Но ведь в 1927 году шахматный мир уже был свидетелем безлимитного матча, когда Капабланка и Алехин в 34 партиях сделали 25 ничьих, и не оттого ли начиная с 1935 года, когда встретились Алехин и Эйве, матчи стали играться с непременным ограничением числа встреч?

Надо отдать должное Эйве — он предложил любопытный выход из тупика: лимита не устанавливать, но играть до шести (а не до десяти, как настаивал в свое время Фишер) побед. При счете 5:5, предлагал президент, звание чемпиона мира сохранится за его обладателем, но... Вот здесь-то и следовало важнейшее дополнение: «Претендент получает право в течение года сыграть с чемпионом новый матч».

В создавшемся почти безвыходном положении пред-

ложение это выглядело разумным компромиссом, и, желая покончить с разногласиями, мы, советские представители, согласились с ним. При этом я все же попросил записать свое особое мнение: «По-прежнему считаю, что наилучшим решением является ограничение общего количества партий, но присоединяюсь к большинству». Вот такое получилось тогда «единогласие».

Уже после рекомендации специального комитета в зарубежной прессе можно было встретить публикации, где утверждалось, будто бы принятая формула, по существу, не отличается от требований Фишера предоставить ему фору в два очка и что, мол, теперь я получил аналогичное преимущество. Авторы этих публикаций почему-то забывали о широком шаге, сделанном навстречу претенденту: ему ведь дали право на повторный матч, который, если он понадобится, будет играться с ограниченным числом партий.

Все с этим согласились, и все же не чувствовалось, что и это решение «окончательное и обжалованию не подлежит».

И вот теперь на заседании ФИДЕ надо было поставить последнюю точку. Перед началом заседания выяснилось, что явное большинство членов ЦК поддерживало идею безлимитного матча. При этом все понимали, что придется либо предоставить чемпиону мира преимущество в два очка (как и требовал того Р. Фишер), либо вовсе лишить его всяких традиционных преимуществ. Тут позиции сторон были непримиримы и споры могли затянуться. Ибо никаких лимитов времени на заседания не было установлено. И тогда я взял слово. (Приведу здесь свое выступление почти полностью.) Я сказал:

— Думаю, в свое время я доказал, что хочу играть и, несмотря ни на что, готов был идти навстречу разумным требованиям Фишера. Готов я продемонстрировать свое желание не стоять на месте в спорных вопросах и теперь. А спорных вопросов остается еще немало, и в предлагаемых здесь позициях есть несколько вариантов.

Должен сказать, что матч из ограниченного числа партий совсем не предопределит длинную серию ничьих. Однако многие так считают и теперь хотят видеть что-то новое. Хорошо, я готов играть безлимитный матч даже после того количества партий, какое я обычно играю в турнирах. Некоторые против ничьей «в запасе» у чемпиона мира — согласен и на это. Надеюсь, что и матч-реванш мне не понадобится. Но если так случится, что выиграет претендент, то пусть уж вместе с ним выигрывает и весь шахматный мир: пусть миллионы любителей шахмат получат новый толчок для популяризации нашей игры в виде интереснейшего матча-реванша. Я готов поддержать этот компромиссный вариант. Теперь слово за остальными делегатами.

После моего выступления споры продолжались, но уже не столь горячо. Эйве выступил с предложением предоставить чемпиону мира право на матч-реванш только в случае его поражения со счетом 5:6, но не получил поддержки.

Кто-то предложил не проводить жеребьевку, а сразу дать чемпиону мира право играть первую партию белыми. Я не настаивал на этом предложении, хотя начинать белыми всегда предпочтительнее. Но жеребьевка сама по себе любопытнейшая процедура во время открытия матча. Зачем же лишать зрителей такого удовольствия?

Были новые предложения по срокам проведения матча-реванша и по его регламенту. Но во всем победил здравый смысл — было решено проводить матч-реванш через год после окончания самого матча, а регламент должен оставаться таким же...

Споры иссякли, и решение было принято единогласно. Первый случай после пятилетнего «смутного» времени в шахматном мире.

Итак, было решено: матч за звание чемпиона мира играть до шести побед одного из участников без ограничения общего количества партий. В случае проигрыша

чемпион мира получает право на матч-реванш через год на тех же условиях.

Больше всего я был доволен этой последней строчкой. Право чемпиона на матч-реванш было восстановлено!

Напомню читателям, что этим правом обладали чемпионы мира всегда. Но вот в пятидесятых и в начале шестидесятых годов, когда в шахматном мире царствовал М. М. Ботвинник, кое у кого появились возражения против этого права чемпиона. Дело было в том, что Ботвинник не очень убедительно защитил свое звание чемпиона в первом матче с Бронштейном, сведя его вничью. Затем такая же история произошла и в следующем матче, со Смысловым, — опять ничья. Второй матч со Смысловым Ботвинник вообще проиграл, но вернул свое звание чемпиона мира в матче-реванше, затем проиграл матч Талю и снова через год вернул звание чемпиона...

И вот группа наших ведущих гроссмейстеров взбунтовалась. Зачем чемпиону дается это право на реванш? Проиграл, значит, проиграл, пусть спокойно царствует на троне его победитель. И Всесоюзная шахматная федерация поддержала гроссмейстеров. Она обратилась с такими предложениями в ФИДЕ, и ФИДЕ не возражала против изменений правил проведения матчей на первенство мира — ведь это было в то время «внутренним» делом советских шахматистов... Так чемпиона лишили его законного права.

После очередного матча шахматную корону Ботвинник передал Петросяну, потом, после второй попытки, она перешла к Спасскому. И тут появился Фишер... И в первом же матче Спасский «уступил» ему трон чемпиона мира. Вот тогда-то наша шахматная федерация спохватилась и пожалела, что чемпион потерял право на реванш! Но ничего поделать уже не могла...

Вернувшись довольный домой из Каракаса, я засел за анализы партий матча Спасский — Корчной. Поло-

жение прояснилось окончательно — Борис проиграл его — мне снова предстояла встреча с Корчным. Начало этого матча планировалось на середину 1978 года, и поэтому я решил для лучшей тренировки принять участие еще в одном «гроссмейстерском» турнире в югославском городе Бугойно.

Идея проведения этого супертурнира возникла, можно сказать, внезапно, и в ее реализацию немногие верили. Дело в том, что ведущие гроссмейстеры мира планируют свои выступления заранее, и у них все расписано чуть ли не на год вперед.

Но благодаря стараниям организаторов и рвению самих участников турнир все же состоялся. Долгое время в Соединенных Штатах находился Роберт Хюбнер, который после окончания университета совершенствовался там по любимой специальности, но и он не выдержал. Успешно закончив турнир в Вейк-ан-Зее и опередив там Корчного, Лайош Портиш также не пожелал остаться в стороне. Прервал отдых после финального претендентского матча Борис Спасский. Прямо из Рейкьявика прибыли в Бугойно игравшие там Бент Ларсен и Энтони Майлс. И лишь Властимил Горт, тоже выступавший в Исландии, заколебался и в последний момент прислал телеграмму, будто болен. Но и его уговорили выздороветь.

Под стать участникам был и главный арбитр турнира. Знаменитого аргентинского гроссмейстера Мигеля Найдорфа по авторитету, популярности и, если хотите, колоритности трудно сравнить с другими, обычно солидными и выдержанными, чинно восседающими на своих местах арбитрами.

Организаторы сделали все, что было в их силах, и буквально ловили каждое слово гостей, спеша выполнить любое их желание. Только вот на сцене самого большого городского зала оказалось тесновато шестнадцати участникам, а также судьям и демонстраторам. Для зрителей и вовсе не хватало мест, ибо интерес к тур-

ниру был столь велик, что любители шахмат полностью забили все гостиницы Бугойно и его окрестностей...

Начал я турнир победой над Ларсеном, с которым до тех пор все партии закончил вничью. После трех туров имел $2^1/_2$ очка. Потом последовал, как выражаются конькобежцы, «сбой»: была пропущена встреча с заболевшим Балашовым и проиграна партия Тимману. Голландский гроссмейстер играл хорошо, я же испытывал недомогание, и качество моей игры было незавидным. Наступила депрессия... Я не выиграл у Глигорича партию, в которой долгое время был близок к победе, и в конце концов получил худшую позицию. Потом последовали быстрые ничьи с Хюбнером, Талем, боевой мир со Спасским. Была, правда, в этом ряду ничья, о которой, пожалуй, следует сказать особо...

Юра Балашов не на шутку заболел, и вынужденные «прогулы» — регламент-то достаточно жесткий — поставили его на грань выбывания из турнира. Когда, казалось, болезнь была уже побеждена, температура вновь подскочила. В такой ситуации пытаться обыгрывать своего товарища мы с Михаилом Талем посчитали делом не спортивным и, предложив Балашову ничьи, тем самым помогли ему получить необходимую передышку.

Честно говоря, я не считал себя обязанным на турнире в Бугойно взять непременно первое место, но близился финиш, а мне предстояли встречи как раз с теми, с кем я обычно играю удачно. Первым в этом ряду стоял Любомир Любоевич, у которого на югославской земле, правда, я еще не выигрывал. На сей раз мы оба играли на победу: я стремился войти в лидирующую группу, где уже находились Любоевич и Тимман, а впереди еще и Спасский.

Борьба с Любоевичем получилась живая после того, как вдруг выяснилось, что в спокойной на вид позиции черные теряют фигуру. Вслед за этой победой предстояла встреча черными с Вукичем...

Догонять ушедших вперед в столь ровном по соста-

ву турнире очень трудно. Ведь необходимо, что называется, по заказу выигрывать и белыми и черными. И если белыми это получается, то черными против соперников, не желающих идти вперед, но обладающих достаточным классом, чтобы стоять на месте, получить живую игру сложно. И вдвойне сложно, когда не можешь раскрывать весь свой арсенал, который требуется для последующего самого важного дела — для матча за мировое первенство.

Стремление во что бы то ни стало обыграть черными Милана Вукича, хитроумно построившего свою тактику, едва не закончилось для меня крупной неприятностью. В этой едва ли не самой кризисной партии турнира я на протяжении ходов двадцати находился в проигрышном положении. Какими-то единственными маневрами удерживался на краю пропасти, а когда югославский гроссмейстер предложил наконец подписать перемирие, на стороне черных было даже некоторое преимущество, носившее, правда, лишь символический характер...

А вот следующую партию, у Властимила Горта, мне удалось выиграть в весьма эффектном стиле.

Горт отлично начал турнир и по меньшей мере две трети дистанции претендовал на самое высокое место, записав на свой счет даже «хет-трик» — три победы подряд. А потом... Потом он сломался и на почти часовой телевизионной передаче (такие передачи посвящались турниру в Бугойно ежедневно) то ли в шутку, то ли всерьез «пожаловался» на Спасского, с которым он просто не может играть в одном соревновании. Мол, тот словно черная кошка для него: все время перебегает дорогу. Разумеется, Властимил тут же добавил, что лично против Бориса ничего не имеет и экс-чемпион мира ему даже симпатичен.

Да, на турнирах столь высокого ранга не так уж часто случаются «хет-трики». А между тем и Спасский одержал три победы подряд. К этому можно добавить, что и затем, после ничьей с Портишем, экс-чемпион вы-

играл еще и у своего всегдашнего оппонента — Ларсена.

После победы над Ларсеном у Спасского пошла серия ничьих, и темп его продвижения вперед замедлился. Это и позволило мне приблизиться к Спасскому, а уж когда я, сделав ничью с Бирном, сумел одолеть еще и Букича, то мы с ним сравнялись.

В последнем туре Спасский играл белыми с Майлсом, а я черными против Портиша. Венгерский гроссмейстер выступал в Бугойно для своего уровня весьма неудачно, он ни в какой момент не имел более пятидесяти процентов возможных очков. Стремясь хоть в последний момент улучшить свое турнирное положение, Портиш белыми играл со мною на выигрыш, что и меня устраивало, ибо, в свою очередь, позволяло рассчитывать на победу в полнокровной борьбе. Я-то ведь считал, что Спасский имеет реальные шансы на успех против Майлса. Иначе меня, может быть, устроила бы и ничья...

Спасский не получил перевеса и, как признался позже, готов был уже согласиться на мировую, но вовремя увидел, что я уже имею преимущество, и, вернувшись за свой столик, принялся запутывать Майлса. Уже после того, как я выиграл у Портиша, Спасскому удалось-таки перехитрить своего соперника. И мы разделили с ним первое место...

Я уже говорил о том, что осложняло мою задачу на югославском супертурнире, но существовали и другие проблемы психологического порядка. 2 марта, когда соревнование в Бугойно было в самом разгаре, истекал срок подачи заявок обоих участников матча за мировое первенство с указанием мест, где они бы хотели играть этот матч, и мысли мои, вполне понятно, в те дни витали за пределами Югославии. Доктор Эйве, президент ФИДЕ, мог не торопиться, ознакомившись с двумя телеграммами, — по существующей договоренности, на вынесение окончательного решения он имел целых две недели. К тому же вслед за телеграммами участники матча

должны были отправить подтверждающие письма. Но когда 2 марта я пошел на почту, чтобы отправить такое письмо, там меня уже ждало известие: Международная шахматная федерация назвала филиппинский город Багио местом проведения будущего матча. Юридически М. Эйве был прав, ибо в заявке Корчного значились в порядке отдаваемого предпочтения Австрия, Филиппины, Голландия, а в телеграмме, отправленной по моей просьбе советской Шахматной федерацией, — ФРГ и Филиппины, и, таким образом, «совпадение желаний» произошло во втором пункте — на Филиппинах. Но почему Эйве не захотел ждать моего письма? Ведь если бы оно не было отправлено, президент ФИДЕ мог при случае попасть в чрезвычайно щекотливое положение...

Когда принималось это решение, я еще не знал, что на Филиппинах со мной не будет моего постоянного тренера и старшего друга, что всего через несколько дней мы проводим Семена Абрамовича Фурмана в его последний путь...

В память о тренере я хочу привести в этой книге отрывки из очерка о нем, написанного нашим общим другом А. Рошалем.

«Известный советский гроссмейстер, выдающийся шахматный теоретик, замечательный тренер — такие слова будут стоять рядом с его именем и датами жизни (1920—1978).

За этими словами годы успешных выступлений в соревнованиях самого различного ранга: от состязаний в рабочих коллективах, когда восемнадцатилетний ленинградский слесарь Семен Фурман по-настоящему увлекся шахматами, до чемпионатов страны и крупных международных турниров.

Стоило ему прикоснуться к фигурам, как вдохновение овладевало всем его существом, и он с упоением работал над шахматами. Трудно найти в дебютной теории островок, обойденный его вниманием. Что это был за работник! Целые области (испанскую партию, ферзе-

вый гамбит, защиту Нимцовича, защиту Грюнфельда — нет, всего не перечислишь) он возделывал годами, скрупулезно и капитально.

И что главное — он щедро делился плодами своего труда. Когда кто-нибудь из шахматных олимпийцев перед ответственным матчем начинал колебаться, Фурман извлекал из запасников своей необыкновенной памяти очередной заветный вариант и тихим, спокойным голосом произносил свое хрестоматийное: «Чудак, я же работал...» И любой участник тренируемой им сборной страны, шахматист с мировым именем готов был следовать его рецепту — то было как знак качества: «Фирма гарантирует».

Методичный и чуточку медлительный, был он, если можно так выразиться, абсолютно нестандартным. Зачастую просто нельзя было угадать его следующий шаг, ибо он никак не соответствовал внешнему стереотипу аккуратного и выдержанного человека, от которого надо ждать шаблонного решения...

...Семен Абрамович Фурман совершенно не терпел одиночества и сам, бывало, подшучивал над собой:

— Я как изолированная пешка — моя сила в середине игры, когда вокруг много фигур и мы все вместе идем в атаку. А в эндшпиле доска пустеет, и от слабой одинокой пешки стараются избавиться.

Но в его жизни не было эндшпиля, вокруг никогда не было пустоты. В шахматах, которые он считал главным делом своей жизни, жить теперь продолжают его ученики...»

Глава V

ПО ПОРУЧЕНИЮ КОМСОМОЛА...

С комсомолом связана вся моя сознательная жизнь. Я вступил в комсомол, когда учился в 8-м классе.

Первое собрание, первое поручение, первый комсомольский субботник, первая комсомольская награда... Комсомол не просто подтягивал, обязывал, требовал — комсомол учил жизни. Комсомол стоял и у начала моего пути в шахматы. Ведь организация и проведение всех детских и юношеских соревнований у нас в стране — одна из важнейших сторон деятельности комсомола. И вот прошли годы. Оглядываясь сейчас назад, думаю, что мне необыкновенно повезло в моей комсомольской биографии, и приятно сознавать, что в этом везении есть и доля моего собственного труда.

Я, например, являюсь президентом шахматного клуба школьников «Белая ладья». В ежегодных соревнованиях на приз советских шахматистов — чемпионов мира —

под девизом «Белая ладья» участвуют команды пионерских дружин — учащиеся третьих-седьмых классов, и охватывают они тысячи и тысячи школ всего Советского Союза. Газета «Комсомольская правда» проводит еще один интереснейший турнир — Дворцов пионеров. За каждую команду в финале выступают не только шесть школьников и одна школьница, но и «знаменитый капитан» — гроссмейстер, в прошлом воспитанник Дворца пионеров. Гроссмейстеры дают сеансы одновременной игры с часами для всех команд (кроме, разумеется, своей). Очки, отобранные ребятами у «чужих» капитанов, складываются с очками, которые вносит в копилку команды ее капитан. Шахматисты редко помнят свои детские партии. Но встречи с выдающимися гроссмейстерами каждый из юных шахматистов, бесспорно, запомнит на всю жизнь. Сеанс с часами против большого мастера — это урок, который можно потом передать всем своим юным землякам, когда вернешься в родной город...

В 1972 году я с радостью откликнулся на предложение ЦК ВЛКСМ возглавить в качестве капитана команду Челябинского Дворца пионеров на первом таком турнире. Мы, капитаны, тогда не только играли с ребятами в шахматы, но вместе с ними готовились к очередным матчам.

Дважды я был делегатом комсомольских съездов, дважды избирался членом ЦК ВЛКСМ, являюсь им и сейчас. Комсомол удостоил меня высоких наград.

Доверие тридцатисемимиллионной армии передовой советской молодежи надо оправдывать. А как? Свою жизнь и деятельность в шахматах я всегда расценивал как комсомольское поручение. И пропаганду шахмат в стране считаю своей главной обязанностью как члена ЦК.

Незабываемым событием в моей жизни стала встреча с Леонидом Ильичом Брежневым. Я побывал на этой встрече как член Центрального Комитета ВЛКСМ, ког-

да от имени советской молодежи мы вручали руководителю нашей партии и государства комсомольский билет № 1 и высшую награду комсомола — Золотой Почетный Знак ВЛКСМ. Состоявшийся тогда же разговор произвел на меня огромное впечатление. Как шахматиста меня поразило, что Леонид Ильич в курсе наших шахматных проблем и событий. В этом я вновь увидел проявление того глубокого внимания, которое придает Коммунистическая партия развитию в нашей стране физкультуры вообще и шахмат в частности.

Летом 1976 года по командировке ЦК ВЛКСМ я побывал во многих городах Сибири и Камчатки. За одиннадцать дней провел 13 сеансов одновременной игры, выступил с 20 лекциями, был гостем энергетиков и речников, механизаторов и овощеводов, хлеборобов и рыбаков, геологов и вулканологов, студентов и пионеров...

Интерес к спорту и к шахматам по мере удаления от центральных районов отнюдь не ослабевает, а скорее, наоборот, усиливается. Во время выступления в самых больших залах мне не доводилось видеть пустовавших мест. В Красноярске один сеанс одновременной игры пришлось проводить даже на стадионе, трибуны которого заполнили несколько тысяч зрителей.

Здорово там играют! Особенно трудно пришлось мне в сеансе с часами против красноярской сборной команды. Общий счет $6\frac{1}{2} : 1\frac{1}{2}$. И партию с чемпионом края В. Никитиным я проиграл, что называется, по всем правилам. Кстати, с моим упрямым победителем мне приходилось встречаться и раньше — во всероссийских республиканских соревнованиях. Помнится, уже тогда он был достаточно сильным кандидатом в мастера. Уверен: будь у сибиряков больше возможностей общаться с мастерами, и Никитин, и кое-кто из его товарищей уже давно бы добились повышения в спортивном звании. В Красноярске меня просили походатайствовать перед Шахматной федерацией РСФСР о проведении в Сибири турниров с мастерской нормой. Уж очень хо-

чется местным шахматистам проверить себя во встречах с приезжими соперниками!

Мне довелось играть и в Дивногорске, городе энергетиков, название которого полностью соответствует делам его жителей. Среди участников того сеанса я заметил уже знакомые лица — двое самолюбивых кандидатов в мастера, потерпевших поражение накануне, в Красноярске, последовали за мной в Дивногорск. И оба взяли реванш! (Кстати, одним из них был Лев Псахис, ныне гроссмейстер, двукратный чемпион СССР.)

Из Дивногорска мы перелетели в Якутск. В Якутске я тоже давал сеансы. Не огорчило, а даже обрадовало поражение от четырнадцатилетнего Сергея Николаева. Обыграл меня и опытный — ему 53 года — якутский кандидат в мастера А. Данилов. Нет, никак не хуже здесь играют, чем в Европе.

И кстати, погода во время моего пребывания там — июнь — была просто жаркая: температура выше тридцати градусов. И белые ночи над Леной-рекой не менее красивы, чем над Невой. Быстро мчится «Ракета» по великой сибирской реке, но основной вид транспорта при тамошних расстояниях все же самолет. При помощи самолета удалось добраться до городка Майя, потом побывать в совхозе имени Ленина, где Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Екатерина Иннокентьевна Новгородова увлекательно рассказывала нам о трудной работе якутских овощеводов: кругом вечная мерзлота (в этой мерзлоте недавно даже обнаружили мамонта, ставшего ценнейшим экспонатом музея), а у них огурцы и помидоры вызревают.

В городе Мирном после встречи с партийным и комсомольским активом побывали в карьере трубки «Мир». Рабочие познакомили нас с процессом обогащения руды и сами задали много вопросов, а затем с энтузиазмом приняли участие — в качестве болельщиков моих непосредственных соперников — в сеансе одновременной

игры. Вечером того же дня мы вернулись в Якутск и через час вылетели на Камчатку.

Четыре незабываемых дня провел я «на самом краешке земли». Мой спортивный путь уже позволил мне многое увидеть, немало интересного наверняка будет еще, но Камчатка останется в сердце навсегда. Мне даже показалось, что мы подружились с величественной природой этого края — недаром же крупнейший гейзер, имеющий интервал между двумя извержениями, равный пяти часам, зафонтанировал через 15 минут после посадки возле него нашего вертолета. Я, разумеется, шучу, ибо все это было довольно ловко «организовано» сотрудниками Института вулканологии. Они же «подарили» нам жемчужину Камчатки — удивительной красоты кальдер вулкана Узон. В кратере уснувшего вулкана — озеро с горячим серным источником и купание!..

Я уже много давал сеансов и в нашей стране, и за рубежом, но с боевитой напористостью камчадалов мне совладать было очень нелегко. Сто партий сыграл я в сеансах одновременной игры на Камчатке и убедился, что шахматы там пользуются большой популярностью. Отделение шахмат в детско-юношеской спортивной школе, пионерский клуб, серьезная пропагандистская работа, которую ведут печать, радио и телевидение, — хороший залог будущих успехов камчатских шахматистов. Но Камчатке нужен современный шахматный клуб — центр всей работы с любителями шахмат. В беседах со мной многие руководители твердо обещали помочь в решении этого вопроса — так же как до того в Красноярске, Якутске, Мирном...

И тут самое время поговорить о назревшей проблеме — о шахматных клубах. Если б я даже не хотел не заметить, ничего бы из этого не вышло, поскольку везде не менее трети записок ко мне содержали один и тот же вопрос: когда в нашем городе с такими богатыми культурными традициями, такой мощной производствен-

но-технической базой наконец-то откроется шахматный клуб?

И в самом деле, когда?

Можем ли мы представить современный город без стадиона? Да это немыслимо! А без плавательного бассейна? Это уже легче представить, но не хотелось бы: все понимают, что без бассейна нехорошо. Мало того, если сегодня в большом городе нет катка с искусственным льдом, жители считают себя всерьез обделенными и у его хозяев возникают понятные строительные устремления. А много ли есть руководителей горисполкомов, которых бы заботило отсутствие шахматного клуба?

Человек, далекий от шахмат и незнакомый с проблемой, может усмехнуться: ну разве от Карпова можно ожидать чего-нибудь другого, кроме заявления, что без шахматных клубов жизнь остановится. Жизнь — нет. А вот шахматная жизнь остановиться может. Причем пострадают от этого не только любители игры. Интеллектуальный и эмоциональный климат города понесет ущерб, нравственная атмосфера, безусловно, пострадает.

Что такое шахматный клуб, для чего он и каковы его возможности, расскажу на примере Орска. Еще недавно этот город не располагал таким клубом, но необходимость его была осознана, и стали думать, где и как его разместить. Прежде всего поняли, что он должен быть в центре, чтобы всем было удобно в него попасть. Ведь если построить его на окраине и каждая поездка туда окажется связанной с трудностями, кому он будет нужен, такой шахматный клуб? А в центре города он действительно может стать реальным культурным центром. Затем нашли место. Строить особое здание — это целая история, и потому решили переоборудовать помещение одного из магазинов. Разумеется, противники такого проекта нашлись прежде всего в системе торговли, тем не менее реализовать его удалось, причем, выяснилось, и торговля не пострадала.

Как же организована работа клуба?

Загружен он, как говорится, под завязку. Задумано было так: с утра в клубе занимаются дети, вечером — взрослые. Но наплыв детей оказался столь велик, что они уже отобрали у взрослых три вечера и продолжают наступление на их время. Сейчас постоянно посещают клуб 650 ребят и приблизительно столько же взрослых. Теперь детская секция клуба получила права детско-юношеской спортивной школы, значит, возможности для совершенствования юных шахматистов еще более расширились.

Итак, что конкретно потребовалось от организаторов? Найти помещение, тренерские кадры, купить столики, шахматные доски и часы. Все! Затраты, как видите, минимальные. КПД — огромен. Ведь организована масса в тысячу человек, а фактически — в три-четыре раза большая. Далеко не всякий стадион, бассейн, каток может сравниться с шахматным клубом по «производительности» и воздействию. Я вовсе не пытаюсь отрицать их необходимость, все эти сооружения важны в жизни города, их зрелищно-содержательные функции незаменимы. Но я хочу, чтоб в этом ряду и маленький шахматный клуб был оценен по достоинству.

Кстати, приведу еще один яркий пример с шахматным клубом, который недавно был построен и открыт в небольшом украинском селе Сербы Одесской области. На Одессщине тоже любят и уважают шахматы, и я не удивился, когда получил приглашение от председателя колхоза села Сербы Героя Социалистического Труда Белоконя Виктора Прокофьевича приехать к ним в село на открытие клуба в любое удобное для меня время.

Так уж случилось, что на Украину я попал очень скоро после получения этого приглашения и тут же известил председателя колхоза, что через две недели буду в Сербах. Как потом узнал, мой ответ застал председателя колхоза врасплох — строительство клуба еще не

было закончено, а все колхозники были заняты на уборке урожая. Но Виктор Прокофьевич не растерялся — он бросил клич молодым парням, и среди них нашлись энтузиасты-строители. Их сняли с уборки с согласия всех других ребят, которые стали работать за двоих, чтобы ни на день не замедлить темп полевых работ...

К моменту моего приезда в село и клуб был готов, и рапорт о завершении уборки хлеба послан в райком партии.

А клуб был просто чудо! Жаль, не спросил у председателя, кто составлял проект для его постройки, но это было уникальное здание, стилизованное под шахматную доску и фигуры. Даже печная труба на крыше была похожа на шахматную фигуру — ладью. А внутри дома — большой игровой зал, несколько маленьких комнат для тренировочных занятий. Уже были расставлены столы, разложены шахматные доски, приготовлены несколько пар шахматных часов. Спорткомитет республики удовлетворил просьбу колхоза и послал в Сербы специалиста-тренера. Виктор Прокофьевич Белоконь считает, что именно за шахматами ребята будут получать настоящий отдых в разгар полевых работ, когда физические нагрузки на каждого максимальны...

Я уверен, что такой клуб в таком селе будет жить!..

Шахматы — серьезный фактор в решении проблемы свободного времени. Тем более для молодежи. Шахматы — антитеза сборищам в парадных подъездах, выпивке, «лихим» гитарам, тупому сидению перед телевизором. В шахматном клубе юношу не только научат играть и думать, но и привьют ему корректность, умение вести себя в обществе, уважение к личности партнера. Это школа воспитания характера, воспитания человека. Любой некорректный поступок порицается шахматистами немедленно и нелицеприятно. И никто вас не осудит за колючую правду, сказанную в глаза.

Шахматный клуб — это и школа общения. Известно,

что культура общения претерпевает сегодня кризис. Очень часто утомленный за день человек стремится отгородиться от всего мира в стенах своей квартиры, ограничивает контакты с друзьми телефонным звонком, эмоционально-интеллектуальное развитие — телевизионным экраном. Тем самым личность обкрадывает себя, ограничивает свое развитие.

А клуб объединяет людей, способствует развитию коммуникабельности, предоставляет для общения любое количество каналов: сколько осилишь — все твои. Причем в самой благоприятной обстановке. Во время игры, игры любимой, люди, понятно, разговаривают не только о шахматах. Так и возникает Клуб с большой буквы, в широком понимании этого слова: место, где содержательно, с пользой и интересом проводят время люди, близкие по духу.

Я охотно путешествую по стране. (К большому сожалению, «окна» в моей программе бывают редко.) Но как повезет с «окном» — беру командировку от ЦК и еду. Выступления, сеансы одновременной игры обычно становятся толчком, способствующим развитию шахмат на местах. К шахматной игре привлекается интерес общественности, внимание административных органов. Например, во время моей поездки по Камчатке шахматного клуба там не было. Но «шахматное цунами», возникшее в связи с приездом чемпиона мира, заставило руководство области задуматься о корнях этого явления. И вот теперь клуб там есть.

Удивительно: в миллионном Свердловске до сей поры нет шахматного клуба, потребность же в нем огромная. Будем надеяться, что уже в ближайшее время он будет открыт. В соседнем Челябинске шахматный клуб существует с 1963 года. По стандартам той поры он был хорош, но сегодня не может вместить и десятой доли желающих участвовать в его жизни. То есть свою воспитательную, педагогическую задачу в нужном для го-

рода объеме он давно уже не выполняет. Выправить дело может новое помещение. Неужели его не найдут в этом крупном центре?

Я был поражен совершенно необыкновенным интересом к шахматам в Киргизии. Причем интерес этот подтверждается и возросшей активностью шахматной жизни в республике, прежде всего успехом на VII Спартакиаде народов СССР. Впервые команда Киргизии оказалась не в третьем финале, а пробилась во второй. Это качественный скачок. Появились интересные шахматисты. Проводятся соревнования: первый в наших Среднеазиатских республиках международный турнир с участием сильных гроссмейстеров, женский зональный турнир, еще раньше — полуфинал первенства страны, затем — первая лига чемпионата СССР... А клуба в Киргизии все нет. И я понимаю, что у председателя Шахматной федерации республики Акылбека Муратбекова уже опускаются руки: ну сколько можно доказывать очевидное!

Вовсе не утверждаю, что откроется шахматный клуб — и шахматная жизнь сразу придет в движение. Нет. Здесь все находится в неразрывной связи. Вначале должны появиться интерес, шахматисты. И вот сейчас, как мне кажется, в Киргизии интерес подошел к своему пику, промежуточному, не абсолютному, но совершенно ясно, что клуб там стал необходимостью. Только он может объединить пока что разрозненные во Фрунзе шахматные силы, организует их, что непременно повлечет за собой дальнейший рост и массовости и мастерства.

Очень надеюсь приехать в Киргизию еще раз. Неужели и тогда в каждой третьей записке будет звучать сакраментальный вопрос: «Не можете ли вы сказать, когда наконец у нас во Фрунзе откроется шахматный клуб?»

Но открыть клуб — это не все, что может сделать район, город, край, республика для развития шахмат.

Не могу не привести в пример Краснодарский край. Я считаю его самым «шахматным» краем нашей страны. Нет, он еще не дал миру чемпиона, но уже воспитал двух международных гроссмейстеров и много сильных мастеров. А главное, в этом крае в шахматы играют все или почти все. И «виноваты» в этом руководящие партийные, советские, профсоюзные, комсомольские органы. Первый секретарь краевого комитета Коммунистической партии Сергей Федорович Медунов, член ЦК КПСС — большой патриот и любитель этой игры, уделяет шахматам очень много внимания. Это по его инициативе еще в 1979 году было принято совместное постановление Краснодарского крайкома КПСС и исполкома краевого Совета народных депутатов «О мерах по дальнейшему развитию шахматного спорта на Кубани».

По прошествии двух лет корреспондент нашего журнала «64 — Шахматное обозрение» обратился к С. Ф. Медунову с рядом вопросов. Ответы на них настолько были интересны, что я приведу их в своей книге почти полностью. Думается, что я, как главный редактор журнала, имею на это право.

Беседу с С. Ф. Медуновым вел наш специальный корреспондент Александр Болотин.

«Я далеко не уверен, — сказал Сергей Федорович Медунов, — что цифры всегда абсолютно веский аргумент, но иногда, оперируя ими, можно создать довольно достоверную картину. Поэтому с них и начнем. Со дня принятия известного вам постановления бюро крайкома КПСС и исполкома краевого Совета народных депутатов число людей, занимающихся шахматами, у нас в крае возросло более чем в два с половиной раза. Сейчас кубанская «шахматная армия» насчитывает в своих рядах 225 тысяч человек. По-моему, для оценки развернувшейся работы показатель убедительный.

Кубанский шахматист повысил свою квалификацию. За период, о котором идет речь, в крае подготов-

лено 53 кандидата в мастера спорта СССР, 712 перворазрядников, свыше 40 тысяч спортсменов массовых разрядов. «Шахматную элиту» края представляют международные гроссмейстеры Елена Ахмыловская и Виталий Цешковский, и четыре мастера спорта.

Стал более многообразным наш шахматный календарь. Только в финальной части краевых соревнований в 1979—1981 годах приняли участие свыше четырех тысяч человек. Регулярно проводятся массовые турниры среди школьников, студентов высших и средних учебных заведений, учащихся школ профтехобразования, на предприятиях, в колхозах, в совхозах, в учреждениях.

В сентябре прошлого года представители Москвы, Ленинграда, других городов, союзных республик были приглашены в Новороссийск на всесоюзный шахматный фестиваль «Малая земля» в честь 38-й годовщины разгрома немецко-фашистских захватчиков на новороссийской земле. Это был второй шахматный форум подобного рода. К слову сказать, соревнования, посвященные знаменательным датам на призы героев труда и войны, пользуются у нас большой популярностью. Они имеют как всесоюзный, так и местный масштаб. В станице Динской традиционно проходит турнир на приз Героя Социалистического Труда И. Хижниченко. В совхозе «Кубанец» Тимашевского района разыгрывался приз Героя Социалистического Труда Н. Нагайцева. Аналогичные соревнования состоялись в Армавире, Кропоткине, Славянске-на-Кубани. Руководители нашего шахматного движения справедливо полагают, что такие турниры, помимо чисто спортивного азарта, воспитывают в молодежи лучшие человеческие качества — патриотизм, гражданственность, чувство гордости за свою Родину.

В последние два года Кубани повезло и в проведении крупных соревнований всесоюзного и республиканского значения. Большой интерес вызвали полуфинал первенства СССР среди мужчин в Краснодаре, финал

первенства РСФСР среди женщин, чемпионат Центрального совета ДСО «Труд» и «Турнир надежд» в Новороссийске, личные и командные соревнования российского совета ДСО «Буревестник», фестиваль «Россия» в Сочи. Одним словом, шахматная жизнь в крае насыщена, что называется, «бьет ключом», и нас такой факт не может не радовать.

Конечно, все сказанное выше — громкие названия турниров, красочные афиши — в какой-то степени «парадная сторона дела». Суть же нашей работы прежде всего сводится к еще более широкому вовлечению масс в ряды шахматистов, к превращению этой игры в один из самых содержательных и полезных видов досуга.

И об этом хотелось бы поговорить подробнее. Ведь именно у нас на Кубани впервые появились совершенно новые понятия — «Шахматный всеобуч», «Дошкольное шахматное воспитание». Нам удалось преодолеть отдельные скептические настроения, что, дескать, обучение шахматам в дошкольном возрасте бесперспективно, что, более того, оно может отрицательно повлиять на психику ребенка, помешать его общему развитию. Опираясь на рекомендации психологов и детской медицины, скажу, что такие утверждения не имеют под собой почвы. Шахматы — прежде всего игра, помогающая подготовить малыша к постижению общеобразовательных школьных дисциплин. Скажем, арифметики. Еще К. Маркс подметил, что «счет — это первый свободный теоретический акт рассудка ребенка...», а считать за шахматной доской приходится немало.

Известно и другое. Уже в четыре года делали первые шахматные ходы Х. Р. Капабланка и С. Решевский. В пять лет освоили черно-белую доску М. Эйве, П. Керес, Б. Спасский, Ю. Балашов и А. Карпов. Корифей советской шахматной школы М. М. Ботвинник начал играть в шахматы в 12 лет, и, по его же словам, это обстоятельство ему несколько мешало. Да что ходить далеко за примерами. Любимец Краснодара — воспи-

танник заочной шахматной школы, которой руководит экс-чемпион мира В. В. Смыслов, — Сережа Тивяков уже в шесть лет выполнил норматив второго разряда.

Сейчас Сережа учится во втором классе, он получил первый спортивный заряд и успешно прогрессирует в шахматном искусстве. Обойдемся на сей раз без традиционных в подобных случаях эпитетов «феномен», «вундеркинд» и тому подобных. Годы пройдут, жизнь покажет... Но мальчик действительно удивительно одарен. Во всяком случае, в семь лет так сильно не играл никто — ни Б. Спасский, ни Р. Фишер, ни А. Карпов. А педагогам остается внимательно следить, чтобы развивался он гармонично, получил хорошее общее воспитание.

Конечно, было бы абсурдно полагать, что мы преследуем цель воспитать из каждого малыша чемпиона или большого шахматиста. Задача иная. Приобщить человека, делающего первые шаги в жизни, к интеллектуальной, глубоко мыслительной игре — значит, помочь ему духовно окрепнуть, избежать впоследствии многих пагубных жизненных привычек, ускорить процесс его гражданского возмужания. Вот почему мы ввели шахматные занятия во многих дошкольных детских учреждениях.

Могу с уверенностью сказать, что какой-либо «принудительный элемент» здесь начисто отсутствует. Только веселая игра.

Ребята охотно выполняют упражнения по узнаванию фигур, знакомятся с демонстрационными досками. В школу они приходят в такой-то степени шахматно подготовленными.

Кубань сейчас, без преувеличения, — крупная детская шахматная держава. В Краснодаре открыта детско-юношеская специализированная шахматная школа, начали действовать шахматные отделения при ДЮСШ в Армавире, Туапсе, Сочи, Славянске-на-Кубани, Апшеронске, Курганинске, в Ленинградском, Красноармей-

ском и других районах. Впервые в Майкопе шахматы включены в программу обучения во всех общеобразовательных школах.

Недавно в Краснодаре начал действовать народный университет шахматной культуры.

Главная его цель — дальнейшая пропаганда шахмат, привлечение к игре людей самых различных возрастов и профессий. Уровень университетских занятий, надеюсь, будет высокий. Во всяком случае, в его работе согласились принять участие М. Ботвинник, М. Таль, Д. Бронштейн, Ю. Авербах, А. Суэтин, Э. Гуфельд и другие. Надеемся и на новую встречу с чемпионом мира Анатолием Карповым...

Я думаю, что нашему Краснодарскому краю повезло на хороших людей, беззаветно преданных шахматам энтузиастов. Перечислить всех не представляется возможным, но назвать некоторых хотелось бы. В Туапсе работает замечательный шахматный педагог-организатор Р. Г. Миссилина. Много уделяет внимания шахматам преподаватель русского языка и литературы школы № 6 Туапсе Розалия Григорьевна Курашова. Обеих женщин можно смело назвать подвижницами. На протяжении многих лет абсолютно безвозмездно они отдают свободное время шахматному образованию подрастающего поколения.

Поражают увлеченность энтузиастов, широкий диапазон их профессий и занятий. Среди них — крупнейший хозяйственный руководитель, начальник Краснодарского управления проектно-монтажных работ И. Яценко и свинарь колхоза «Путь Ленина» Кореновского района кандидат в мастера Н. Мельников, общественный ректор университета шахматной культуры, ученый, заведующий лабораторией М. Симонов и электросварщица завода «Спецэлеватормельмаш» в городе Кропоткине Е. Зимина, заведующий Домом политпросвещения из Новороссийска Г. Губанов и мастер цеха из Армавира С. Барсегов. Этот список можно было бы продолжить.

Возглавляет краевую шахматную федерацию партийный работник — заведующий сектором отдела пропаганды и агитации крайкома КПСС Геннадий Иванович Буланов. А его заместитель — директор Краснодарского шахматного клуба Георгий Сетракович Саркисов — человек, весьма почитаемый за безупречную шахматную эрудицию, как рассказывают, в буквальном смысле днюет и ночует на рабочем месте.

Недавно мне рассказали о таком интересном факте. В семье председателя колхоза «Красное знамя» Отрадинского района И. И. Зюбанова воспитывается ни много ни мало семь детей. Так вот, в шахматы играют все — отец, мать, две дочери и пять сыновей. Семейные шахматные дружины стали в крае популярны. Не случайно в Кропоткине регулярно проходит праздник советской семьи, в программу которого включаются шахматные баталии под девизом «Папа, мама и я».

В городе Славянске-на-Кубани недавно вступил в строй шахматный клуб «Белая ладья». Виталий Иванович Севастьянов и экс-чемпион мира гроссмейстер Тигран Вартанович Петросян побывали на празднике, посвященном его открытию. Все делалось на общественных началах. Горячий поклонник шахмат, начальник передвижной механизированной колонны № 282 управления Краснодарсельстрой Анатолий Мацкул, человек энергичный и инициативный, сам ездил в Москву, согласовывал, уточнял, утверждал... Стройку объявили народной. Не одну сотню часов потрудились над сооружением дворца славянские шахматисты. Зато сейчас здесь можно проводить соревнования самого высокого ранга. За последние два года шахматные клубы открыты также в станицах Динской, Ленинградской, Павловской, в городах Лабинск, Тимашевск, Гулькевичи.

Конечно, не все вопросы удалось решить уже сегодня. Имеются, к сожалению, проблемы, которые тормозят развитие шахматного движения в крае. Порой долго раскачивается местная промышленность, сдерживая,

например, производство шахматных столов. Далеко не полностью удовлетворяются заявки многочисленных предприятий и учреждений на приобретение турнирных шахмат и часов. Не секрет, что сейчас каждый уважающий себя шахматист старается следить за книжными новинками, а шахматной литературы по-прежнему не хватает. Вопросы укрепления материальной базы для занятий шахматами четко обозначены в совместном постановлении бюро крайкома партии и исполкома краевого Совета народных депутатов. И мы будем настойчиво добиваться их решения...

Высказывая свое личное отношение к великой древней игре, берусь утверждать, что шахматное искусство — это искусство мыслить ярко, нестандартно, красиво и романтично; это умение анализировать, проверять, возвращаться и самопроверяться, дабы через тернии сомнений прийти к единственно правильному решению. Человека, приверженного к шахматам, постоянно совершенствующегося в этой игре, можно отнести к высокой ступени духовного развития, идейной и гражданской зрелости. Не случайно наши крупные советские гроссмейстеры в подавляющем большинстве люди высокой культуры в общечеловеческом понимании этого слова. Поэтому считаю, что шахматы занимают почетное место в арсенале различных средств идеологической работы, помогая эффективно решать серьезные задачи по нравственному коммунистическому воспитанию трудящихся.

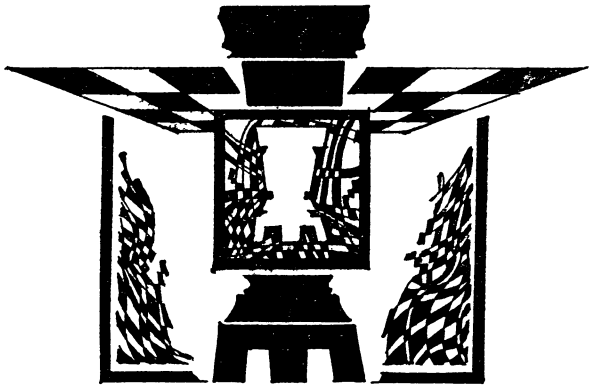
В минувшем году наш край неплохо потрудился во славу Родины. Несмотря на трудные погодные условия, в закрома засыпано более четырех миллионов тонн отборного кубанского хлеба. Успешно выполнили свои годовые плановые задания коллективы промышленных и строительных предприятий, транспортных организаций. Ударная работа тружеников Краснодарщины получила высокую оценку Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР

товарища Леонида Ильича Брежнева в его речи на ноябрьском (1981 г.) Пленуме ЦК КПСС. Думается, что достижению высоких производственных показателей в немалой степени способствовала и наша общая «спортивная политика», в частности один из ее разделов — развитие массовости шахматного движения.

Уделяя шахматам большое внимание, мы одновременно заботимся о развитии физической культуры, других видов спорта и убеждены, что делаем принципиально важное государственное и партийное дело. На это нас нацеливает надежный и точный ориентир — последнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта». Прививать любовь к шахматной игре — значит целенаправленно формировать здоровые интересы людей, последовательно воспитывать в них потребность физического и нравственного совершенствования. Такова высокая миссия шахмат — древней и в то же время вечно молодой игры».

Думаю, что какие-либо комментарии к этой беседе излишни...

Глава VI

ЭТО БЫЛО В БАГИО

Так уж сложилась моя шахматная судьба, что все три решающих матча в борьбе за шахматный трон чемпиона мира я провел с Корчным. Были эти матчи в чем-то похожи один на другой — противник-то один и тот же! Но во многом и различны, ибо ничто не вечно под луной — меняются люди, меняются обстоятельства, да и матчи проводились в разных странах, даже на разных континентах. Все это не могло не наложить на них свой отпечаток. Расскажу о них по порядку.

...Непосредственную подготовку к решающим матчам я начинаю обычно за полгода, когда завершаются финальные встречи претендентов и выясняется мой соперник. Поскольку им становился в обоих случаях один и тот же человек, то это в какой-то мере облегчало мою задачу, ибо уж кого-кого, а Корчного-то я изучил отлично — и его практическую силу, и его вздорный и

склочный характер. Однако это отнюдь не означало, что к матчу с ним можно готовиться с прохладцей. Я все так же углубленно работал над изучением его как турнирных, так и матчевых партий. Да и не только их, надо было обязательно познакомиться со всеми новыми идеями, которые появились за последние годы за шахматной доской. А это не так-то уж просто. Было время, когда Ботвинник утверждал, что ему достаточно одной недели, чтобы просмотреть все интересные партии, сыгранные шахматистами за год. Теперь положение изменилось. В настоящее время за год играется порядка 5—6 тысяч партий на уровне гроссмейстеров. Поставлена на широкую ногу шахматная информация. Чтобы изучить ее, нужно проделать колоссальную работу. Посчитайте, если шахматист решит просматривать все сыгранные партии, то ежедневная норма его составит не менее 15—20 в день! Да надо еще учесть, что в турнирное время некогда просматривать партии, а это время — примерно треть года, значит, «норма» увеличивается чуть ли не вдвое!

Такое не под силу одному. Поэтому теперь нередко шахматисты создают небольшие творческие союзы — по 2—3 человека, объединяясь на основе личной дружбы, симпатий. Такая коалиция более работоспособна. Друзья делят весь «сырой» шахматный материал между собой, находят в «сырье» изумрудные зерна новых идей и потом обмениваются ими. Производительность труда шахматиста возрастает.

Конечно, такое объединение жизненно и работоспособно только тогда, когда между шахматистами существует истинная дружба и абсолютное доверие. Ведь все шахматисты действующие, и всем нужны новые идеи для борьбы со своими соперниками...

Самым серьезным образом во время подготовки к матчу приходится учитывать и соображения общего порядка. Шахматная история знает немало случаев, когда повторные матчи, сыгранные между соперниками в те-

чение относительно короткого промежутка времени, складывались неудачно для предыдущего победителя. Вспоминались, к примеру, хотя бы такие «двойные матчи», как Алехин — Эйве, Ботвинник — Смыслов, Ботвинник — Таль, Петросян — Спасский, — все они протекали с переменным успехом для каждой из сторон. Объяснений тому существует множество, и они носят самый разнообразный характер. Одна из главных причин заключается, видимо, в укоренившейся традиции: к моменту начала сражения претендент, прошедший горнило отборочных соревнований, бывал, как правило, более наигран и натренирован, нежели чемпион. Именно это я учитывал прежде всего.

Бездеятельная созерцательность вообще не в моей натуре. Месяцы и даже годы в моих планах были буквально расписаны по дням, и хотя немало времени занимала общественная работа (это характерно для большинства известных советских спортсменов) и завершение образования в университете, я помнил, что должен оставаться, как и обещал, «играющим чемпионом». Турниры, тренировочные сборы, анализ, занятия теорией и вновь соревнования... Высокие спортивные результаты говорили за то, что в этом отношении я стою на правильном пути — и спортивная форма, и практическая форма находятся на надлежащем уровне.

Существует и другая причина, чисто психологического свойства: чемпиону мира (как всякому фавориту в любом виде спорта) всегда труднее отстаивать свой высокий и чрезвычайно престижный титул, чем претенденту посягать на это звание («Попытка — не пытка» — гласит народная поговорка). Значит, нужно обратить внимание и на психологическую подготовку.

Сейчас даже трудно перечислить весь тот широкий круг проблем, который решала программа моей предматчевой подготовки. Она простиралась от насущных вопросов общефизической и психической закалки до специальных разделов перестройки дебютного репертуара.

Планы, планы... Но время часто вносит в эти планы свои грозные поправки. И тут я должен обязательно поговорить о тренерах. К своему первому матчу с Корчным — к финальному матчу претендентов 1974 года, мы готовились вместе с Семеном Абрамовичем Фурманом. Мое содружество с ним являло собой идеальное сочетание. Серьезных и принципиальных творческих разногласий между нами не было и быть не могло. Хотя Семен Абрамович был достаточно честолюбивым человеком, но он, конечно же, не посягал на мою шахматную корону, а, наоборот, словно второй отец, преданно охранял ее от конкурентов.

Но за три месяца до начала матча в Багио такой близкий и дорогой мне человек, выдающийся тренер, с которым мы строили все планы, который определял, что называется, шахматную линию, скончался. Это была огромная, невосполнимая потеря и для меня, и для других моих помощников.

А помощниками моими после кончины Фурмана стали гроссмейстеры Юрий Балашов и Игорь Зайцев. При подготовке к матчу в Багио мне помогал еще и Михаил Таль.

Юра Балашов почти мой ровесник — он старше всего на два года. Родился в городе Шадринске Курганской области. Познакомились и подружились мы с ним давно, еще во время совместных выступлений за сборную юношескую команду РСФСР. Сейчас Балашов один из сильнейших наших гроссмейстеров, участник межзонального этапа розыгрыша мирового первенства. Он обладает обширными знаниями шахматной теории и феноменальной фактографической памятью.

Гроссмейстер Игорь Зайцев помогал в свое время Петросяну и Полугаевскому в их матчах против Корчного. И хотя те поединки его «подопечные» проиграли, но сам секундант проигравших неплохо изучил их соперника. Это для меня было очень важным, как важно и то, что я давно знаком с Игорем, отличным теорети-

ком, всегда переполненным новыми оригинальными идеями.

С экс-чемпионом мира Михаилом Талем нас связывает давняя взаимная симпатия. Я восхищался им, когда был еще совсем мальчишкой. А перед юношеским чемпионатом мира в Стокгольме я познакомился с ним лично. Таль тогда лежал в больнице, и я (по рекомендации общего знакомого) пришел к нему в палату с... шахматными часами, а доска с фигурами всегда была вместе с Талем.

Мы сыграли с ним тогда добрый десяток молниеносных партий. Результат поделили поровну. И Таль сказал мне на прощание, что я вполне готов к борьбе за чемпионское звание среди юношей.

А весной 1978 года он с охотой взялся меня консультировать перед матчем в Багио...

Не могу не сказать хоть несколько слов о тренерах моего противника. Поскольку Корчной не раз выступал с жалобами на то, что, мол, Карпову помогают более сильные шахматисты, чем ему, отмечу следующее: во-первых, если это так, то, по-видимому, в данной ситуации виноват сам жалобщик, ибо, выступай он от имени своей родной страны, всегда имел бы среди помощников сильнейших гроссмейстеров. А во-вторых, скажу, что тут Корчной вводит в заблуждение общественное мнение.

К финальному матчу 1974 года мне помогали готовиться Фурман и Геллер. Ему — Бронштейн и Спасский, и как признавался сам Корчной в своей книге, изданной уже за рубежом, помогал ему и целый ряд других столь же именитых шахматистов.

Хочу отметить, что Геллер, поскольку у него не сложились личные отношения с моим основным тренером Фурманом и он сам еще тогда не оставил честолюбивых помыслов в практической игре, не мог отдать мне всего того, чем сам располагал.

Перед матчем в Багио среди помощников Корчного

были английские гроссмейстеры Раймонд, Кин и Майкл Стин, авторы ряда интересных теоретических пособий, Кин к тому же, как я понимаю, обладает немалыми знаниями в области дебюта, постоянно может использоваться претендентом как «справочный» человек, дающий быструю и конкретную информацию. Были среди его помощников еще старательный аналитик Муррей, известный аргентинский гроссмейстер Оскар Панно, молодой новозеландский мастер Чандлер, старый английский мастер Голомбек...

Огромная, если не сказать — решающая роль в создании нормальной атмосферы на шахматном матче принадлежит руководителям спортивных делегаций. И о них надо рассказывать особо.

Руководителем нашей советской делегации и в Багио, а потом и в Мерано был Виктор Давыдович Батуринский — директор шахматного клуба СССР, юрист по образованию, довольно сильный шахматист. Хотя в обязанности Виктора Давыдовича не входило оказывать мне и моим тренерам помощь в аналитической работе, тем не менее он часто вместе с нами просиживал за доской многие часы, и как-то раз он даже нашел сильнейшее продолжение, которое мы с тренерами не увидели. Но главная задача, которую он выполнял с блеском, — отражать психологические атаки противоборствующей стороны, сражаться с противником за столом заседаний жюри. К сожалению, такие «сражения» и в Багио и в Мерано возникали достаточно часто, порой заслоняя собой на страницах газет творческие сражения за шахматной доской.

Делегацию Корчного возглавляла Петра Лееверик — молодящаяся, но уже отметившая свой пятидесятилетний юбилей дама, никакого отношения к шахматам не имеющая. Поначалу она была просто секретаршей Корчного, а к моменту матча в Багио «получила повышение» — стала руководителем делегации.

Секундант Корчного Раймонд Кин так рассказывал

о ней в своей книге: «Когда она познакомилась с Корчным в Голландии спустя несколько месяцев после его бегства, у нее был слабый интерес к шахматам. Но вскоре они нашли, что совпадение их взглядов на коммунистов является более чем достаточным обстоятельством, чтобы выковать союз между собой, и с тех пор она верный соратник Корчного».

Родилась она в Австрии, работала в ФРГ, шпионя там в пользу Америки, вышла замуж в Голландии, а теперь обосновалась в Швейцарии. Неудивительно, что вся деятельность подобного «руководителя» делегации сводилась не столько к созданию спокойных условий для проведения матча, сколько к разжиганию психологической войны между соперниками, которые, по идее, должны были сражаться только за шахматной доской.

Коротко остановлюсь на процедуре выбора места проведения матчей. Она довольно традиционна: сначала национальные шахматные федерации предлагают ФИДЕ свои услуги (гарантируя при этом определенные условия проведения соревнования), а затем участники поединка выбирают наиболее устраивающую их страну.

Не могу сказать, что выбор места матчей 1978 и 1981 годов был для меня благоприятен. Из четырех городов, претендовавших на матч в 1978 году — Грац (Австрия), Тилбург (Голландия), Багио (Филиппины) и Гамбург (ФРГ), — я настраивался на игру в Гамбурге, поскольку этот город имеет прямое воздушное сообщение с Ленинградом и, взяв тайм-аут, можно было бы провести день, а то и два дома. Кроме того, меня в Западной Германии хорошо знают, я часто играл там в турнирах, выступал с сеансами одновременной игры, встречался с любителями шахмат по телевидению, в ФРГ вышли мои книги: одна — избранных партий, другая, написанная в соавторстве с А. Рошалем, — биографическая.

И в телеграмме, посланной ФИДЕ, я написал: «Явное предпочтение — Гамбургу. Резервный город — Ба-

гио», рассчитывая, что Корчной этот далекий город наверняка не назовет и тогда Гамбургу будет отдано предпочтение.

Наверное, по тем же мотивам Корчной также назвал Багио в своей телеграмме, поставив его на второе место, а на первое поставил Грац и на третье Тилбург.

Вот и получилось, что, не желая играть в Багио, мы оба попались в ловушку, самими же построенную, и президент ФИДЕ Эйве, увидев «совпадение» мнений, поспешил заявить, что матч будет проводиться в Багио.

Хотя потом Корчной и пытался изменить выбор места, но действовал со свойственным ему коварством, желая поставить меня в неловкое положение перед филиппинцами, что и не позволило принять решение об изменении места проведения матча. Похожая история произошла и в 1981 году. Но о ней я расскажу позже.

Обычно делегации прибывают к месту проведения матча заранее, чтобы акклиматизироваться. Поскольку Багио находится далеко на востоке, нам пришлось вылететь туда за полмесяца до открытия матча, в Мерано же для акклиматизации потребовалась всего одна неделя.

Перед началом матча нельзя было упустить из виду ни одной «мелочи», такие, как освещение сцены, где будут встречаться соперники, оборудование мест для отдыха, размещение зрителей, инвентарь — какие часы будут стоять на столиках, какой комплект фигур приготовлен для игры, в каких креслах будут сидеть играющие и т. д. и т. п.

Надо сказать, что и в Багио, а потом и в Мерано организаторы матча постарались на совесть — отлично разместили (в разных отелях) участников матча и членов делегаций, прекрасно оборудовали помещения для игры, продумали вроде бы каждую мелочь. И тем не менее кое-какие проблемы все же возникали и в том и другом городе.

Начнем с шахматных часов. Организаторы матча в

Багио приготовили часы нескольких различных фирм на выбор. Я отдавал предпочтение часам марки «Гарде», изготовляемым в ГДР. Эти часы использовались уже чуть ли не на всех официальных турнирах и на претендентских матчах в течение многих лет. Никаких нареканий шахматистов они не вызывали.

Главный арбитр матча Л. Шмидт из ФРГ был сторонником шахматных часов западногерманской фирмы «Копман», хотя о них были не всегда добрые отзывы шахматистов, да и имелись они только в одном комплекте, тогда как часы «Гарде» имели еще и несколько запасных.

Побывав в «Конвеншн-центре», где должен был проходить наш матч, и осмотрев помещения, я указал на часы «Гарде». Вслед за мной этот центр посетила мадам Лееверик. И хотя играть предстояло не ей, она, узнав о моем выборе, тут же назвала часы «Копман». И никакие увещевания специалистов, никакие ссылки на авторитеты не помогли — мадам стояла на своем. Ей очень хотелось испортить мне настроение. Мне повезло тогда — жребий решил дело в пользу «Гарде»...

При осмотре шахматного столика оказалось, что его темные клетки сливаются с общим фоном окружающего доску пространства. Пришлось попросить провести на доске ограничительные линии.

Совершенно неожиданно возникла проблема шахматных фигур. В том, что гроссмейстеры привыкли играть в шахматы фигурами определенной формы и веса, нет ничего удивительного. Когда шахматист попадает в цейтнот, то переставляет фигуры по доске быстро и автоматически, иногда даже не глядя на доску, не провожая фигуру до конца, а как бы бросая ее. Вот в это время и важно чувствовать в руках привычные фигуры. Если они иной формы, рука «не узнает» нужной фигуры, а если они еще и легче, то при «броске» могут проскочить нужную клетку, упасть... Обычно расходящиеся чуть ли не «по всем статьям», тут оба соперника были

на удивление едины. Все предложенные комплекты фигур в Багио не устраивали ни меня, ни Корчного, они сильно отличались от привычной, так называемой «стаунтоновской» формы и веса. Выяснилось, что в Багио вообще таких шахмат нет, а есть они в Маниле у некоего любителя шахмат Мануэля Заморы. И вот известный филиппинский мотогонщик Карлос Бенитес (он член Шахматной федерации Филиппин) садится на свою машину и гонит ее на полной скорости в столицу, а потом обратно и привозит эти шахматы в «Конвеншн-центр» за пятнадцать минут до пуска часов!

Почти аналогичная ситуация произошла и в Мерано. Там тоже мы оба «забраковали» подготовленные для игры шахматные фигуры, но в данном случае дело оказалось сложнее. Инженер, создавший конструкцию шахмат, шахматной доски и столика, а также систему демонстрационных досок, объяснил, что вмонтировал в каждую фигуру специальное электронное устройство, с помощью которого передвигаемая по доске фигура передает соответствующий сигнал на демонстрационную доску и на ней мгновенно устанавливается нужная позиция. Таким образом отпадает надобность в демонстраторах.

Когда спросили инженера, сколько времени потребуется, чтобы вес его фигур привести в соответствие с привычным, последовал ответ — около месяца! Пришлось согласиться на игру непривычными по весу фигурами.

И тут естественно возникает вопрос, а почему бы ФИДЕ не заняться такими «мелочами» и заранее не оговорить в правилах и форму, и вес шахматных фигур, и цветовые характеристики полей доски, и характер освещения в игровом зале, и многое другое, чтобы впредь не возникали подобные проблемы?

Когда-то подсмеивались над Фишером, обращавшим внимание на такие «мелочи», но тот, кто проводит за шахматной доской не дни и недели, а целые месяцы,

знает — нет, это отнюдь не мелочи. Это необходимое внимание к рабочему месту шахматиста...

Так или иначе, но всему приходит конец, все недоделки доделываются, проблемы устраняются, и наступает день открытия матча.

Этот день обычно бывает очень торжественным. В Багио, в «Конвеншн-центр» прибыли президент Филиппинской республики Ф. Маркос и другие высокопоставленные лица этой страны, чрезвычайный и полномочный посол СССР В. В. Михайлов, президент ФИДЕ М. Эйве, председатель Шахматной федерации СССР летчик-космонавт СССР В. И. Севастьянов, президент федерации шахмат Филиппин Ф. Кампоманес.

Произносились приветственные речи, звучали гимны Филиппинской республики, Советского Союза, в честь претендента исполнялась одна из симфоний Бетховена. После торжественной церемонии был устроен большой праздничный прием...

А уже на следующий день мы поднялись на сцену, чтобы занять свои места за шахматным столиком. Главный арбитр матча гроссмейстер Лотар Шмидт включил часы, и шахматное сражение, оказавшееся самым продолжительным в истории шахмат, началось...

Но прежде чем рассказать о чисто шахматных наших сражениях, я должен остановиться на той психологической борьбе, которая велась на протяжении всего матча и началась претендентом задолго до его открытия.

Я уже писал, что в 1976 году Корчной после одного из зарубежных турниров, в котором он принимал участие, не вернулся на Родину и выступил с клеветническими заявлениями по адресу многих советских шахматистов и всей нашей страны.

Естественно, что никаких человеческих и приличных дипломатических отношений между нами быть не могло. Я старался строго придерживаться установленного для нашей встречи регламента и искусственно не создавать никаких конфликтов. Корчной же и его окружение,

наоборот, искали почву для конфликтов даже там, где ее и не было...

Вот несколько примеров.

На следующий день после нашего прилета в столицу Филиппин Манилу была устроена пресс-конференция, на которой я должен был отвечать на вопросы журналистов. Все шло как обычно, но на эту пресс-конференцию, видимо для разведки, заявилась Петра Лееверик. И тут же задала провокационный вопрос, как я лично отношусь к своему противнику. Я ответил коротко: «Считаю своего соперника очень сильным шахматистом, но неважного мнения о его человеческих качествах, и потому не хотел бы говорить на эту тему, так как приехал на Филиппины играть только в шахматы...»

После окончания моей пресс-конференции Лееверик собрала вокруг себя журналистов и с окорбленным видом заявила, что претендента, мол, дискриминировали, назначив пресс-конференцию чемпиона в столице Филиппин, а пресс-конференцию претендента переносят в Багио...

Однако тут же выяснилось, что это явная ложь — мадам Лееверик сама еще в мае, побывав в Маниле и в Багио, отказалась от предложения проводить пресс-конференцию в столице Филиппин под предлогом, что претендент не намерен здесь задерживаться, а выступит перед журналистами в Багио.

На следующий день в Маниле устроили пресс-конференцию для будто бы обиженного Корчного. Он постарался придать ей явно политическую окраску. Снова повторил свои измышления о том, что в 1974 году на него оказывали давление, но тут же вынужден был признать, что не может отнести свое поражение только за счет «неблагоприятной обстановки».

Претендент весьма саркастически говорил об «огромной» советской делегации, прибывшей в Багио, не гнушался прямыми оскорблениями по адресу ее членов, поучал ФИДЕ, требовал отмены права чемпиона на матч-

реванш и дал понять, что в случае его победы матч-реванш играть не будет.

Этим выпадам пришлось дать отпор, ибо еще в Каракасе было оговорено, что оба участника матча должны сообщить президенту ФИДЕ о своем согласии не только играть матч, но и подчиняться всем принятым пунктам регламента. А тут первое выступление и уже угроза не подчиняться регламенту!

Мелкие и крупные стычки продолжались и после того, как мы перебрались из Манилы в Багио.

Искусственно был обострен вопрос о флаге, под которым будет играть Корчной, не имевший гражданства. Его желание играть под флагом той страны, где он проживал, — то есть под швейцарским — было отвергнуто. Ему логично возразили, что совсем недавно он хотел играть под голландским флагом, затем пытался обосноваться в ФРГ, сейчас он считает себя жителем Швейцарии... А что он пожелает завтра? Шахматист, как всякий спортсмен, выступает под тем флагом, чью страну он представляет, чей паспорт и права гражданства он имеет. Несмотря ни на какую юридическую казуистику, ни швейцарского паспорта, ни прав гражданства этой страны к моменту начала матча у Корчного не оказалось.

После долгих споров было решено, что на сцене и на флагштоках перед входом в «Конвеншн-центр» будут подняты флаги СССР, Филиппинской республики и ФИДЕ.

Едва матч начался, как в апелляционное жюри поступил протест, подписанный Лееверик, которая высказывалась против того, чтобы во время игры мне подавали... стакан кефира, мотивируя свой протест тем, что этим кефиром возможна подсказка сильного хода путем изменения его цвета, времени подачи и т. д. и т. п.

У меня даже нет слов, чтобы прокомментировать поднятую лагерем претендента «бурю в стакане кефира», как метко окрестил случившееся советский жур-

налист в своем газетном сообщении. Впрочем, полагаю, что даже у самих членов «команды Корчного» протест этот вызвал насмешливую улыбку. Недаром гроссмейстер Майкл Стин назвал его «тестом на проверку чувства юмора у арбитров».

Жюри матча, естественно, развеселилось и отвергло глупый протест. А вот у главного арбитра почему-то чувство юмора тогда отказало. Он на полном серьезе заговорил о цвете напитка, попросил меня, чтобы еда эта передавалась в одно и то же время — в 19 часов 15 минут (примерная середина игры). Мне не хотелось спорить, и я согласился, но оставил за собой право, если пожелаю, попросить через арбитра принести мне пищу раньше. Корчной же пользовался своим термосом когда хотел. Мне и в голову не приходило протестовать по этому поводу...

Только улеглась «кефирная буря», как команда претендента подняла новую.

Администрация отеля, где я жил, устроила прекрасный вечер в мою честь. На этом вечере демонстрировали свои танцы люди племени ифугао. Вот окончен танец, мне набрасывают на плечи племенной наряд и просят повторить ритуальные движения. Я как-то смутился, но тут же вышел Батуринский и лихо отплясал что-то немыслимое, вызвав бурные аплодисменты собравшихся.

Никак не думал, что этот столь невинный случай даст повод корреспонденту филиппинской «Дейли экспресс» — некоему Вергилию Мануэлю — состряпать заметочку о том, что я оскорбил национальные чувства племени ифугао, раз не стал с ними танцевать.

Когда начали выяснять, откуда все это взялось, поняли, что упомянутый Мануэль связан с лагерем претендента. К сожалению, не один Мануэль занимался подобной клеветой, антисоветчиной и прямыми оскорблениями членов советской делегации, выпадами в мой адрес. Все они «подкармливались» Корчным, Лееверик и другими.

Затем объектом нападения команды противника послужил один из прибывших на матч наших врачей — психолог Владимир Петрович Зухарь, он не входил в официальный состав советской делегации, но всегда был рядом с нами.

Зная Корчного достаточно давно, я был уверен, что свою идею психологического воздействия на меня во время матчей он не оставит. Вот я и посчитал, что весьма желательно иметь рядом человека, который бы хорошо разбирался в вопросах психологии и мог дать мне полезный совет в той или иной ситуации. Мне пошли навстречу, и Владимир Петрович получил командировку в Багио. Доктор Зухарь обычно сидел в зале и внимательно следил за тем, что происходило на сцене. Корчного он почему-то раздражал. И последовал протест — будто бы доктор оказывает гипнотическое влияние на претендента и мешает ему играть... А параллельно оскорбления и обвинения посыпались и в мой адрес, меня обвиняли в том, что по моему наущению советская делегация создает невыносимые условия претенденту для игры.

Терпению моему пришел конец, и я тоже открыто выступил против Корчного и отказался подавать ему руку перед началом игры. А пресс-атташе Александра Рошаля попросил зачитать для аккредитованных на матче журналистов следующее заявление:

«Уважаемые коллеги! Чемпион мира Анатолий Карпов просил меня, как пресс-аташе советской делегации, довести до сведения представителей прессы следующее.

В течение ряда лет Корчной допускал оскорбительные высказывания в адрес Карпова, других гроссмейстеров и известных шахматных деятелей. Тем не менее, руководствуясь принципами спортивного джентльменства и идя навстречу любезным организаторам столь значительного соревнования, каким является матч за мировое первенство, чемпион мира готов был обмениваться

со своим противником рукопожатиями перед началом каждой очередной партии матча. И делал это даже после того, как Корчной на предматчевой пресс-конференции в Маниле вновь позволил себе оскорбления чемпиона мира и ряда членов его делегации.

Последние события показали, что претендент не отказывается от своей линии нагнетания напряженности обстановки. В таких условиях Карпов не желает подавать руку Корчному».

В ответ Корчной после проигрыша восьмой партии отказался подписать бланк, удостоверяющий его поражение. Поступок настолько нелепый, что через некоторое время это понял и сам проигравший. Подпись была поставлена.

В начале я уже говорил, что друзья старались не показывать мне газетных материалов, которые могли бы расстроить меня, подействовать на нервы. Но однажды по недосмотру товарищей (очень казнившихся потом) я прочитал удивительную по своей беспардонности реплику секунданта Корчного Кина: «Хорошо, что Карпов отказался от рукопожатия, — теперь Корчному не придется мыть руки после этой всегда неприятной для него процедуры». Не стану скрывать, эта рекордная бестактность, равной которой, пожалуй, не знает история взаимоотношений между шахматистами, вывела из себя и меня, и других членов советской делегации. В. Батуринский подметил, что гроссмейстер Кин в результате общения с такими людьми, как Лееверик, вероятно, окончательно утратил черты, традиционно приписываемые английским джентльменам. Видимо, и сам секундант претендента почувствовал, что хватил через край, и прислал извинение с сигарой для В. Батуринского. Намек этот означал, что он предлагает раскурить «трубку мира». Руководитель нашей делегации, заметив, что на сигару наклеен ярлык «Раймонд Д. Кин», заказал надпись на обертке для куска мыла — «Виктор Д. Батуринский» и отослал оба эти подарка секундан-

ту претендента. А на вопрос корреспондента агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл: «Что это должно означать?» — Виктор Давыдович ответил: «Пусть Кин сначала отмоет руки от своих грязных дел, а потом поговорим о мире». Столь твердая позиция легко объяснится, если рассказать читателю, что секундант Корчного долгое время активно поддерживал акции им же критикуемой и не уважаемой госпожи Лееверик.

Однако история с Зухарем на этом не закончилась. Во время девятой партии Лееверик обратилась к главному арбитру и потребовала, чтобы тот «пересадил» нашего психолога из партера. Посовещавшись с Лееверик, потом с Кампоманесом, Шмид, не сочтя при этом нужным предупредить руководителя советской делегации, направил к немолодому профессору В. Зухарю служителя, и тот начал его «пересаживать». Унизительная процедура эта закончилась тем, что доктор наук пересел в самый конец партера, откуда изгонять его уже не решались. Я вынужден был на следующий день обратиться в жюри с жалобой на действия главного арбитра...

Апелляционное жюри матча удовлетворило мой протест по поводу незаконных действий в отношении профессора В. Зухаря. Жюри постановило, что Л. Шмид, хотя, мол, и исходил из добрых побуждений, но неправильно трактовал свои полномочия, не мог судить о субъективном или умственном расстройстве (на которое жаловался претендент), а судить он может лишь об объективном или физическом расстройстве. Словом, в отношении доктора В. Зухаря никаких санкций применять нельзя... Могу добавить, что сам профессор махнул рукой и по личной инициативе несколько отсел назад, чтобы скандалисты хоть чуточку унялись. А между тем — и этого никто не скрывал, это доподлинно известно — психологи (или лжепсихологи) Корчного, число которых все возрастало, занимали уже самые привилегированные места в зрительном зале, но наша

делегация никаких претензий по этому поводу не выдвигала.

Вскоре после того, как была сыграна 11-я партия, над Филиппинами усилились тропические ливни. Началось наводнение. К нам в Багио можно было в эти дни добраться только по воздуху, так как сухопутные средства сообщения со столицей Филиппин на отдельных участках были под водой. К сожалению, водная стихия этим не удовлетворилась, она унесла и человеческие жизни. На острове, где расположен Багио (Центральный Лусон), жертвы наводнения насчитывались десятками.

Накануне шестнадцатой партии на Багио обрушился очередной тайфун с очередным ласковым женским именем «Мединг».

В день игры в пяти метрах от заднего входа в «Конвеншн-центр» произошел оползень (еще одно стихийное бедствие для разнообразия!) и был завален прилепившийся на склоне домик, в котором погибли муж и жена с маленьким ребенком. Вокруг страшные потоки воды, а в коттедже, где я отдыхаю, не работает водопровод, нет электричества. Как готовить еду? Против обыкновения решил днем перед игрой перекусить в ресторане отеля, но выяснилось, что из-за отсутствия электричества там не работает и лифт. С немалыми трудностями добрался до французского ресторана и узнал, что плохо с освещением и на месте проведения матча, да и вообще нет гарантии, что аварийный свет там долго продержится.

Однако из Манилы приехал Кампоманес. Этот деятельный человек, не желая выставлять организаторов матча в невыгодном свете, предпринял экстренные меры, чтобы не устраивать вынужденного тайм-аута в матче, — на американской военной базе он достал электрический генератор, и матч продолжался...

Перед семнадцатой партией на смену стихии пришла очередная буря Корчного. Опять поводом для вспыш-

ки послужил доктор В. Зухарь, Корчной снова потребовал отсадить его подальше, чтобы избежать «гипноза». Претендент, «заводя» себя все больше и больше, «выяснял отношения» с арбитрами, потрясал кулаками, угрожал всем, а больше всех, конечно, Зухарю. Поведение этого хулиганствующего гроссмейстера приняло совершенно недопустимые формы. «Даю вам 10 минут, чтобы вы пересели на другое место, после чего сам применю физическую силу!» — кричал он профессору. Потом я узнал намерение Владимира Петровича Зухаря: «Если бы этот хулиган ко мне подошел в тот момент, то пришлось бы применять необходимую долю самообороны» (а надо вам сказать, что Зухарь обладает достаточно сильной мускулатурой!).

Что касается меня, то, как только начался этот — не первый и не последний — скандал, я удалился в свою комнату сбоку от сцены. Зачем зря расходовать нервные клетки!

Более десяти минут длилась истерика претендента, пока наконец организаторы — после консультаций с членами жюри и с согласия нашей делегации — не обратились к присутствовавшим в зале зрителям с просьбой освободить первые шесть рядов партера. Таким образом, для всех — и для нашего врача-психолога, и для многочисленных психологов — помощников претендента, которые давно уже не маскировались под обычных зрителей и сидели в четвертом ряду, — были созданы равные условия. Впоследствии секундант претендента Майкл Стин «жаловался» корреспонденту лондонской «Таймс», своему соотечественнику Гарри Голомбеку на Корчного: «Все, что он делает, в конечном счете оборачивается против него самого. Он напоминает сильно подвыпившего человека, который собирается спрыгнуть с самолета, не имея ясного представления о том, находится ли у него за плечами парашют или обыкновенный рюкзак».

Секундант претендента, конечно же, имел в виду не

только цейтноты своего партнера. К тому моменту все отрицательные эмоции Корчного, определявшие его поступки, надо полагать, достигли апогея... И здесь волей-неволей придется возвратиться далеко назад. Еще в самом первом своем претендентском матче (Амстердам, 1968) Корчной на финише вел себя столь бестактно, что его соперник С. Решевский из США не желал продолжать игру с подобным партнером. Убедившись в действенности метода психологического давления, Корчной продолжил свою линию в следующем, полуфинальном матче того же цикла розыгрыша мирового первенства. Нанеся предварительно публичное оскорбление М. Талю в печати, он затем уже в ходе самого единоборства неоднократно обвинял уважаемого экс-чемпиона мира в использовании... гипнотического воздействия и требовал удалить его лечащего врача из зрительного зала. Печальную известность приобрели в шахматном мире скандалы Корчного в матче с Е. Геллером в 1971 году, во время претендентских матчей с бразильцем Э. Мекингом и Т. Петросяном в 1974 году и с Б. Спасским в 1977—1978 годах. О финальном претендентском матче Корчного против меня (Москва, 1974) было сказано и написано много. Все, что тогда исходило от побежденного, носило попытку бросить тень на победителя. При этом Корчной желал дезориентировать прежде всего зарубежных любителей шахмат, ибо в Советском Союзе его методы «психологического давления» были уже давно и хорошо известны.

Тем не менее те же методы, да еще приправленные изрядной дозой антисоветизма его подруги и «стряпчей» Петры Лееверик, претендент постарался использовать и в матче 1978 года. В конечном счете против него начала выступать и филиппинская печать: «Возможно, это прозвучит не совсем гостеприимно, но чем скорее проиграет Корчной, тем будет лучше...» Требования претендента и его протесты стоили ему многих сторонников. А он и его подруга все не унимались...

После семнадцатой партии эта дама сделала какой-то туманный намек относительно возросшего уровня радиации в зале для игры (что решительнейшим образом опровергли специально приглашавшиеся представители филиппинской комиссии по атомной энергии). В. Батуринский, отвечая на вопросы по этому поводу и еле сдерживая при том улыбку, заявил: «Честное слово, советская делегация прибыла на матч за мировое первенство, не имея при себе никакого атомного устройства». «Не считает ли мистер Корчной, — иронически вопрошала в связи с этим местная газета, — что организаторы матча задумали сами отправиться на тот свет и решили при этом прихватить претендента с собой, чтобы не остаться без развлечений в пути?»

Но и заявление о якобы повысившемся уровне радиации (только вокруг претендента, что ли?) оказалось далеко не последним в ряду провокационных поступков моего противника и его дамы, демонстративно отправившихся после очередного поражения в Манилу и оставивших вместо себя в Багио главного секунданта Раймонда Кина. Создалось впечатление, что тот до самого последнего момента даже не знал, объявлять ли ему о взятии тайм-аута от имени претендента. Честно говоря, я подозревал, что Корчной постарается не играть в присутствии советских туристов, большая группа которых прибыла к 17-й партии в Багио (кто-то даже передал его слова: «Я больше не доставлю им этого удовольствия»).

У нас же состоялась исключительно теплая встреча с соотечественниками из разных концов СССР, приехавшими на матч в Багио. Мы сфотографировались все вместе, и я поспешил в спортивный зал играть в теннис — надо было сохранять форму и бороться с предательским благодушием, ибо не верил я распространившимся слухам, будто Корчной вознамерился вовсе отказаться от продолжения матча. И дело не только в его достаточно боевом характере — была причина

и куда более прозаическая: потерпев поражение даже со счетом 1 : 6 (то есть проиграв еще две партии хотя бы и умышленно), он получал не менее двухсот тысяч долларов. Прервав же матч, рисковал призовыми деньгами. А рисковать деньгами он ох как не любил. И даже Лееверик, для которой шахматное соревнование на высшем уровне являлось лишь платформой для антисоветских выпадов, наверное, не смогла бы повлиять на меркантильную заинтересованность претендента.

Ловлю себя на мысли, что не только пресса тех дней, но вот и я сейчас многовато места отвожу некой Петре Лееверик, но ничего не поделаешь — она заслуживает плохих слов. Одни говорили эти слова прямо, другие обиняком. С этой целью кое-кто обратился к... Шекспиру и — правда, несколько вольно — пересказывал историю Антония и Клеопатры. Звучала она примерно так. Давным-давно римский полководец Антоний, отправившись в Египет, встретился там с царицей Клеопатрой и не пожелал больше возвращаться домой. Рим отправил за ним молодого Октавиана, дабы примерно наказать беглеца. В происшедшем затем сражении Антоний потерпел жестокое поражение еще и потому, что ему мешала связь с Клеопатрой. Намек был весьма прозрачным, и остряки немедленно нарекли Петру Лееверик... Клеопетрой, хотя ей до египетской красавицы далековато.

Но, как я уже сказал, не все выбирали выражения. «Эта 50-летняя австриячка голландского происхождения со швейцарским паспортом, нажившая изрядное состояние в результате двух выгодно заключенных браков и еще более выгодно оформленных разводов, скрывает душу террористки под внешностью светской дамы, — писал о ней репортер перуанской газеты «Эль коммерсио». — По нелепой случайности затесавшись в историю шахмат, г-жа Лееверик, которая с трудом расставляет надлежащим образом фигуры на доске, использует шах-

матный матч на первенство мира в качестве арены для самой разнузданной пропаганды вульгарного антикоммунизма с отчетливой примесью расизма. Назначив эту склочную и истеричную даму главой своей делегации, Корчной, видимо, стремится перекрыть рекорд древнеримского императора Калигулы, назначившего свою лошадь сенатором».

В данном случае понятие «сенатор», видимо, приравнивалось репортером к члену апелляционного жюри матча. И претендент это понял, тем более что его секунданты сходились во мнении относительно вреда, какой такая невропатическая женщина приносит их патрону. Короче, логическим завершением подспудно протекавшей борьбы внутри лагеря Корчного явилась записка претендента, согласно которой он поручал исполнять обязанности своего представителя в жюри английскому гроссмейстеру Р. Кину.

При всех резко отрицательных чертах главного секунданта претендента он все же является шахматистом, да к тому же довольно хитрым и изворотливым шахматным политиком. Свою деятельность в качестве члена апелляционного жюри матча Кин начал с отзыва парочки последних вздорных протестов своей предшественницы, находившейся тогда вместе с Корчным в Маниле. Затем начались переговоры о нормализации шахматной обстановки на матче.

Пока жюри (и в частности Батуринский и Кин) искало решение созданных претендентом и «руководительницей» его делегации проблем, стало неожиданно известно, что сам-то Корчной провел в Маниле пресс-конференцию, по своему содержанию противоречащую всем попыткам нормализовать обстановку на матче. На этой пресс-конференции были брошены очередные обвинения и членам жюри, и организаторам матча, и арбитрам (они, мол, подчиняются «диктату советской делегации»). Теперь Корчной ультимативно требовал (иначе он не вернется в Багио!) возведения чего-то вроде «ки-

тайской стены» из стекла (!) между залом и сценой. Вконец сбитые с толку секунданты Корчного, организаторы соревнования и деятели Международной шахматной федерации ломали голову над тем, что же делать дальше. Разумеется, никто всерьез и не думал над реализацией вздорной идеи о воздвижении стеклянного — так и хочется написать: железного — занавеса. (Член нейтрального жюри американец Э. Эдмондсон, верно, вспомнил, что требование Корчного об установлении поляроидного зеркала — зрители видят игроков, но игроки не видят зрителей — между сценой и зрительным залом не является оригинальным и чем-то из ряда вон выходящим, что еще в 1972 году во время подготовки к матчу Фишер — Спасский в Рейкьявике сами исландские организаторы выдвинули такую идею, однако Фишер ее отверг, заявив, что не намерен уподобляться «птице в клетке».)

Какую позицию заняли я и мои официальные представители в данной ситуации? Для нас было все предельно ясно: никаких правил ФИДЕ ни я, никто из моих товарищей не нарушали — следовательно, если к 12 часам дня 31 августа Корчной не объявит о своем очередном тайм-ауте, то в 17 часов будут просто пущены его шахматные часы. А если в этом случае Корчной не успеет вернуться из Манилы на игру в Багио, ему согласно правилам должны зачесть поражение.

Около полудня 31 августа Кин сообщил, что их сторона берет тайм-аут — третий и последний из возможных в первых 24 партиях матча. Одновременно, как стало известно, в Манилу отправилась делегация уговаривать Корчного. Надо полагать, им наконец-то удалось убедить партнера в невозможности оправдать поражение «нешахматными причинами», а заодно и напомнить ему, какой солидный материальный ущерб он понесет в случае скандального бегства с матчевой арены.

Вскоре Р. Кин принес заверения в том, что претендент отказывается от своего вздорного требования

о воздвижении стены между ним и зрителями и ко 2 сентября вернется в Багио для продолжения матча...

Читатель легко может догадаться, что я имел все возможности повернуть дело так, чтобы соревнование было окончательно прервано при счете 4 : 1 в мою пользу, и никто не смог бы оспаривать мою победу и право на звание чемпиона мира. Однако — и уже не раз об этом упоминалось — я приехал на Филиппины играть в шахматы, а потому не пожелал воспользоваться ситуацией, при которой были бы сыграны не все партии.

Добавлю ко всему этому, что не только я, но и жюри матча было возмущено провокационными заявлениями «руководителя» делегации претендента, действующей от имени Швейцарской шахматной федерации. И председатель жюри, сингапурский профессор Лим Кок Анн, пожаловался Швейцарской шахматной федерации на недопустимые действия и высказывания Петры Лееверик. Швейцарцы вынуждены были принести председателю жюри извинения за оскорбительные замечания Лееверик в его адрес и дезавуировали политические высказывания последней. На время эта дама вынуждена была отступить в тень и заняться неофициальной работой — вербовкой всякого рода «парапсихологов» для своего друга.

Первыми в орбиту ее внимания попали члены секты «Ананда Марга» — американцы Стивен Майкл Двайер и Виктория Шеппард, исповедующие индуизм.

В начале 1978 года эта парочка совершила террористический акт — покушение на первого секретаря посольства Индии на Филиппинах. Их осудили на 17 лет каждого, но выпустили под залог до рассмотрения просьбы о смягчении приговора.

На девятнадцатую партию эта пара по приглашению Лееверик заявилась в странном ярком одеянии, вызвав замешательство в дверях зала, куда их не хотели пропускать люди, отвечающие за охрану помещения.

Однако под яростным натиском Лееверик, кричавшей о правах человека в «свободном» мире, их все же в зал пропустили. На следующий день жюри специально обсуждало этот вопрос и хотело запретить вход террористам в зал. Тогда руководители делегации Корчного объявили, что Двайер и Шеппард включены в состав делегации претендента, ибо занимаются с ним гимнастикой по системе йогов. Так команда Корчного, и без того достаточно разнородная по своему национальному составу и по гражданству входящих в нее лиц, стала еще пестрее, «обогатившись» этими странными американцами из индийской секты «Ананда Марга».

Перед началом 24-й партии Кампоманес провел для аккредитованных корреспондентов специальную пресс-конференцию, посвященную вопросу «участия в матче за мировое шахматное первенство членов секты «Ананда Марга». К этому моменту о «подвигах» представителей фанатичной секты журналистам было известно уже много. На их счету, о чем довольно подробно было рассказано в специальном бюллетене, выпускавшемся на матче, — преступления, совершенные в Лондоне, Веллингтоне, Мельбурне, Стокгольме, Париже, Нью-Йорке, в ряде канадских городов. Организаторы матча, как я уже писал, потребовали от «группы Корчного», в состав которой официально входили С. Двайер и В. Шеппард, чтобы преступники не только покинули зал «Конвеншн-центра», но и не появлялись ни в каких резиденциях (и транспорте), имеющих непосредственное и официальное отношение к матчу. Позже было сообщено даже, будто пара эта покинула Багио, что не соответствовало действительности, и опять было зафиксировано их нахождение в «Пайнс-отеле», где проживали не только члены делегации претендента, но и — что особенно существенно в данной ситуации — члены апелляционного жюри матча и другие косвенно влияющие на судьбу матча лица.

Почему именно Кампоманес проявил такую актив-

ность? Кроме мотивов общественного характера — организаторы еще перед стартом гарантировали полную безопасность участникам матча и сопровождавшим их лицам, — могу предположить, что Кампоманесом руководили и вполне понятные личные мотивы. Его жене, удивительно приятной и приветливой Милгросс, незнакомые люди звонили по телефону (семья Кампоманеса постоянно проживает в Маниле) и угрожали расправой. Кстати, подобные угрозы раздавались и в адрес других лиц. Лим Кок Анн резонно вопрошал: «Откуда я могу знать, что эти психически неуравновешенные люди, принадлежащие к секте фанатиков-изуверов, известной своей склонностью к насилию и террору, не набросятся на меня, если им придется не по вкусу какое-либо из решений жюри?»

Ф. Кампоманес потребовал от Корчного соблюдения норм приличия и уважения к тем, кто создал ему на Филиппинах превосходные условия: «Мы не желаем, чтобы матч за мировое первенство любители связывали в своем сознании с теми, кто запятнан преступлением».

Своеобразным ответом претендента на это заявление явилось приглашение к себе в гости группы корреспондентов, которой он демонстрировал занятия по системе йогов под руководством религиозных террористов. А потом в газетах появился снимок: претендент стоит на голове и, извините, плюет таким образом на организаторов матча, его арбитров, на общественное мнение...

Психологическая война продолжалась. Но, кажется, я затянул рассказ о ней, и пора уже хотя бы коротко осветить ход самого матча.

Итак, 17 июля 1978 года очередной матч за звание чемпиона мира по шахматам начался. Первые две с лишним недели велась разведка — все семь партий закончились вничью. Но они не были «мирными». Во всех этих партиях, за исключением, может быть, первой, велась жестокая борьба за лидерство. Она уда-

лась мне. И в восьмой партии я добился победы. Но эта победа досталась мне нелегко.

Я играл белыми (как и все четные партии). Мы с тренерами подготовили новую идею в испанской партии. Работали над ней давно еще в Москве. И вот решили ее применить в восьмой партии. После моего десятого хода претендент задумывается на 40 минут... Я доволен. Но... Корчной в ответ делает совершенно неожиданный для меня ход. Мы его не изучали во время своих построений!

Теперь задумываюсь я. 10—15 минут потратил только на то, чтобы оправиться от психологического удара — заранее подготовить новинку и вот — сюрприз — первый же ответный ход ставит меня в тупик!

Потом я подумал: ну не предугадали мы дома этот ход, что же от того, позиция-то у меня все равно лучше. Есть жертва пешки. Перспективная жертва. Подумал еще и пожертвовал эту пешку. Соперник жертву принял. Тогда я стал его «давить», и дело кончилось чистым матом на доске!

Итак, я повел в счете. Но... недолго. Одиннадцатую партию я проиграл. Хотя поначалу имел неплохую позицию, но потом произошло что-то необъяснимое. Смотрю на доску: вроде бы и так можно пойти, и этак будет не хуже, могу провести такую или такую комбинацию, обрести некоторую инициативу. Да нет, думаю, что-то состояние сегодня какое-то неважное, вдруг просчитаюсь. И сделал ничего не значащий ход. Потом вдруг наступил какой-то провал. Пропускаю удар, еще удар, позиция становится тяжелой. И я проигрываю. Да, бывают дни, когда тебя охватывает апатия, и тогда все валится из рук.

После одиннадцатой партии я взял тайм-аут. Хотелось просто отдохнуть, отключиться, набраться новых сил, подготовиться к дальнейшей борьбе. Все это мне как нельзя лучше помогли сделать советские друзья — писатели прислали мне в подарок свои книги с теплы-

ми надписями, артисты — магнитофонные записи с любимыми песнями, космонавты В. Коваленок и А. Иванченков — приветствие с орбиты.

Очень интересно сложилась 13-я партия. В дебюте Корчной применил продолжение, которое встречалось в практике его секунданта О. Панно, и мой соперник добивается некоторой инициативы. В эти минуты он играет в своей обычной вызывающей манере, ходы делает энергично, быстро, порой почти не присаживается к столику, демонстрируя не только свою самоуверенность, но и всегдашнюю бестактность.

Шансы сторон, однако, постепенно начинают выравниваться. И тут я провожу какие-то удивительные по своей «глубине» (подчеркиваю: «глубине» в кавычках) маневры, перегруппировываю фигуры неудачнейшим образом. Вижу, что Корчной проводит неприятный план, но я уже не успеваю возвратить свои фигуры на их прежние позиции, чтобы помешать ему. Постепенно положение ухудшается... И я понимаю, что пассивное ожидание приведет меня к проигрышу. Стараясь использовать недостаток времени у соперника, я делаю активный ход, раскрывающий позицию моего короля на противоположном от главных событий фланге. Я имел в виду взамен получить определенную встречную игру, но у Корчного появилась возможность нанести удар первым. Он же, будучи в сильном цейтноте, нервничает и дает мне некоторую передышку. Соперник отдает ладью за коня, получает сильные пешки в центре и явно лучшие перспективы. Впрочем, как говорится, жить еще можно, ибо фигуры мои наконец-то получают возможность перегруппироваться...

...Пришла пора откладывать партию, арбитр положил передо мною конверт: пока мой соперник думает над своим секретным ходом, я должен на конверте написать расположение всех фигур. Выполнив несложную эту функцию, я оставляю противника одного на сцене и уезжаю в коттедж, где вместе с товарищами намере-

ваюсь приступить к анализу отложенной позиции. Позже выяснилось, что над своим записанным ходом мой соперник думал примерно 40 минут и оставил себе на 15 ходов до первого контроля при доигрывании всего минут 20.

Рассказывают, что претендент был при этом невероятно взвинчен, и когда наконец выбрал, какой ход записать, и положил свой бланк в конверт, то все никак не решался остановить часы и снова и снова вынимал бланк из конверта. Понять состояние Корчного можно: впервые за два игранных со мною матча перед ним замаячила реальная перспектива захватить лидерство.

Представьте себе, какая аналитическая работа предстояла нам в ночь с 17 на 18 августа и на утро следующего дня перед предстоящим доигрыванием! Противник между тем ведь знал свой записанный ход, и ему было легче раз в шесть (по числу возможных секретных ходов, которые мне еще только необходимо было попытаться угадать). Да и позиция моя сама по себе оставалась все же довольно неприятной. Обычно я прекращал анализ неоконченной партии часа в два ночи и отправлялся из коттеджа в отель, чтобы наутро, отдохнув, снова продолжить работу со своими помощниками. На сей раз ответственность была слишком велика, слишком велик был и перебор вариантов, а потому я остался на вилле почти до рассвета. Возвращаясь в отель, заметил, что горят буквально все окна на четвертом этаже, где разместилась основная часть советской спортивной делегации. Видно, очень волновались за исход этой партии мои друзья, и в номерах даже у тех из них, кто не является шахматным специалистом, была расставлена отложенная позиция.

Приговор же нашей чисто шахматной группы оставался неопределенным: форсированно я вроде бы нигде не проигрываю, но и ясного пути к равенству тоже не видно... Необходимо найти в себе силы продолжить ана-

лиз в трех-четырех направлениях, после чего предстоит тяжелейшее доигрывание. И вдруг около полудня 18 августа приходит удивительное известие. Корчной берет тайм-аут, и доигрывание неоконченной тринадцатой партии переносится, таким образом, на 20 августа (и произойдет уже после того, как состоится следующий, четырнадцатый поединок). Почему соперник принял такое решение? Ведь положение его — знающего свой, трудноугадываемый мною ход, — явно предпочтительнее. Так почему же он берет тайм-аут?

Быть может, потому, что, еще не приступая к доигрыванию, уже находился в цейтноте? У него ведь осталось мало времени после нерациональной его траты на запись секретного хода. Наверное, соперник не хочет рисковать при доигрывании в условиях недостатка времени, не проанализировав все абсолютно досконально? Однако он тем самым дает и мне дополнительное время для анализа!

Можно предположить и другое, что перерыв, взятый Корчным, преследует такую хитрую цель: играя следующую партию, Карпов, мол, не сможет не помнить о предыдущей — трудной, отложенной...

Ну а если он вдруг взял тайм-аут потому, что записал плохой ход и теперь не видит реальных возможностей для увеличения преимущества? А если вообще он грубо ошибся?.. Подобные мысли не только отвлекали меня, но и отняли немало аналитического времени. В конце концов мы все-таки кое-что нашли для контригры в тринадцатой...

Мне случилось узнать, что находка маневра, неожиданного для лагеря противника, приписывается Михаилу Талю. Секунданты Корчного именно присутствием в Багио экс-чемпиона мира все время пытались объяснить любые свои аналитические неудачи или мои успехи. Но остроумный прыжок слона в отложенной позиции был предложен... руководителем нашей делегации Батуринским уже после того, как Корчной взял тайм-аут.

Мельком глянув на доску, я опроверг этот ход и, быстренько обыграв советчика, приступил к анализу других продолжений и подготовке к 14-й партии. Но Батуринский был буквально влюблен в свою идею и ни за что не желал от нее отказываться. Вызвав к себе на помощь шахматного мастера, заслуженного тренера РСФСР Рошаля, своего соседа по отелю, он продолжал поиски аргументов в пользу своего хода слоном. Позже они убедили меня и гроссмейстеров-секундантов серьезно рассмотреть внесенное ранее предложение и как следует оформить его.

Однако прежде чем мы довели до кондиции варианты предполагаемого доигрывания (только предполагаемого, ибо надо было еще, чтобы совпал и записанный ход), состоялась четырнадцатая партия.

Уже в дебюте — опять открытый вариант испанской партии, — применив усиление, я получил солидный позиционный перевес. Но оставшиеся на доске разноцветные слоны создавали видимость того, что Корчному удастся построить «ничейную крепость». Забавно, что те филиппинские газеты, которые в связи с поздним временем вынуждены были прервать свои репортажи с матча где-то в конце третьего десятка сделанных нами ходов, на следующий день вышли с заголовками типа: «В четырнадцатой партии матча наиболее вероятна ничья». А ведь всего через один-два хода оценка позиции резко изменилась — намеченная мною издалека жертва ладьи за слона и пешку с идеей в дальнейшем прибрать к рукам еще пару неприятельских пешек кардинально изменила картину борьбы. Получив выигрышную позицию, я не стал форсировать события, а предпочел отложить и этот поединок.

Итак, в воскресенье 20 августа предстояло доигрывать сразу две неоконченные партии — тринадцатую и четырнадцатую, в первой из которых преимущество сохранялось за моим соперником, а во второй должен был победить я. Вот так и получилось, что психологическая

инициатива перешла теперь ко мне. Уже Корчному предстояло доигрывать тринадцатую с неприятным грузом, который несла в себе отложенная четырнадцатая. В отличном настроении отправился я на доигрывание.

Судя по всему, настроение претендента было неважным. «По привычке» он опять попытался затеять какую-то склоку: заявил арбитру, что тот неправильно ставит показания часов на моем циферблате перед доигрыванием тринадцатой партии.

После долгой перепалки наконец был «обнародован» 41-й ход белых, которыми играл в тринадцатой партии Корчной. Ход этот — один из наиболее естественных и сильных, и я не понимаю, почему так долго колебался перед его записью мой соперник, не понимаю, почему надо было ему брать тайм-аут, и тем более не понимаю, над чем работали претендент и его помощники все дни, предшествующие этому доигрыванию, если уже третий и четвертый мои ходы и весь план перегруппировки моих фигур оказались для них полной неожиданностью. Корчной растратил драгоценные минуты из имевшегося у него скромного (помните, всего 20 минут) запаса времени и угодил в страшный цейтнот.

Эту стадию партии мне удалось провести так, как должен это делать многоопытный и выдержанный практик, имеющий достаточно времени в цейтноте соперника. Кто играет в шахматы, знает, что, когда находишься в цейтноте, приходится делать ход как можно быстрее и хочется, чтобы и противник ответил быстро. А я медлил — минут десять просто так сидел. У меня еще минут сорок остается, у претендента же всего минуты полторы, наверное. Он весь в напряжении, у него нет времени, а он должен непрерывно считать варианты... Затем я минут пятнадцать посчитал, что и как, какие у меня есть возможности, потом решил: нужно просто подержать напряжение и не форсировать события.

Делаю ход (ну, конечно, я рассчитывал здесь целую серию ходов)... Корчной этот ход видел и молниеносно

отвечает. Делаю второй ход, он опять быстро отвечает. Третий — и он третий ход делает почти сразу. И тут я нападаю на пешку и в каком-то варианте создаю косвенную угрозу ферзю белых. Здесь-то и сказался характер Корчного, который очень не любит отдавать свой материал. И хотя на пешку-то я напал чисто фиктивно, брать ее по-настоящему пока еще не собирался, но Корчной, как принято говорить у шахматистов, «задергался»: потянул руку в одну сторону доски, потом в другую, схватил ферзя и защитил им свою пешку. Это был как раз контрольный 56-й ход (при доигрывании дается час на обдумывание каждых шестнадцати ходов плюс время, оставшееся от основной части партии — первых сорока ходов). Еще секунду назад партия должна была, вероятно, закончиться вничью, а теперь капкан захлопнулся: белый ферзь угодил в заготовленную для него ловушку. Дальнейшее напоминало игру в «кошки-мышки».

«Доигрывание двух отложенных партий имеет исключительное значение для всего хода борьбы и может стать кульминационным моментом матча», — выразил еще до этого общее мнение Ф. Кампоманес.

Через полчаса после этой победы началось доигрывание четырнадцатой партии. Я успел заметить, как в комнату отдыха моего противника ринулось сразу все его окружение, дабы успокоить потрясенного патрона. Позже стало известно, что претендент не хотел даже доигрывать четырнадцатую партию и сесть снова за доску его уговорил лишь гроссмейстер О. Панно, мол, сами видите, всякое бывает в шахматах. Но «всякого» на сей раз не случилось — мне удалось выиграть не только быстро, но и красиво.

Счет стал 3 : 1 в мою пользу.

Кто знает, может быть, силы самой природы были «за меня»: в ночь после выигрыша произошло землетрясение (около пяти баллов по шкале Рихтера). Как вы помните, тайфун и наводнение уже были. Пять бал-

лов — это довольно серьезно. Рассказывали, что даже тяжелая кровать в номере Корчного сдвинулась со своего места...

В 17-й партии была разыграна защита Нимцовича. Десять партий назад уже случился тот же вариант, теперь я решил несколько видоизменить жертву пешки с целью перехвата инициативы черными. Поначалу, казалось, добиваюсь желаемого, но неточность почти лишила меня контригры за пожертвованный материал, и пришлось перейти к защите. И вновь в сильном цейтноте сказался характер моего соперника, который, следуя многолетней привычке, увлекся уничтожением неприятельских пешек. Создалась редкая ситуация, когда немногочисленная армия черных — король, ладья и два коня без единого пехотинца — стала вдруг очень подвижной и отлично координированной. Под лозунгом «Все вперед, главное — время!» мой маленький отряд пошел на позицию белой рокировки. Руководил этой операцией лично его величество черный король...

Да, мат получился выдающийся — эффектный, как в этюде. Есть такая этюдная тема, открытая нашими грузинскими шахматными композиторами и, в частности, международным мастером (теперь он уже гроссмейстер) Г. Надареишвили. Называется тема «Мхедрули», что в переводе с грузинского означает «танец на конях». Так вот кони мои заматовали неприятельского короля в эндшпиле — такого в матчах на первенство мира еще не случалось! Претендент, расписавшись на бланке, подошел к демонстрационной доске и несколько минут смотрел на нее, словно стараясь осмыслить, что же, собственно, произошло.

Потом кое-кто говорил, что Корчной в самом конце имел ничью и для достижения ее ему не хватило, может быть, как раз тех минут, которые он потерял на споры перед началом партии уже после пуска его часов. Могу согласиться с тем, что претенденту вряд ли полезно было взвинчивать самому себе нервы. Но в отношении

цейтнота дело обстоит совсем не так. Шахматисту, который страдает этой страшной профессиональной болезнью, зачастую все равно — отпустите вы ему на партию два, два с половиной или три часа — он при любых условиях непременно угодит в цейтнот. Проверено это на тысячах случаев, и неизвестно только безнадежным дилетантам или тем, кто рассчитывает обмануть широкую, незнакомую с шахматными тонкостями публику.

Итак, счет в матче стал 4 : 1.

И снова спортивный парадокс — я чувствую себя прекрасно, нахожусь в хорошей спортивной форме, на подъеме. Но... упускаю победу в 18-й партии и проигрываю 21-ю! Об этой злосчастной 21-й не могу не рассказать.

Еще в 1974 году накануне тогдашних претендентских матчей Корчной громогласно заявил, что в области разыгрывания дебютов он превосходит всех ведущих современных шахматистов. Саморекламное заявление это не нашло подтверждения ни в нашем матче 1974 года, ни в матче 1978 года. Из пятидесяти шести проведенных в двух матчах поединков настоящего успеха Корчной добился в дебюте лишь двух встреч — в 21-й партии нашего первого матча и, по странному совпадению, тоже в 21-й партии матча в Багио. Разыграв на сей раз черными один из спокойных вариантов ферзевого гамбита, я — пусть уж секунданты не обижаются, с их одобрения — решил испытать острое, но, видимо, слишком азартное продолжение. Обычно я не даю уговорить себя на столь рискованные эксперименты, но, вероятно, счет 4 : 1 и явное игровое преимущество в последних партиях притупили нашу общую бдительность. Соперник отказался от принятия жертвы фигуры (а именно с этой жертвой и был связан наш расчет) и, надо отдать ему должное, хорошо разобрался в особенностях возникшей позиции. Потом пришлось мне расстаться с пешкой, и партия была отложена в очень трудном положении. Мне

довелось познакомиться с мнением секундантов Корчного, считающих, что будто бы при доигрывании можно было спастись. Я согласен лишь в том, что можно было продлить сопротивление — не больше. Не зря, видно, во время доигрывания разговорчивый сингапурский профессор Лим Кок Анн пообещал во всеуслышание: «Если Карпов сделает ничью в этом положении, я подам заявление о вступлении в коммунистическую партию». Нейтральные члены жюри не успевали переходить от одной делегации к другой. Так, когда 21-я партия закончилась, американец Эд Эдмондсон, поздравив претендента, отошел от его группы и счел необходимым сказать членам советской делегации: «Ну а вам-то незачем расстраиваться — осталось ведь выиграть всего-то две партии...» «Всего-то» — прозвучало это весьма приятно, но как непросто оказалось взять две эти партии!

После поражения в 21-й я упустил победу в 22-й (очень спешил ее выиграть), затем в 25-й. И только в 27-й добился победы. Пятой по счету...

Началась эта партия для меня не очень-то хорошо. Претендент, игравший белыми, применил острую теоретическую новинку и получил определенную инициативу. Англичанин Г. Голомбек опрометчиво прокомментировал по телевидению этот момент так: «Корчной уверенно идет к своей третьей победе».

Но я предпринял необходимые меры и предвидел неплохое будущее моих слонов, особенно чернопольного. И действительно, противник, который раньше всех «экспертов» почувствовал опасность, начал подолгу задумываться — ему все труднее было находить сильные ответы. Он попал в сильнейший цейтнот. Арбитры встают, дабы не упустить момент падения флажка на часах Корчного. Но он успевает сделать 40-й ход. Однако позиция у него такова, что доигрывать ее столь же нелегкое, сколь и неблагодарное занятие.

У Корчного оставалось две возможности сдать партию по телефону или приехать на доигрывание и сде-

лать несколько ходов. Но он избрал самый некорректный — не явился на доигрывание, и десятки зрителей и организаторы матча напрасно ждали его появления. Я же, зная характер Корчного, сразу ушел в комнату для отдыха и занялся чтением журналов. Только минут за 10 до истечения контрольного срока пришла записка от Корчного, что он извиняется перед судьями и сдает 27-ю партию. 5 : 2.

Хотя многие это считают странным, я все же полагаю, что только первоначально психологическое преимущество находится на стороне ведущего в счете. Однако, если он не сумел им воспользоваться достаточно оперативно, то затем оно, это преимущество, переходит к противнику. Не может «психология» постоянно оставаться на месте, и если ты не сделал шага вперед, то инициатива будет упущена — соперник успокаивается, и ты уже имеешь перед собой совсем другого партнера.

Я вот полагал — и даже говорил об этом, — что пятая победа станет решающей в матче, ибо поставит претендента на последнюю грань, на край пропасти. И он тогда, мол, может отправляться домой. Есть только важный нюанс: речь шла об этом при счете 4 : 1. А тут все-таки счет стал 5 : 2 — Корчной успел выиграть еще одну партию. К тому же — и это особенно существенно — он, вероятно, уловил мою какую-то скованность, а точнее сказать, несобранность. Ведь он видел, что на отрезке с 17-й по 27-ю партию я в нескольких случаях упустил просто очевидный выигрыш, и это, безусловно, придало ему некоторую уверенность.

Психология в шахматах неразрывно связана с происходящим на доске... и наоборот. Словом, здесь все взаимосвязано. Должен признаться, что, базируясь на наших прежних встречах с Корчным и особенно на матче 1974 года, я издалека наметил определенный «план кампании» 1978 года. Тогда соперник, уступая мне в спокойных маневренных позициях, был в осложнениях несколько изобретательнее, что ли.

Так вот, исходя из этого, мы (еще с покойным Фурманом) планировали в Багио не ввязываться с Корчным в «обмен ударами», а вести маневренную техническую борьбу. Так, собственно, и начал я этот матч.

Однако произошло существенное изменение в стиле игры моего противника. Лишив сам себя возможности участвовать в соревнованиях с ровным и сильным составом — какой обычно подбирается в наших турнирах, — Корчной вынужден был внести определенные коррективы в свою манеру игры. Если раньше он действовал зачастую в контратаке, то теперь сама обстановка, в которой он оказался, почти не давала для этого поводов. Встречаясь с конкурентами, заметно ему уступающими в классе, желая набрать максимум очков для поднятия престижа и опасаясь потерять хоть пол-очка в поединках со слабыми, малоизвестными партнерами, Корчной стал меньше рисковать, стараясь решить исход борьбы техническими средствами. В чем, надо признать, немало преуспел. Напоминал о себе уже и возраст претендента: в 47 лет нелегко постоянно считать варианты, нервная система просит отдыха, а колоссальный (уже 30-летний!) опыт толкает на те технические решения, которые опять же убегают от риска и от... цейтнотов, о которых он все время помнит. Почувствовал я эти перемены в манере игры противника где-то к 7-й партии, а примерно после 11-й окончательно наметил свою новую стратегическую линию ведения матча.

Но одно дело — намечать, и совсем другое — последовательно и твердо проводить в жизнь намеченное на доске. Вот тут-то (при счете 5 : 2) и вступила в силу та самая психология, о которой я уже писал. Мысль о том, что мне осталось сделать всего один шаг до окончательной победы (в то время как противнику еще шагать и шагать), предательски повлияла и на образ моих действий на доске. Расхолаживала меня. А ведь острая игра требует и соответственного боевого настрое-

ния. Его-то и не хватало. А пойди я, что называется, в рукопашный бой — может, и проиграл бы одну-две партии, но ту единственную, которая была необходима, обязательно выиграл бы. И все было бы довольно быстро окончено. Ведь сопернику ох как тяжело делать ходы в обоюдоострой, рискованной ситуации, когда то и дело его мозг сверлит мысль: любой из таких ходов может стать последним в матче. Зато как удобно, развалившись в кресле, решать вопрос: занять эту открытую линию сейчас или потом, менять слона на коня при переходе в эндшпиль или подождать и т. п.

Технические позиции имеют и еще одну, исключительно важную особенность. Их легче играть, когда имеешь преимущество. Ну, не реализовал его лучшим и кратчайшим способом. Ну, допустил неточность, даже выпустил перевес — рискуешь немногим, и, в крайнем случае, получится ничья, которая все равно не считается. Если оба даже одинаково устали, то в технических позициях это чревато последствиями прежде всего для того, кто защищается. Ведь постоянно необходимо искать шансы, ни на минуту, ни на ход не расслабляясь — иначе уже не спасешься. А активная сторона может чуточку подвыпустить свой перевес, а затем пытаться его потихонечку вернуть, ничем особенным опять же не рискуя. Я же по причинам, ранее названным, никак не мог настроиться на роль активной стороны и позволил своему партнеру слишком уж часто получать инициативу, наблюдая за этим как бы со стороны...

Все, о чем я сейчас сказал, может быть отнесено к 28-й партии с тем немаловажным добавлением, что для меня была неожиданностью готовность соперника изо всех сил вести борьбу на самом последнем рубеже. Уже теперь, оглядываясь назад, убеждаюсь в допущенной мною еще одной «психологической неточности», если позволительно так выразиться. Да, надо было именно при счете 5 : 2 взять мне тайм-аут, чтобы снова настроиться на настоящий бой, почувствовать вкус к игре,

повторить самому себе, что сейчас не время для самоуспокоенности, — словом, привести свое шахматно-психологическое оружие в полную боевую готовность.

Претендент весьма удачно выбрал в тот момент и дебютную стратегию, разыграв открытый вариант испанской партии при наиболее четком порядке ходов, какой исключал возможные с моей стороны побочные решения. Соперник шел по накатанной дороге, стремясь к облюбованной заранее позиции. В миттельшпиле произошли размены — а их-то, как уже знает читатель, мне следовало избегать (в разумных, понятно, пределах) — с доски исчезли легкие фигуры, ферзи... Моя некоторая несобранность, отрешенность, что ли, позволила сопернику незаметно приступить к собиранию мелких позиционных плюсов. Я к этому отнесся не слишком внимательно и спохватился, лишь когда претендент уклонился от повторения позиции, несмотря на его сильный цейтнот. У него не хватало времени на циферблате часов, у меня же — для исправления ранее допущенных неточностей. И если черные еще как-то справились со своей проблемой, то белые получили свои проблемы в качестве домашнего задания при анализе отложенной позиции.

Итак, перед доигрыванием я оказался перед дилеммой: долго и мучительно доигрывать практически бесперспективный ладейный эндшпиль или резко обострить обстановку на доске, попытаться, не считаясь с материальными потерями, организовать контратаку малыми силами. Я выбрал второй путь. Однако все подворачивавшиеся мне шансы использовал не на сто процентов.

Проигрывать неприятно всегда, но важно — особенно в матче — суметь хорошо настроиться на следующую партию. Этому помешали привходящие обстоятельства. Всего за час до начала 29-й партии было объявлено, что в «Конвеншн-центре» сгорел трансформатор, и организаторы взяли технический тайм-аут. Потом свой по-

следний тайм-аут взял Корчной, который вроде бы перегрелся на солнце, купаясь в океане...

Так и получилось, что 29-я партия игралась после недельного перерыва в матче, когда ко мне уже успела возвратиться моя вызванная хорошим счетом расслабленность (в коей я и сам себе не хотел признаваться).

Выиграв впервые в жизни у меня партию черными, противник теперь белыми демонстрировал свою уверенность. Против обыкновения претендент в дебюте играл исключительно быстро, я же, наоборот, желая быть предельно аккуратным, действовал медленно и осмотрительно. Потом претендент, не видя ясных путей к усилению своей позиции, начал задумываться... У меня же, хотя я, по обыкновению, заиграл быстро, осмотрительность перешла в какую-то пассивность. Думалось: ну, пусть он пойдет сюда, пусть туда — все равно ничего существенного белые не добиваются. Маленький «плюсик» к откладыванию он все же получил, а затем (все под тем же настроением) я сам позволил ему вскрыть линию на королевском фланге для белой ладьи.

Отложенная позиция — многофигурное окончание миттельшпильного характера — оказалась удивительно сложной и многовариантной. Наверное, я поступил неправильно — не в сугубо шахматном отношении, а в плане самой организации анализа. Все-таки напряженный и ответственнейший матч длился уже почти девяносто дней (и почти столько же ночей), и надо было, пожалуй, рациональнее построить работу. А что получилось? В одиннадцатом часу вечера мы с тренерами приехали в коттедж, не поужинав, сели за шахматы. Потом опомнились, подкрепились — и снова за анализ. Мне пора бы спать, а я все не уходил, некому было меня заставить отправиться на отдых. Разошлись в половине седьмого утра, но заснул я только в восемь, а в 12 часов снова был уже в коттедже. Голова не свежая...

Корчной, хотя по привычке и долго записывал ход

в отложенном положении, сделал это на сей раз не лучшим образом. У нас же уйму времени отняло рассмотрение его сильнейших продолжений, а потому возникшая позиция (она была поприятнее ожидавшейся) выглядела относительно новой. И, несмотря на схожесть с рассматривавшимися дома, имела ряд существенных нюансов. Тонкостям этим при анализе, к сожалению, не было уделено достаточного внимания — предполагалось при таком повороте событий действовать из общих соображений, по аналогии со сходными позициями из главного варианта. Тут-то и совершил я серьезную шахматную ошибку — повел коня в центр, в то время как лучшее поле для него было именно на краю — там, где конь из этих самых пресловутых «общих соображений» стоит якобы плохо. Но, как я говорил, не успевший отдохнуть мозг ленился считать конкретные варианты (которые все же лучше было изучить дома). Получилось, что мои слон и конь оказались на одной центральной вертикали и попали под удар неприятельской ладьи. После этого конь был вынужден отступить на край доски, где он оказался выключенным из игры. Знай, что так получится, я бы лучше отдал его за две белые пешки и реальные шансы на ничью. Но в тот момент мне казалось, что время крайних мер еще не наступило. Был, возможно, и еще один шанс — попытаться построить крепость на пути неприятельских проходных пешек на ферзевом фланге, но в конце длинного варианта я не видел, является ли эта крепость неприступной. Вообще неблагодарная это задача — описывать течение партии, не показывая все варианты на доске, и потому ограничусь лишь констатацией — счет в матче стал уже 5 : 4.

В Багио приехали председатель Шахматной федерации СССР летчик-космонавт Виталий Иванович Севастьянов и гроссмейстер Евгений Васюков. Я ждал приезда Виталия Ивановича, умеющего в трудную минуту поднять настроение у всех окружающих.

Теперь надо было только наладить работу тренеров-секундантов.

Сказал я «тренеры-секунданты» и не оговорился, ибо понятия эти в матчах на высшем уровне, как правило, совпадают. Как правило, и все-таки не всегда. Исключением был для меня Семен Абрамович Фурман, умевший и сам самоотверженно работать, и направить работу своих младших коллег. Он, кроме всего прочего, был превосходный методист, умел отсекать лишнее, второстепенное, зато почти не ограничивался общими соображениями, а, будучи по-хорошему дотошным человеком, всегда до конца тщательнейшим образом анализировал необходимые конкретные варианты независимо от их запутанности и длины. Теперь его не стало, а среди моих новых товарищей не было настоящего шахматного руководителя, умеющего определить генеральную линию поисков, хотя каждый из них в отдельности заслуживает многих добрых слов.

Вот и приходилось мне самому частично заменять... Фурмана, а это нагрузка не из легких. Облегчало все же мою задачу то, что создавшаяся незадолго до начала матча в Багио группа сразу стала дружным коллективом единомышленников — никто не делил ни славы, ни трудов. Работали все на совесть, не покладая рук, а если надо было, то и не разгибая спины — недаром их в шутку у нас называли спинномозговым центром советской делегации. Ну а если и случались просчеты, то по причинам, о которых я уже упоминал. К концу матча, быть может, устали, а возможно, на моих помощников в отдельные моменты (как и на меня самого) расслабляюще действовал крупный перевес в матчевом счете.

После ничьей в тридцатой партии в тридцать первой был разыгран старинный вариант ферзевого гамбита. Уже в дебютной стадии произошли размены фигур, началось маневрирование. Играл я пассивно, а соперник настойчиво проводил свой план. Когда я осознал, что

моя позиция уже значительно хуже, до контроля надо было сделать еще хода три, а на циферблате у меня оставалось 1 час 5 минут неиспользованного времени. Я понял: откладывать в таком положении партию нельзя. А по правилам отложить ее претендент мог лишь в том случае, если у меня оставалось бы времени меньше одного часа. Следовательно, твердо постановил я для себя, надо считать, что имею всего 5 минут, и обязательно действовать быстро, не раздумывая.

Мы сделали еще по три хода. Обычно, когда минует контроль, оба шахматиста резко замедляют темп, усаживаются поудобнее, спокойно оценивают ситуацию и как бы начинают поединок заново. Вот Корчной и сел, подумал, сделал свой 41-й ход, и тут я буквально через несколько секунд отвечаю. Он сделает 42-й ход, я тут же — ответный. Это ему не понравилось: он понял, что я не позволяю ему отложить партию. Тогда претендент задумался минут на 20—25 и принял неправильное решение. Он ведь мог потянуть еще, ибо моя позиция оставалась пассивной, и мне пришлось бы только дожидаться развития событий. А белые перестали маневрировать и начали форсировать события, пошли на прорыв. Мне удалось разменять пару фигур, и партия была отложена — пусть все еще в худшем, но уже близком к ничейному положении.

Дома первый взгляд на позицию не был столь обнадеживающим, как последующее детальное изучение ситуации. Ночью пришли к выводу: позиция держится. Затем разбились на пары: Зайцев работал с Талем, я — с Балашовым. Вот наша вторая пара натолкнулась в одном из разветвлений на идею, относительно новую, но не слишком хорошую для белых — получались, по существу, те же позиции, что и в ранее рассмотренных положениях, только здесь белая ладья стояла похуже и у меня оказывалось порядка двух лишних темпов... Как ни странно, при доигрывании претендент избрал именно это, отнюдь не сильнейшее продолжение, и воз-

никла та самая позиция, которую мы только глянули дома. Глянули и остановились в анализе как раз перед тем ходом, какой сделал теперь противник. Чуть раньше мы оборвали вариант, решив, что здесь-то уже все в порядке просто из общих соображений. Короче, были не слишком внимательными. Ход действительно оказался сильным, но ни в коем случае он не менял нашей общей верной оценки — должна быть ничья все равно. А я расстроился из-за того недосмотра, стал казниться... А необходимо было успокоиться, прийти в себя, благо времени оставалось предостаточно — часа полтора, можно было сидеть и думать. Разумеется, перестроившись, я бы быстро нашел единственный, но достаточно легко отыскиваемый ход, сразу форсирующий ничью. Я же вскоре сделал ход, проигрывающий партию. Когда все закончилось, с полуслова понял товарищей, удивленных моим ошибочным решением...

Проиграв до того две партии и позволив противнику вплотную приблизиться ко мне в счете матча, я переживал, честно говоря, все же еще не очень. Понимал: рано или поздно придет праздник и на мою улицу и я, пересилив себя, сумею нанести решающий удар. Потерпев же поражение в 31-й партии, я расстроился не на шутку. И потому, что счет стал уже 5 : 5, и оттого, что совершен неимоверный просмотр в один ход. В окончательной победе я все равно не разуверился, но, сами понимаете, иметь возможность получить 5 : 1 (в случае победы, например, в 18-й или 20-й партии), добиться 5 : 2 и вот теперь «докатиться» до 5 : 5... Было от чего потерять голову.

И здесь на помощь пришел Виталий Иванович Севастьянов, человек живой, энергичный, заводила во всех компаниях, человек, рядом с которым унывать было бы просто стыдно. В силу его второй специальности (по образованию Севастьянов вообще-то инженер), летчика-космонавта — он дважды летал в космос, был, кстати, участником первого шахматного матча Зем-

ля — Космос, — он отлично знает, что такое нервные нагрузки, знает, как нужно выходить из стрессового состояния. Разумеется, в чисто шахматном отношении космонавт мне помочь был не в силах — да этого и не требовалось, но зато общение с ним придавало дополнительный заряд оптимизма и энергии. Виталий Иванович по собственной инициативе то садился играть со мною в нарды, то обучал новой форме раскладывания пасьянса, то заставлял выходить из машины и ночью идти пешком... И вот в решающий момент единоборства именно он настоял на необходимости (многие колебались) взятия перерыва от шахмат, но не для того, чтобы проводить этот тайм-аут в привычных и набивших оскомину условиях за анализами на шахматной доске, а ради смены впечатлений, для поездки в Манилу, где завершался чемпионат мира по баскетболу.

Мы так и сделали. Поехали в столицу, где наши баскетболисты в финале встречались с командой Югославии и проиграли исключительно сильной команде всего в одно очко.

Как же я болел за наших, даже голос потерял! Но заодно «спустил» накопившееся напряжение и в Багио возвратился будто обновленный, словно мог за шахматной доской отыграть то единственное очко, которое наши баскетболисты проиграли югославам в Маниле.

Перед началом 32-й партии претендент в свойственной ему саморекламной манере давал интервью журналистам, обещая им свою скорую победу. Он абсолютно ничего не понял в создавшейся ситуации, в изменениях, какие произошли во мне. Он полагал, что досадные упущения последних партий сломили меня («Я буду его бить справа и слева!» — кричал он суетившимся вокруг него корреспондентам). Корчной решил навязать мне борьбу сложную, напряженную, рискованную. А это-то как раз больше всего меня и устраивало. С самого утра 17 октября (юбилейная дата — три месяца

с начала матча) у всех членов нашей делегации было единое ощущение — эта партия станет последней, победной. Ребята потом говорили мне, что полдня до самой партии глаза мои светились каким-то лихорадочным блеском и было заметно, как я рвался в бой. Успел вместе с секундантами освежить в памяти возможные дебютные варианты, ознакомился с обширной корреспонденцией (можно даже сказать, что сыграла она роль дополнительного своеобразного допинга). «Верили, верим, уверены», — телеграфировали рабочие угольных копий на Шпицбергене, московские писатели и многие другие коллективы и отдельные товарищи... «Да, велика Россия, но отступать некуда», — мелькнула мысль, когда я еще раз глянул на письма и телеграммы, сравнявшиеся по объему с лежавшими рядом теоретическими справочниками. Потом встал и в бодром, отличном игровом настроении отправился в «Конвеншн-центр».

Да, я жаждал борьбы! При этом помнил, что в течение всего матча претендент, играя черными, старался уйти от единоборства, перевести игру в спокойное русло. В 32-й партии ему как раз предстояло играть черными, и я вернулся к любимому первому ходу королевской пешкой.

После партии один из помощников Корчного, аргентинский гроссмейстер О. Панно, поделился с М. Талем: «А что было играть в ответ? К открытому варианту испанской партии Карпов, конечно же, был подготовлен. Во французской претендент получал тяжелые позиции. Хотелось выбрать что-нибудь посложнее, учитывая психологическое состояние чемпиона...» Удачный выбор дебюта — большое искусство (не только шахматное, но и психологическое). Эта партия показала, что Корчной располагает им далеко не в полной мере: он не разобрался не только в изменениях, происшедших во мне, но и в нем самом тоже. Когда претенденту терять было нечего, он действовал относительно спокойно, те-

перь же неожиданно улучшившаяся спортивная ситуация заставила его нервничать. Полагаю, что перед партией он и вовсе «перегорел».

В ответ на мой выпад королевской пешкой он выбрал защиту Уфимцева, но постепенно мне удалось привести ее к построению, подобному испанской партии — а в ней претендент разбирается хуже, поскольку обычно играет в этом дебюте только его открытый вариант. У меня появился большой выбор перспективных продолжений, и шаг за шагом удалось создать сильные угрозы черному королю, сочетая их с давлением по центру и хорошей позицией на ферзевом фланге. Нечасто шахматисту случается установить контроль над всей доской — партия удалась на славу. Хотя сцена довольно далеко от зрительного зала, многие после говорили, что ясно видели, как покраснел Корчной и как побледнел я. В тот миг я мысленно говорил себе: не торопись, не комбинируй, позиция выигрышная, главное сейчас — не упустить победу... И спокойно сделал 41-й ход — ход сильный, ход выигрывающий, после чего партия была отложена.

Мы отправились домой, внимательно посмотрели позицию: никаких шансов у противника нет. В шутку был даже объявлен конкурс — на невыигрывающий вариант за белых. Впрочем, я помнил, сколько было в этом матче «чудес». И снова и снова возвращался к шахматной доске. Нет, на сей раз никакого чуда быть не может! И я отправился спать...

В двенадцатом часу дня исполнявший обязанности главного арбитра М. Филип приехал в наш отель «Террейс Плаца» и официально сообщил, что получено известие о сдаче соперником 32-й партии матча. Следовательно, все окончено и остается поздравить чемпиона мира. Все мои товарищи обнялись, расцеловались, но подняться ко мне на 11-й этаж с радостным известием решились не сразу: а вдруг, утомившись от переживаний, я еще не встал? Когда же они вошли в мой номер,

я был, что называется, уже при полном параде — чувствовал, что противник не захочет являться на долгрывание, чтобы, верный своему скверному характеру, не присутствовать при аплодисментах в честь победителя.

Оказалось, я неплохо изучил этого человека: он действительно написал письмо арбитру, смысл которого, если это можно назвать смыслом, состоял в том, что претендент не может продолжить 32-ю партию, но это не значит, что он сдает матч. Как такое понять, было неясно. Бывший претендент послал аналогичную телеграмму и президенту ФИДЕ М. Эйве. Тот ответил, что считает матч законченным, и телеграммой поздравил меня с победой. Тогда Корчной обвинил филиппинские власти, организаторов, Международную федерацию в фаворитизме по отношению ко мне. По этому поводу я заметил на состоявшейся там же, в Багио, пресс-конференции: «Во время матча 1974 года Корчной утверждал, будто к его сопернику благоволили советские власти, спортивные и шахматные организации; во время матча в Багио сопернику Корчного, оказывается, симпатизировали филиппинские власти и организаторы. Так где же надо побеждать Корчного, чтобы он перестал делать подобные заявления, — уж не на Луне ли?»

Потом было торжественное закрытие соревнования. На сцене «Конвеншн-центра» вместо маленького шахматного столика установили огромный стол для почетных гостей, и было сказано много приятного. Выступил даже Р. Кин — Корчного, понятно, и в помине не было. И говорил он от имени претендента вполне нормальные слова (потом Кин признался, что сочинил все это сам, без ведома своего патрона). Мне вручили, теперь уже вторую, золотую медаль чемпиона мира и увенчали венком, не лавровым, правда, как в Европе, а из живых цветов. Президент Филиппин Ф. Маркос приехать в Багио не смог, и я принимал его поздравления уже в Маниле на обратном пути домой...

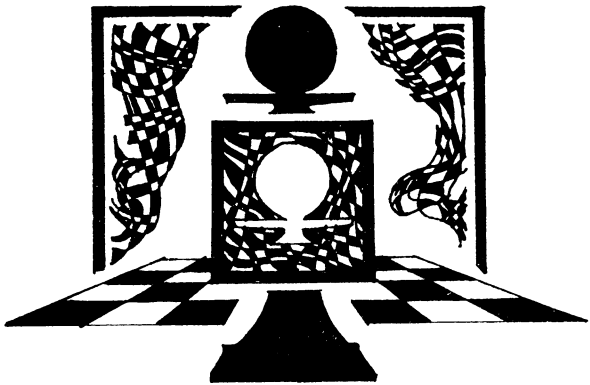
Я спешил в Москву на юбилейный пленум Централь-

ного Комитета ВЛКСМ, членом которого я являюсь. Комсомолу исполнялось 60 лет.

Успел я на пленум как раз вовремя. На торжественном заседании меня тепло приветствовали комсомольцы, собравшиеся в Большом Кремлевском дворце.

Но самые радостные и волнующие минуты я пережил еще в Багио после окончания матча за мировое первенство, когда на мое имя поступила поздравительная телеграмма от Леонида Ильича Брежнева, где отмечалось, что мною проявлен наш, советский характер. И еще раз довелось испытать огромное волнение — вместе с другими товарищами, отмеченными за высокие достижения в различных областях человеческой деятельности, мне, шахматисту, за хорошие спортивные достижения была вручена правительственная награда — орден Трудового Красного Знамени.

Глава VII

А ЗАВТРА СНОВА В БОЙ...

Три года, отделяющие матч в Багио от матча в Мерано, пролетели стремительно. Событий, самых разных — важных и очень важных, добрых и не совсем добрых, радостных и печальных — было так много, что я просто не замечал, как летит время...

Вскоре после моего возвращения из Багио мы с Ириной Куимовой отпраздновали свадьбу. Ирина — москвичка, мы с ней и познакомились в одном из подмосковных молодежных лагерей «Спутник». Познакомились и полюбили друг друга.

Так я стал семейным человеком и москвичом. В ноябре 1979 года у нас родился сын. Назвали мы его Анатолием. К моменту моего отъезда в Мерано ему было около двух лет. Толик уже хорошо ходил, мы с ним вместе занимались «физкультурой» — делали зарядку, иногда совершали небольшие прогулки. Кроме слов

«мама», «папа», «деда», «баба» и многих других, он знал названия всех шахматных фигур. Мы с ним даже играли в шахматы, вернее, не в шахматы, а только в шахматные фигурки — они в числе его любимых игрушек. Нет, мы совсем не форсируем события и считаем, что со временем Анатолий-младший сам определит, станут ли шахматы для него тем, чем стали они для меня — Анатолия-старшего. Пока же все наши заботы сводятся к тому, чтобы воспитать сына крепким и здоровым, умным и добрым человеком. А если у него появится интерес к шахматам, я стану для него первым учителем, каким был когда-то для меня мой отец...

Был... Теперь я могу говорить об отце, Евгении Степановиче, только в прошедшем времени... Он умер весной 1979 года.

В это время я принимал участие в большом международном турнире в Мюнхене. После пяти туров мне удалось стать лидером, но все бросил и срочно вылетел на Родину на похороны отца — моего первого учителя, верного и внимательного болельщика... Я очень тяжело переживал эту невосполнимую утрату...

Однако через два месяца мне пришлось снова уехать — предстоял международный «турнир звезд» в Монреале (Канада). Затем была Спартакиада народов СССР, где я в последний раз выступал за команду Ленинграда, потом командное первенство Европы, кубок СССР в Ростове-на-Дону, Всемирная шахматная Олимпиада на Мальте, международные турниры в Бад-Киссингене, Бугойно, Амстердаме, Тилбурге, Буэнос-Айресе, Москве... В большинстве случаев мои выступления были удачны, и я занимал первые места, но бывали и срывы, например, на турнире в Мар-дель-Плата, в Аргентине я поделил всего только 4—5-е места. Но все же удач было больше, и журналисты дважды называли меня сильнейшим шахматистом года, присуждая очередных «Оскаров» — к 1981 году их у меня было уже семь.

Переехав на жительство в Москву, я, уже дипломи-

рованный специалист, начал сотрудничать с Московским университетом, с кафедрой политической экономии гуманитарных факультетов, которой руководит профессор Ф. И. Волков. Здесь продолжал работу над темой «Проблемы свободного времени трудящихся в условиях развитого социализма». Возможно, эта работа станет моей кандидатской диссертацией.

Забот у меня прибавилось, так как получил еще одно назначение — главным редактором журнала «64 — Шахматное обозрение».

Еще об одном торжественном событии, которое произошло в эти годы, не могу не сказать — я был принят в члены Коммунистической партии Советского Союза.

Вот так, от события к событию, и летело время. И наступила пора снова готовиться к очередному матчу, чтобы защищать свое звание чемпиона мира.

К началу 1981 года сражения претендентов закончились. Моим соперником опять стал Корчной.

Нам предстояло выбрать место для проведения нового матча. Из числа заявленных стран — Испания, Италия, Исландия — я выбрал Испанию, где много играл, где мне вручали шахматных «Оскаров». Корчной предпочел Италию — страну, в которой он уже проводил претендентские матчи. Да и город Мерано, где предполагалось проведение матча, находился неподалеку от швейцарской границы, так что сопернику до дома было рукой подать.

На этот раз новый президент ФИДЕ Олафссон решил, что выбор из наших предложений должен сделать жребий. Он сам его «тянул» и вытянул Италию, так и было решено проводить наш матч в Мерано...

Я попал в неудобное положение. Эту страну и город назвал мой соперник, а я вроде бы был против. В июле 1981 года я поехал «на разведку» в Мерано — осмотрел турнирный зал, гостиницу, зону отдыха этого небольшого курортного городка. Все мне понравилось. Принимали меня тепло, организаторы матча были приветливы,

выражали готовность выполнить любые разумные пожелания, но чувствовалось и то, что «своим» они считали все же Корчного. Да и итальянская пресса отдавала предпочтение моему сопернику.

И я понял: здесь мне будет не легче, чем в Багио! Тем более что я хорошо знал своего соперника, его методы «подготовки» и «проведения» матчей. И был нисколько не удивлен, когда узнал из газет о «новых приемах ведения психологической войны».

Вот что писала о действиях Корчного газета «Советский спорт» в статье «Облыжный ход претендента» Дм. Орлова и Вл. Петрова от 30 сентября 1981 года.

«Летом нынешнего года, уже в преддверии матча, претендент в многочисленных интервью, раздаваемых налево и направо, начал изливать такие потоки грязи по адресу чемпиона, прибегая к столь оскорбительным высказываниям, что, скажем, во времена Стейница и Ласкера подобные выходки требовали бы разрешения разве что на дуэли.

Не удовлетворившись такой пачкотней, претендент решил снова — уже по второму, как говорится, кругу — запустить версию о том, что находится, мол, «в неравных условиях» с чемпионом, так как ему не дают «воссоединиться с семьей»... Проявив недюжинные качества вымогателя и шантажиста, он сумел на какое-то время втянуть в затеянную им интрижку президента ФИДЕ — исландского гроссмейстера Ф. Олафссона. При этом Корчной не брезговал никакими приемами. В одном из интервью корреспонденту агентства ТАНЮГ он разоткровенничался и весьма цинично признал, что ездил в Исландию — на родину Олафссона с единственной целью: встретиться с местными влиятельными лицами в правительстве и просить их воздействовать на президента ФИДЕ, «поддержать» его претензии».

Исландские влиятельные лица поддержали претендента и «нажали» на Олафссона. В своей статье авторы рассказывают о том, что поначалу акция Корчного уда-

лась и президент ФИДЕ попался на его удочку, решившись даже на отсрочку начала нашего матча. Но потом, ознакомившись с материалами, представленными ему и штабу ФИДЕ Шахматной федерацией СССР, и убедившись, что Корчной никаких законных действий для «воссоединения» с семьей, брошенной им еще в 1976 году, не предпринимал, даже, больше того, боялся этого воссоединения и вел переговоры со своей женой об условиях, на которых она в случае выезда за рубеж не будет вмешиваться в его жизнь, отказался от ранее принятых решений и на заседании Исполкома ФИДЕ в городе Атланта (США) наконец была установлена твердая дата начала нашего поединка.

Не добившись отсрочки матча на неопределенно долгий срок, Корчной начал сознательно накалять обстановку вокруг матча, делая безответственные заявления, поливая грязью советских шахматистов, не гнушаясь оскорблений и в мой адрес.

Настроенные «на волну Корчного», хозяева многих итальянских газет — страны, где должен был проводиться наш матч, — не стеснялись печатать всю эту стряпню.

Когда мы за несколько дней до открытия матча прибыли в Мерано, на страницах итальянских газет еще продолжалась эта кампания. Правда, велась она людьми, далекими от шахмат. Шахматные же специалисты занимались в это время прогнозами. И все они были в мою пользу. А датчанин Бент Ларсен даже точно предсказал счет — 6 : 2. Ошибся он только в количестве партий, предположив, что их будет 22, а было всего 18.

Но тут я забежал несколько вперед...

Матч еще не был открыт, мы еще не сели за шахматный столик, а новая волна психологической войны развертывалась во всю ширь. Заявления Корчного лились как из рога изобилия. Он предсказывал победу только самому себе, повсюду трубил, что разгромит

Карпова, сотрет его в порошок. Но я хорошо изучил своего противника, давно понял, что вот в такой «горячей» конфликтной обстановке он чувствует себя как рыба в воде, а потому решил не давать втягивать себя в разные провокации.

Наша делегация не стала на этот раз возражать против желания претендента играть под швейцарским флагом. Если сами швейцарцы не возражают, что под их флагом будет играть столь вздорный человек, пусть играет, им же самим будет стыдно...

Не был я и против рукопожатий перед началом каждой встречи, на которых настаивали организаторы матча. На одной из пресс-конференций на вопрос «Будете ли Вы обмениваться рукопожатиями с соперником?» я ответил, что в случае отказа Корчного от оскорбительных заявлений в адрес моей страны или отдельных членов нашей делегации я готов поступать согласно традиций матчей на первенство мира. Когда же организаторы матча обратились со своим запросом по этому поводу к Корчному, он заявил, что никаких гарантий давать не будет, и вопрос о рукопожатиях отпал сам собой.

Корчной даже требовал, чтобы между соперниками во время игры не было никаких прямых общений, даже ничью они должны предлагать только через арбитра!

Я и против этих глупых требований не возражал. Не хочет — не надо. Мне лично это никак не мешает, а пользы Корчному едва ли принесет. Высказывал претендент и другие вздорные «пожелания»... Но я на них никак не реагировал...

Открытие матча в Мерано было не менее торжественным, чем в Багио. Организаторы матча постарались на славу. Весь зал был в цветах. Они заполняли и сцену и балкон, опоясывали весь зал, цветами были обвиты колонны, они разместились даже под высоким потолком.

В глубине сцены были натянуты длинные полотнища флагов, а перед ними возвышалась огромная, объемная конструкция эмблемы матча, за щитами, изображающими шахматное поле, просматривались контуры какого-то старинного сказочного города... Красиво, величественно... И обстановка под стать оформлению была при открытии спокойной и торжественной. Казалось, страсти улеглись, лагерь противника успокоился и дальше дело пойдет без конфликтов. Но это только казалось...

На первую же игру в зрительный зал заявилась в ярких оранжевых балахонах группа сторонников Корчного из все той же злосчастной секты «Ананда Марга», памятной нам по матчу в Багио. Их возглавляла знакомая нам Виктория Шеппард, правда, на этот раз одна, без своего постоянного спутника — Двайера. Ее отпустили на свободу, а вот Двайер был осужден за покушение на индийского дипломата и другие преступления и отбывал в тюрьме свой срок.

Конечно, присутствие этой компании в зале меня не вдохновляло. Но я постарался о них забыть и сосредоточиться на шахматах. От первой партии ведь обычно многое зависит. Она подчас предопределяет настрой матча и серьезно влияет на исход игры...

В первой партии я играл черными. На доске возник вариант ферзевого гамбита Тартаковера — Макогонова — Бондаревского. Первые восемь ходов были точной копией первой нашей партии в Багио. И как ни странно, но скоро мне стало ясно, что мой соперник, видимо, плохо проанализировал этот вариант, и после дебюта мои фигуры с «висячими» пешками в центре стояли предпочтительнее. Корчной, стремясь переломить ход событий, стал играть как-то вычурно, а мне удалось гармонично расположить свои фигуры. Видимо, не чувствуя еще опасности, претендент на 24-м ходу свою крайнюю пешку (а) двинул на шаг вперед... Этот не лучший ход соперника позволил мне осуществить стремительный прорыв в центре доски, и вскоре белые стали перед вы-

бором — либо понести материальные потери, либо пойти на резкое ослабление своей позиции. Корчной долго раздумывал и избрал второй путь... Единственной его надеждой был обоюдный цейтнот. Но я действовал в цейтноте четко и не предоставил противнику ни одного шанса. Он даже не успел отложить партию и на 43-м ходу признал себя побежденным, показав при этом, что так и не научился достойно проигрывать. Сделав последний ход, он, ничего не сказав, убежал со сцены, и только через несколько минут зрители поняли, что партия закончилась...

Зал устроил мне овацию...

Я был рад этой победе, но не давал, как говорится, простора своим чувствам. Я хорошо знал и помнил, как коварно действует на шахматиста первая одержанная победа...

Во второй партии я играл белыми. Корчной на этот раз, видимо, хотел удивить меня новизной выбора, ибо предложенный им вариант испанской партии еще не встречался в наших матчах, да и вообще в практике Корчного.

Но я и виду не подал, что удивлен. Не позволил противнику перехватить инициативу и сам очень удобно расположил ладьи по открытым вертикалям. Корчной стал заметно нервничать, сделал несколько неуверенных ходов, это мне позволило еще больше увеличить свой перевес.

Любопытная деталь. В первой партии на 24-й ход Корчного a3 я ответил выдвижением вперед ферзевой пешки d4. А в этой партии на 24-м ходу уже Корчной пошел ферзевой пешкой вперед. Но если этот мой ход привел к победе, то тот же ход Корчного — к его катастрофе. Правда, ему удалось отложить партию, но на следующий день для доигрывания потребовалось всего 16 ходов. И счет в матче стал 2 : 0.

И тут Корчной не смог обойтись без «трюка». Все думали, что он возьмет тайм-аут. Но в утренних местных

газетах появилась заметка с сообщением, что будто бы претендент, забрав свои чемоданы, сел в машину и вообще покинул Мерано...

Однако, как оказалось, корреспондент не продолжил своего сообщения о том, что вскоре Корчной вернулся в отель... Понятно, что этот «ход» был рассчитан на меня, дескать, Карпов, узнав об отъезде своего соперника, не будет готовиться к третьей партии... Но в эту ловушку я не попался...

Третья партия состоялась в назначенный день.

Опять на доске возник ферзевый гамбит, и первые восемь ходов повторили первую партию. Но тут я, по-видимому, неожиданно для соперника начал осуществлять несколько иной план игры, и скоро преимущество перешло на мою сторону.

Боясь даже малейшего риска, Корчной отказался от активных продолжений и решил упростить позицию. Не увидев возможности пробить блокаду соперника, я предложил ему ничью. Корчной тут же «взвинтился» и резким тоном возразил, что общений между нами быть не должно и переговоры о ничьей могут вестись исключительно через главного судью. Мне оставалось только пожать плечами и продолжить игру. Скоро последовало троекратное повторение позиции, и я подозвал главного судью, чтобы он зафиксировал ничью.

В четвертой партии на доске сложился новый дебют, ранее только однажды встретившийся в наших матчах, — русская партия. Видимо, Корчной был недоволен своими позициями, которые возникали при разыгрывании испанской партии, и поэтому избрал другое начало. Первые восемь ходов были «по учебнику». Но 9-й ход черных оказался иным. Тут Корчной применил новинку, и я должен сказать, что ему удалось найти хорошую идею...

Однако встретил я эту новинку спокойно и стал развивать свои фигуры, рассчитывая сделать акцент на борьбу в миттельшпиле.

Корчной, по всей вероятности, стремился к ничьей и предпринял серию разменов. Ему удалось уравнять позицию. И уже можно было предлагать ничью. Но я, не желая нарываться на новый выпад соперника, молчал. Молчал и он. Мне же спешить было некуда. Я играл белыми. Моя позиция оставалась крепкой, к ничьей стремился претендент, пусть он и предпринимает свои меры. Сознаюсь, предложи Корчной мне ничью до 29-го хода, я бы ее принял. Но... когда соперник несколько ослабил белые поля в своем лагере движением пешки g6, а потом еще и h5, то у меня появились хорошие шансы на атаку, которую я и провел и стал «давить» противника по всему полю. Он попал по обыкновению в цейтнот, из которого, правда, сумел выбраться и отложить партию. Но на следующий день для ее доигрывания потребовалось всего минут 20. Итак, после четвертой партии счет в Мерано стал уже 3 : 0. Достигнута половина необходимого! Претендент взял первый таймаут и уехал к себе «домой» в Швейцарию.

После третьей победы, я встретил председателя оргкомитета матча Зигфрида Унтербергера, инженера по профессии и большого любителя шахмат. Мы поздоровались, он поздравил меня с победой. Однако я почувствовал, что у него, как говорится, кошки на душе скребут. Поинтересовался — в чем дело? И Унтербергер признался, что, если для чемпиона мира все идет прекрасно, для организаторов матча мои победы грозят большими неприятностями:

— Если матч будет очень коротким, мы прогорим... Неужели Корчной вам ничего не может противопоставить?

Я «успокоил» председателя оргкомитета, напомнив о матче Смыслов — Ботвинник. Он тоже начался с трех результативных партий, и казалось, все будет быстро кончено, а потом игра затянулась...

Позднее я выяснил, почему был печален Унтербергер. Оказалось, что оргкомитет заключил контракт с

английским и западногерманским телевидением, в котором оговаривались точные сроки их работы, и выходило, если матч будет состоять меньше чем из 14 партий — организаторы прогорят, а больше — окупят все свои расходы. Чем раньше кончится матч, тем больше убытки, чем дольше он протянется, тем больше прибыль!

Любопытно, что после третьего поражения Корчного телевизионщики организовали показ молебна «за дарование победы Корчному», который происходил во внутреннем дворе отеля «Палас» — резиденции претендента. Правда, самого Корчного на молебне не было. Он переживал свои поражения «дома».

Я же использовал свободные дни, дарованные мне претендентом, просто отлично, главным образом отдыхал: ходили вместе с Ириной в горы, я играл в теннис, плавал в бассейне, разбирал новые филателистические каталоги.

Вечером нам с Ириной преподнесли сюрприз, на экране видеомагнитофона мы смотрели веселый фильм о футболе — под специально подобранную музыку на экране то в замедленном, то в ускоренном темпе смешно передвигались футболисты. Мы вдоволь нахохотались.

А перед сном ко мне в комнату заглянул Рошаль, наш пресс-атташе. Он только что закончил разбор почты и сказал, что в мой адрес пришло множество писем и телеграмм. Все поздравляли меня с первыми победами. Некоторые письма и телеграммы он показал мне.

С особым удовольствием прочитал телеграмму первого секретаря ЦК ВЛКСМ Бориса Николаевича Пастухова, который поздравлял меня от имени 40-миллионного комсомола.

На следующий день мы побывали на «Празднике винограда», который проводился в Мерано. В городе собрались тысячи людей со всего Южного Тироля — они с музыкой и песнями шли мимо специально сооруженной трибуны. На платформе, движимой упряжкой

лошадей, везли огромную королевскую корону, сооруженную из крупных спелых яблок и гроздей винограда. Мы с большим интересом наблюдали за этой процессией.

...И вот пятая партия. И снова, как во всех предыдущих, когда претендент играл белыми, мы разыграли ферзевый гамбит. Вариант Макогонова—Бондаревского. После небольших осложнений партия к 30-му ходу пришла к теоретически ничейному окончанию.

Но опять претендент, проявляя упрямство, «тянул» время. Партия была отложена, и доигрывание носило чисто формальный характер.

Шестая партия проходила в напряженной, острой борьбе. Был разыгран один из вариантов испанской партии, который встречался и в Багио. На 17-м ходу Корчной применил новинку, но я быстро нашел сильный ответ на нее, и мой соперник задумался на 40 минут. Что же, признаюсь, его раздумья были плодотворны — ему удалось активизировать игру. А я расслабился. И перед самым контролем сделал слабый ход...

Эту партию я решил не доигрывать. Счет стал 3 : 1.

— Теперь выигрывать буду только я! — заявил мой соперник представителям прессы. А небезызвестная нам Шеппард из «Ананда Марга» глубокомысленно добавила: «С каждым последующим днем Корчной будет играть лучше, а Карпов хуже».

Видно, она верила в действенность своей молитвы.

Но это поражение меня нисколько не расстроило. Игра есть игра. Противник сильный, и от поражений я не застрахован. Важно только, чтобы их было меньше, чем побед.

Конечно, обидно проиграть партию, сделав всего один неверный ход, но... главное, не терять присутствие духа и не упускать инициативу.

В седьмой партии был зафиксирован ничейный результат. Но это была боевая ничья. И, что особенно важно, инициатива все время оставалась на моей сто-

роне. А уж восьмая партия, кстати говоря, самая длинная — она продолжалась 80 ходов, так вообще доставила мне истинное творческое удовлетворение. И мне и, по-моему, зрителям, особенно итальянцам, ибо для дебюта я выбрал итальянскую партию, которую весьма редко применяют во встречах «на высшем уровне».

Местные газеты специально прокомментировали это событие: «400 лет назад у нас в Италии изобрели это начало, и его применение в нынешнем матче — естественная дань хозяевам шахматного «поля».

В день, когда игралась девятая партия, в Мерано прибыла большая группа наших туристов. Про себя я отметил — в Багио в такой же день, тоже в субботу, и я также играл черными, победа сопутствовала мне — счет тогда стал 4 : 1. Почему бы не повторить все это? Правда, тогда игралась 17-я партия, а теперь 9-я, так ведь чем раньше, тем лучше!

Опять на доске был построен ферзевый гамбит — система Макогонова—Бондаревского. Но на этот раз я подготовил своему противнику сюрприз, мы с тренерами «дома» нашли новое продолжение, которое даже не упоминается в справочниках. Психологический эффект новинки сработал четко. Корчной надолго задумался, но, видимо, ничего оригинального придумать так и не смог и уже на 18-м ходу оказался в худшем положении — на его ферзевую пешку я организовал массированное давление своих тяжелых фигур. На 35-м ходу мне удалось прорвать слабую блокаду белых и ворваться ладьей на вторую горизонталь... И на 44-м ходу, ввиду неизбежной потери ферзя, Корчной остановил часы.

Наши туристы бурно выражали свой восторг. Меня долго не отпускали из зала. Не скрою, я тоже был очень рад. Вместе с туристами ко мне каждый раз приходит победа!.. Хорошая примета.

Следующие три партии закончились вничью. Но и

они проходили в упорной борьбе. И я, и мой соперник отказались от традиционных дебютных построений. Правда, в десятой мы опять, к удовольствию хозяев, разыграли итальянскую партию, но в одиннадцатой Корчной применил новое построение в ферзевом гамбите и впервые отказался от системы Макогонова — Бондаревского, а в двенадцатой, когда белыми играл я, после первых ходов на доске возникло положение, характерное для защиты Грюнфельда, встретившееся впервые в этом матче.

Досадную неточность я допустил в двенадцатой партии, которую мог выиграть. Однако позволил черным активизировать своего ферзя и тем самым избежать катастрофы.

После игры в коридоре я опять повстречался с Зигфридом Унтербергером. На этот раз он не мог скрыть своей радостной улыбки — матч уже явно будет продолжаться более 14 партий, и оргкомитет может рассчитывать на солидную прибыль...

Надо отдать ему и его коллегам должное — матч был хорошо организован. Большой, красиво оформленный игровой зал, как правило, всегда заполнялся зрителями до отказа. И хотя свободных мест там обычно не было, в зале поддерживался идеальный порядок и тишина. В соседнем, меньшем, зале на 400 мест тоже все места были обычно заняты. Но там, как мне рассказывали, было довольно шумно. Зрители бурно реагировали на остроумные комментарии гроссмейстеров Найдорфа, Ларсена, Горта.

Всеобщее внимание привлекала огромная металлическая конструкция приза, учрежденного организаторами матча его победителю, которая была выставлена в игровом зале. Внизу в киосках бойко шла торговля сувенирами, открытками с фотографиями участников матча, памятными медалями. Несмотря на высокую цену — бронзовая стоила 35 тысяч лир, а серебряная и золотая значительно дороже — они быстро были раскуплены.

В общем матч был отлично организован, и его организаторы сделали все возможное, чтобы он удался. Не могли они сделать только одного, чтобы мой соперник вел себя прилично.

Вопреки своим же требованиям о недопустимости личных контактов между соперниками он часто высказывал за доской по моему адресу грубые замечания. Сквозь зубы то и дело цедил: «Не смотрите мне в лицо, вы мешаете думать», «Не улыбайтесь», «Не крутите креслом». А во время 12-й партии он вскакивал с места и громко выкрикивал разные непристойности. К нему подошел арбитр и, успокаивая, будто ребенка, погладил по плечу. Но мне такое поведение противника уже надоело. Я подал протест в апелляционное жюри, попросил обратить внимание арбитров на необходимость своевременного принятия мер, предусмотренных шахматными законами и нормами спортивной жизни. Ведь еще в 1979 году на заседании бюро ФИДЕ в австрийском городе Граце, когда подводились итоги матча в Багио, в решении было записано: «Мы должны осудить преднамеренные действия и поступки, совершенные претендентом во время чемпионата мира, которые не соответствуют спортивной этике и правилам общественного поведения и наносят ущерб достоинству и престижу ФИДЕ».

И что же? В Мерано Корчной продолжал безнаказанно творить свои выходки. А руководитель его делегации швейцарский адвокат А. Бродбек, вместо того чтобы осудить действия своего «подзащитного», довольно беззастенчиво заявил, что такое поведение претендента является апробированным методом давления на соперника, что он и впредь будет прибегать к таким же действиям.

Апелляционное жюри — Глигорич (Югославия), Кинцель (ФРГ), Принс (Голландия) — единодушно осудило поведение Корчного и по предложению Кинцеля приняло решение — предупредить претендента о недопустимости

его действий и в случае их повторения он будет оштрафован на 15 тысяч швейцарских франков.

Корчной «обжаловал» это решение и даже написал личное письмо на имя президента ФИДЕ Олафссона. С протестом в соответствующие органы ФИДЕ он не решился обратиться, ибо еще раньше было принято решение о «залоге», то есть о том, что сторона, обратившаяся с апелляцией в жюри или к арбитрам, предварительно вносит денежный залог, который возвращается ей, если апелляция будет принята, и не возвращается, если апелляцию отвергнут...

Интересно отметить, что, обращаясь к президенту, Корчной оспаривал не мой протест против его неспортивного поведения, а только правомерность решения жюри о введении денежного штрафа!

Президент не занял четкой позиции, однако Корчной, не будучи уверенным, чью сторону примет Олафссон в следующем споре, был вынужден «прикусить язык».

Обстановка в зале несколько нормализовалась, однако мадам Лееверик и здесь не осталась без дела и мобилизовала каких-то молодчиков, которые устроили «демонстрацию» перед входом в зал конгрессов «Сальвар», где игрался наш матч. Они встретили меня непотребными выкриками, антисоветскими лозунгами. На наш протест организаторы матча только руками разводили — это, по их словам, было «свободой выражения взглядов» в «свободной» стране, и ничего поделать с этими молодчиками они не могли, тем более что «демонстрация» проводилась за пределами их территории.

Могу только сказать, что таких выступлений моим противникам удалось организовать немного. А большинство местных жителей, особенно молодых, выражали симпатию в мой адрес. Они всегда, где бы я ни был, подходили ко мне с теплыми словами, просили автографы. Несколько раз я видел плакатики, где по-русски было написано: «Карпов — скорей побеждай!»

5 ноября состоялась тринадцатая партия. Мы разыг-

рали редкий вариант ферзевого гамбита, который в матчах на первенство мира в последний раз встретился в 1963 году между Ботвинником и Петросяном.

Корчной во время этой партии избрал новую тактику «психологического» давления, он постоянно убегал в свой «закуток», выделенный ему для отдыха, и просиживал там даже во время обдумывания своего очередного хода. Не могу даже сейчас сказать, действовало на меня это или нет. Вроде я оставался спокойным, но какое-то раздражение все-таки появлялось. Да и моя позиция мне не нравилась, потом вдруг мной овладела такая апатия, что совсем не захотелось думать...

Понимая, что в подобном состоянии играть дальше нельзя, я искусственно обострил игру и нанес противнику энергичный комбинационный удар. Это меня на некоторое время встряхнуло, и я заиграл активнее.

К сожалению, этой встряски хватило ненадолго. На 29-м ходу надо было объявить конем шах (Kh4), и он гарантировал бы меня от последующих неприятностей. Но я пошел слоном (Ce7) и через три хода попал в трудное положение, пришлось отдать ферзя за ладью и легкую фигуру. Потом еще понес потери, и, хотя отложил партию, доигрывать ее не имело смысла.

Этим проигрышем я был ужасно огорчен. И не столько потерей очка, такие потери в матче неизбежны, да и счет в мою пользу 4 : 2 не давал еще повода для расстройства, сколько тем, что проиграл партию накануне нашего большого праздника — 64-й годовщины Октября. Я понимал, что этот проигрыш плохой подарок болельщикам.

На меня же поражения порою сильно действуют, однако не ухудшают, а, наоборот, поднимают настроение, обостряют спортивную злость.

Но все же на этот раз я решил сначала отвлечься, отдохнуть от шахмат и взял тайм-аут. Небольшой группой мы отправились на экскурсию в Венецию. Любова-

лись городом на воде, его знаменитыми каналами, осматривали музеи. На обратном пути «домой» побывали в Вероне, где жили когда-то герои Шекспира.

7 ноября по центральному итальянскому телевидению показывали парад на Красной площади в Москве. В этот день я получил подарок — букет из 64 ярко-красных гвоздик — от окружного комитета Итальянской коммунистической партии. В Мерано на мой адрес пришли десятки поздравительных писем и телеграмм. Все выражали надежду на мою скорую победу...

С хорошим настроением сел я за шахматный столик 10 ноября. Мы с тренерами поработали на совесть и решили предложить сопернику продолжить дискуссию в открытом варианте испанской партии. Первые десять ходов мы оба сделали в быстром темпе. Но вот я, как было задумано, отошел от «наигранного» начала, и претендент сбавил темп — он задумался, а после моего 13-го хода Ке4 совсем «заснул» — просидел в раздумье 78 минут. Это был рекорд! Однако долгое раздумье не привело к усилению позиции черных. Я же организовал давление на его короля и предложил сопернику в жертву коня. Корчной мою жертву не принял. Наступил цейтнот. У Корчного на 10 ходов оставалось только 5 минут. Я повел в решающую атаку на черного короля свои пешки. Успев сделать 40-й ход, мой соперник мог убедиться, что положение его безнадежно, но он продолжал бессмысленное сопротивление и даже сумел отложить партию — видимо, не желая присутствовать при аплодисментах в мой адрес.

Доигрывание не состоялось. Счет стал 5 : 2.

После поражения в 14-й партии претендент в последующих трех «спускал пары» — даже играя белыми, не шел на обострение, стремился к разменам. В этом отношении особо примечательной была 17-я партия, оказавшаяся самой короткой в матче — всего 23 хода.

Для себя я считал эти партии как бы разбегом для решающего прыжка. В нечетных — 15-й и 17-й, когда

играл черными, не стремился к осложнениям, но и не допускал, чтобы противник широко пользовался инициативой, которую предоставляло ему право первого хода.

В 16-й, где я играл белыми, «давил» его, но не рвался изо всех сил. И когда убедился, что ничего большего не добьюсь, согласился на ничью.

И вот наступил день 18-й партии. Многие почему-то были уверены, что она окажется последней. У меня настроение было боевое! Я видел, чувствовал, что противник если не сломлен, то подавлен...

Видимо, это чувствовали не только мои друзья, большой зал «Сальвар» был в этот день переполнен. Многие зрители стояли — сидячих мест не хватило.

Мы с тренерами постарались и приготовили сюрприз претенденту в испанской партии. Я «преподнес» его сопернику на 13-м ходу. До этого мы быстро разыграли начальную часть партии, и Корчной надеялся довести ее до 15-го хода 16-й встречи, где он нашел хорошую контригру. Однако я его опередил и вместо 13. Ке4 сыграл пешкой — а4.

Над ответом Корчной думал 50 минут. Но на этот раз контригры так и не нашел. Я получил ощутимое преимущество и несмотря на размен ферзей не ослаблял давления на позицию черных. Вперед пошли мои центральные пешки, а ладья ворвалась на седьмую горизонталь и начала свою сокрушительную работу... Корчной упорно защищался, но ничего существенного сделать не смог. Мне даже показалось, что он ни на что уже не надеялся, а только стремился к одному — доиграть до 40-го хода, чтобы отложить партию и не присутствовать при моей «коронации». Это ему удалось. Партия была отложена в безнадежном положении черных.

Доигрывать эту партию мой соперник не стал. Сообщив главному арбитру, что сдает ее, он быстро покинул Мерано. А я, довольный, возвращался «домой», хороший подарок преподнес сыну ко дню его рождения — 21 ноября ему исполнилось 2 года!

Итак, закончился наш третий матч с Корчным. Победа на этот раз была более чем убедительной. Если в Багио матч продолжался 93 дня и мы сыграли 32 партии, то в Мерано всего 50 дней и победа пришла в 18-й партии. Если там счет был 6 : 5, то здесь 6 : 2.

Я с чувством выполненного долга послал телеграмму Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Леониду Ильичу Брежневу: «Наказ Родины выполнен, звание чемпиона мира по шахматам сохранено за нашей страной».

В тот же день получил ответную телеграмму:

«Дорогой Анатолий Евгеньевич! — писал Леонид Ильич. — Благодарю Вас за телеграмму. Мне доставляет большое удовольствие вновь, как и три года назад, горячо и сердечно поздравить Вас с замечательным успехом — завоеванием звания чемпиона мира по шахматам. Советские люди с огромным вниманием следили за Вашей игрой и с глубоким удовлетворением восприняли сообщение о Вашей победе. Приятно отметить, что в сложном и ответственном поединке Вы проявили высокое творческое мастерство, подлинный советский характер, выдержку и самообладание, еще выше подняли славные традиции отечественной шахматной школы.

Желаю Вам доброго здоровья, счастья и новых побед во славу нашей социалистической Родины».

На следующий день мне сообщили о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР я награжден орденом Ленина. Были награждены и мои товарищи — члены нашей дружной спортивной делегации. Без помощи и поддержки друзей, я думаю, была бы невозможна столь быстрая и убедительная победа...

После возвращения в Москву из Мерано я отдыхал от шахмат. Но в данной ситуации слово «отдых» понятие весьма относительное. «Перегрузки» были, прямо скажем, космические, особенно в первые дни после приез-

да, — приемы, встречи, выступления по радио, телевидению, в газетах, перед многочисленными болельщиками. Немало дел накопилось и в редакции журнала, от издателей получил предложение о новой книге.

К неудовольствию родных, я опять редко бывал дома. Особенно расстроена была мама, жаловалась, что даже поговорить со мной не может: все я куда-то спешу, все мне некогда. Да и сынишка активно выражал свое неудовольствие, почему папа не играет с ним в игрушки...

Но и такой «отдых» оказался непродолжительным. Уже на начало февраля было намечено мое участие в международном турнире в аргентинском городе Мардель-Плата.

По дороге туда я побывал в Париже и выступил с лекцией о шахматах в ЮНЕСКО, там же дал сеанс одновременной игры для работников этой международной организации. В пути узнал о присвоении мне журналистами восьмого «Оскара».

Выступление в Аргентине опять не было для меня удачным: во второй раз играл я в этой стране и не добился победы, а поделил 3—5-е места с Полугаевским и американцем Сейраваном, пропустив вперед Тиммана и Портиша. Тимман сегодня в «табели о рангах» Арпада Эло стоит вторым после меня, оттеснив Корчного (мой рейтинг на 1 января 1982 года 2720, Тиммана — 2655, Корчного — 2645), а Лайош Портиш не раз уже выступал в качестве претендента на шахматную корону. Так что уступить таким именитым соперникам не столь уж было зазорно. Однако я опять уже слышал нарекания некоторых, особо рьяных болельщиков: а почему не первый?

Да потому что, это я уже не раз пояснял, все время быть первым невозможно. Кроме того, ведь было очень трудно быстро перестроиться от матча к турниру и психологически и тактически. Психологически — потому что в матче на первенство мира совсем другая ответ-

ственность, чем в простом турнире, да и соперник все время один и тот же. Тактически — в турнире с более слабыми соперниками иногда, чтобы выиграть, надо идти на риск, что почти исключено в матче. Еще добавлю, что, видимо, не успел хорошо отдохнуть и восстановить силы. Хотя внешне чувствовал себя хорошо и даже начинал скучать по шахматам.

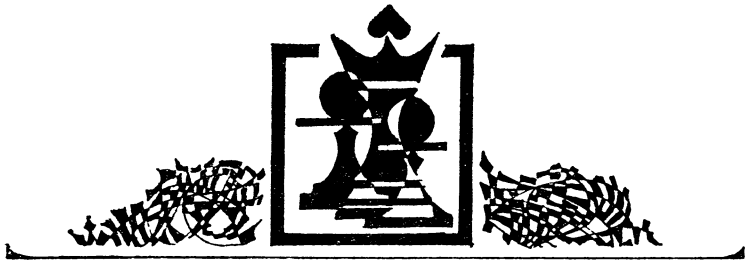
Не могло не сказаться на моей форме и то обстоятельство, что я все эти два месяца после матча в шахматы не играл — много выступал с рассказами о прошедшем матче (приглашений было так много, что приходилось кое-кому отказывать), а потом несколько дней еще и болел — простудился...

Но из результатов аргентинского турнира я не делаю трагедии, не собираюсь отказываться от своих слов, что буду играющим чемпионом.

ОТ РЕДАКЦИИ

Когда эта книга готовилась к изданию, стало известно, что Анатолий Карпов избран делегатом XIX съезда ВЛКСМ, а потом пришло сообщение из Лондона — Анатолий Карпов вместе с Ульфом Андерссоном стал победителем крупного международного турнира, опередив Сейравана, Портиша, Тиммана, Любоевича, Майлса, Спасского и других гроссмейстеров и мастеров.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Информация, даже самая щедрая, не может гарантировать успеха, обеспечить и кругозор и глубину. Подготовка современного шахматиста должна быть всесторонней. В нее входят и самостоятельные исследования, и изучение классиков.

Последнее особенно плодотворно. Тут нельзя себя лимитировать, говорить себе: это я уже знаю. Каждое прочтение несет новое видение. Так, изучив в школе «Евгения Онегина», я считал, что знаю и помню его достаточно хорошо, но стоило обратиться к роману спустя два-три года, как я открыл для себя совсем новые ощущения и мысли, вошел в новый для себя мир. Не сомневаюсь, и сегодняшнее чтение этого романа обогатило бы снова.

Точно так же во мне живет последнее время желание пересмотреть всего Капабланку. Я все его партии знаю, но было это давно, по ним я учился играть в шахматы, не раз потом возвращался к отдельным его партиям, сейчас хочу проследить последовательно весь его жизненный и творческий путь, понять за доской причины и следствия изменения его идей и взглядов.

Такого же внимания требуют и Ласкер и Алехин. И вообще я сейчас не смог бы сказать ни об одном из классиков: он устарел и уже не нужен, потому что каждый из них был по-своему оригинален. Скажем, творчество такого далекого от нашего времени и наших шахмат художника, каким был Морфи, поучительно уже потому, что он чувствовал гармонию фигур и объекты атаки, а

умение переходить от атаки к позиционной игре и по сегодняшним меркам у него превосходное. Атакуя, он завоевывал преимущество, а затем воплощал его в победу неострокомбинационным путем. Это очень серьезная черта, отличившая его от других современников. У него можно поучиться и блестящему чутью инициативы, за которую он с готовностью отдавал фигуры, не говоря уже о пешках.

Во времена Андерсена расцвели романтические шахматы: в жертве видели главную красоту, отказ принять жертву расценивали за трусость. По сути, в шахматах неписано существовало шашечное правило: если я жертвую — противник обязан брать. Это была чистая игра. Но когда явился Стейниц, привнеся в игру новую глубину, разработав законы позиционной игры и выявив ее красоту, характер шахмат изменился. Следующими были изменения, намеченные Алехиным, но внедренные и развитые Ботвинником, — научный подход к шахматам.

Прежние корифеи — Ласкер и в особенности Капабланка — почти не изучали дебютов. Они были настолько гениальны — и знали это, — что могли справиться за доской с любой неприятностью. И доказывали это на практике. Самый яркий пример: когда Капабланка встретился за доской с гениальным изобретением Маршала — его контратакой в испанской партии, — он разобрался в тонкостях и сделал ход, который и сегодня считается одним из сильнейших.

Но уже Алехин много работал дома. Целый ряд известных партий он выиграл, прямо с дебюта захватывая противника в заготовленные дома тиски. А хватка у него была крепкая: поймав, он уже не выпускал свою жертву.

Ботвинник именно в этом направлении и стал работать. Научный подход в шахматах у него постепенно утвердился на первом плане. По-моему, он не занимался дома такими вопросами, как, скажем, новый ход или новая идея где-нибудь на пятнадцатом ходу в каком-то варианте. Он разрабатывал целые системы. Это было его счастье: шахматы во многом были еще целиной, и он шел по ним «первым плугом». А сегодня нам приходится довольствоваться новинками на двенадцатом-пятнадцатом ходу Не всегда и до этого дойдешь!

Ботвинник мог себе позволить делать большие перерывы, не играть подолгу, скажем, отойти от шахмат на год и заняться научной работой. Он и вообще-то не много играл. Сейчас шахматист не может себе этого позволить. Переработка информации и собственные изыскания — это одно, а вот если с полгода не поиграешь, начинаешь ощущать свою ущербность. Возникает ощущение какой-то потери, утраты уверенности в себе, словно надо что-то начинать, а что и как — неясно. Потому и стремятся шахматисты играть в соревнованиях более или менее регулярно. Работают дома все, но теперь этого недостаточно.

Ботвинник положил начало серьезному спортивному подходу к шахматам. Что это означает? В прежние времена играли по довольно простой схеме: шахматист задумал идею и проводит ее в жизнь, а противник проводит контридею; и, когда выяснилось, чья идея прошла, а кто попал впросак, тем самым выяснялось, кто победитель, а кто побежденный. Суть: идея не прошла — партия проиграна. Сейчас это выглядит смешным, сейчас и учить никого не надо, что, если идея не прошла, срочно мобилизуй другую, играй дальше, но прежде это выглядело именно так. Наши шахматисты стали первыми проявлять упорство в защите. Получив худшую позицию, он продолжает сражаться; провел какую-то идею, но положение еще больше ухудшилось, он все равно сражается, пока противник его не добьет... Это ужесточение борьбы потребовало от шахматистов особой подготовки, чтобы переносить небывалые раньше физические и нервные нагрузки.

Лучше других приспособился к новым условиям Смыслов — чрезвычайно одаренный от природы и как шахматист и как спортсмен. Техника, изящество, стабильность «хладнокровного русса» — пример для всех на долгие годы.

Но после Ботвинника шахматам был необходим Таль — и он явился, огромный, яркий художник. Он пронесся быстрым, ошеломляющим ураганом, расчищая место своему антиподу Петросяну. Шахматные качели уравновесил Спасский — цельный и совершенный универсал. Он одинаково хорошо и атаковал, и защищался, и накапливал позиционное преимущество. Это он создал моду универсальности, которая жива до сих пор.

Если Талю, чтобы стать чемпионом, было достаточно запутать

соперников, ошеломить их, жертвовать и жертвовать (Петросян тоже умел комбинировать, но сдерживал свой дар, играя чисто позиционно), то сейчас, чтобы добиться больших успехов, этого мало. Нужно делать все достаточно хорошо (не имея явных изъянов) плюс к тому уметь что-то делать прекрасно.

При Петросяне и Спасском шахматы «помягчели». Шахматисты позволяли себе передышки и в ходе партии и в соревновании. И тут явился Фишер и заставил их играть так, как они уже отвыкли: все пять часов в напряженнейшей борьбе. Этого не ждали. Возможно, именно этим главным образом и объясняются разгромы, которые терпели от Фишера большие шахматисты.

Фишер вернул шахматам остроту, еще более ужесточил их, довел спортивную сторону до предела: борьба до «голых» королей. Он еще выше поднял универсализм, демонстрируя удивительную технику реализации преимущества, прекрасную комбинационную и позиционную игру. Но наиболее характерна для него была именно спортивная закваска: использование в борьбе всех шансов до последнего.

Сейчас шахматы развиваются еще быстрей. Многие турниры дают богатый материал для анализа. Идет не просто накопление материала, но и одновременное переосмысление его. На наших глазах происходит переоценка вариантов и целых систем. Прежде игрались одни варианты, потом шахматная теория продвинулась, и выяснилось, что любимые схемы теперь применять непросто; скажем, черные научились уравнивать прежде опасные позиции, а в других, где черные чувствовали себя превосходно, им приходится теперь так тяжело, что лучше их и не пытаться играть. Поэтому шахматисты вынуждены все время искать что-то новое, менять дебютные системы и варианты.

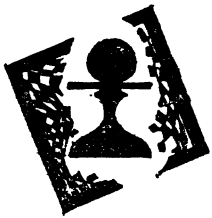
Стал очень важен элемент психологии в шахматах, особенно в матчах. Понять себя, подыскать ключи к противнику, уметь использовать знание и себя и противника в конкретных ситуациях на шахматной доске. Где-то уйти от сильнейшего продолжения, но зато загнать противника в позицию, которую он не любит разыгрывать. И чем дальше, тем больший вес в шахматах будет приобретать это умение.

* * *

Советская шахматная «пирамида» огромна. У основания ее популярные всесоюзные соревнования пионеров и школьников. Учить шахматам как науке и искусству у нас умеют. Но, может быть, пора сделать акцент на третьем звене? Не только наука и искусство, но и спорт. Значит, мужество, решительность, упорство, трудолюбие — вот что нужно воспитывать у наших ребят одновременно с обучением их «видению доски» и счету вариантов. Чтобы потом, когда они выйдут на уровень всемирных шахмат, Родина могла гордиться ими. И положиться на них.

Хочу верить, что рядом со мною, разделенные только шахматной доской, очень скоро окажутся мои ровесники и молодые единомышленники соотечественники. Они примут участие в соревнованиях лучших гроссмейстеров мира, и не только в межзональных турнирах, но и в претендентских матчах. Пора, пора принимать эстафету у нашего прославленного старшего поколения!

Ну а я? Я привык много работать и в этом вижу радость жизни. Мне надо готовиться, ведь завтра снова в бой!

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Пять страниц «о счастье» . . . 3
Глава I. ПЕРВЫЕ ШАГИ 8
Глава II. ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ 35
Глава III. НЕОЖИДАННО КОРОТКАЯ ДОРОГА К ВЕРШИНЕ 58
Глава IV. ТЯЖЕЛА ТЫ, ШАПКА МОНОМАХА . . 96
Глава V. ПО ПОРУЧЕНИЮ КОМСОМОЛА... . . . 144
Глава VI. ЭТО БЫЛО В БАГИО 162
Глава VII. А ЗАВТРА СНОВА В БОЙ... 213
Вместо заключения 235

Фотографии **Д. Донского, В. Кутырева, М. Гершановича, М. Харлампиева, А. Хвостенкова,** фотохроники ТАСС и из домашнего архива Карповых.

ИБ № 3293

Анатолий Евгеньевич Карпов

А ЗАВТРА СНОВА В БОЙ...

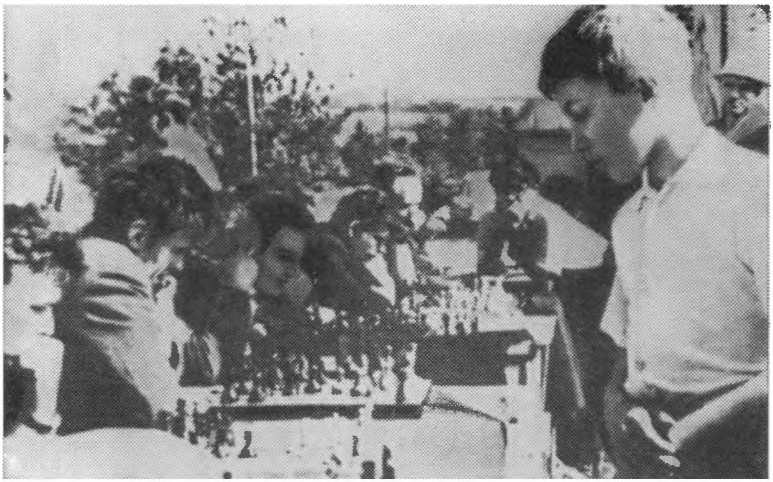
Редактор **Н. Пахомова, В. Таборко**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **В. Пилкова**
Корректоры **А. Долидзе, В. Назарова**

Сдано в набор 07.04.82. Подписано в печать 05.05.82. А02236. Формат 70×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 10,5+0,7 вкл. Учетно-изд. л. 11,9. Тираж 100 000 экз. Цена 90 коп. Заказ 588.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Чемпион мира среди юношей. 1969 год.

Юный Толя Карпов дает сеанс одновременной игры взрослым шахматистам. Тула. 1966 год.

Евгений Степанович, Нина Григорьевна, Толя и сестра Лариса.

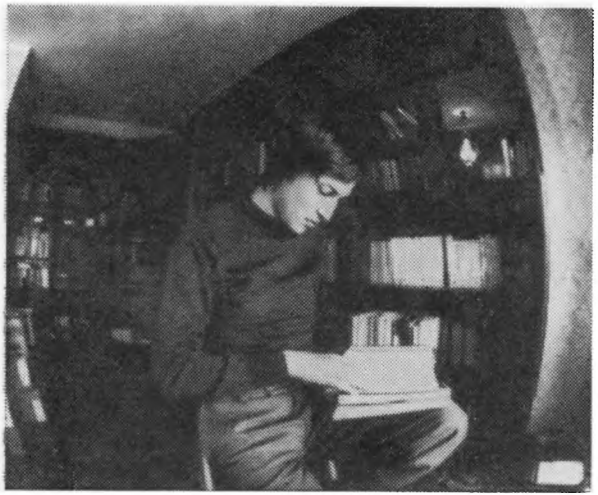
«Белая ладья» в «Артеке».

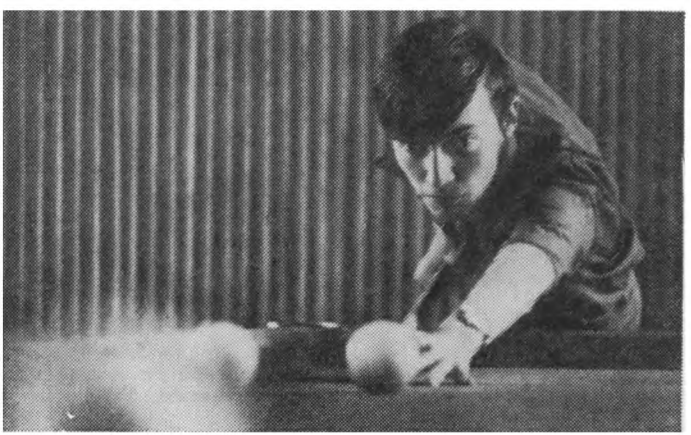
Тренер и друг, верный наставник — Семен Абрамович Фурман.

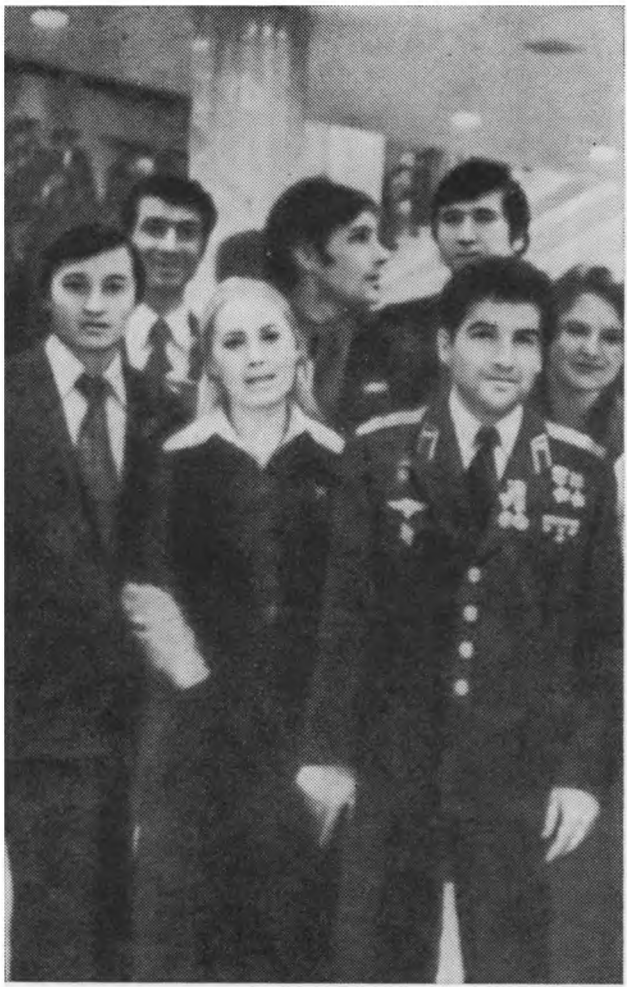

Президент ФИДЕ доктор Макс Эйве вручает Анатолию Карпову первую золотую медаль чемпиона мира по шахматам. Москва. 1975 год.

А. Карпов: «Очень люблю читать. Люблю все виды игр...»

Анатолий Карпов — член ЦК ВЛКСМ. Вот он среди делегатов XVIII съезда комсомола.

Багио. 1978 год. Сражение за шахматной доской началось.

Советская спортивная делегация в Багио.

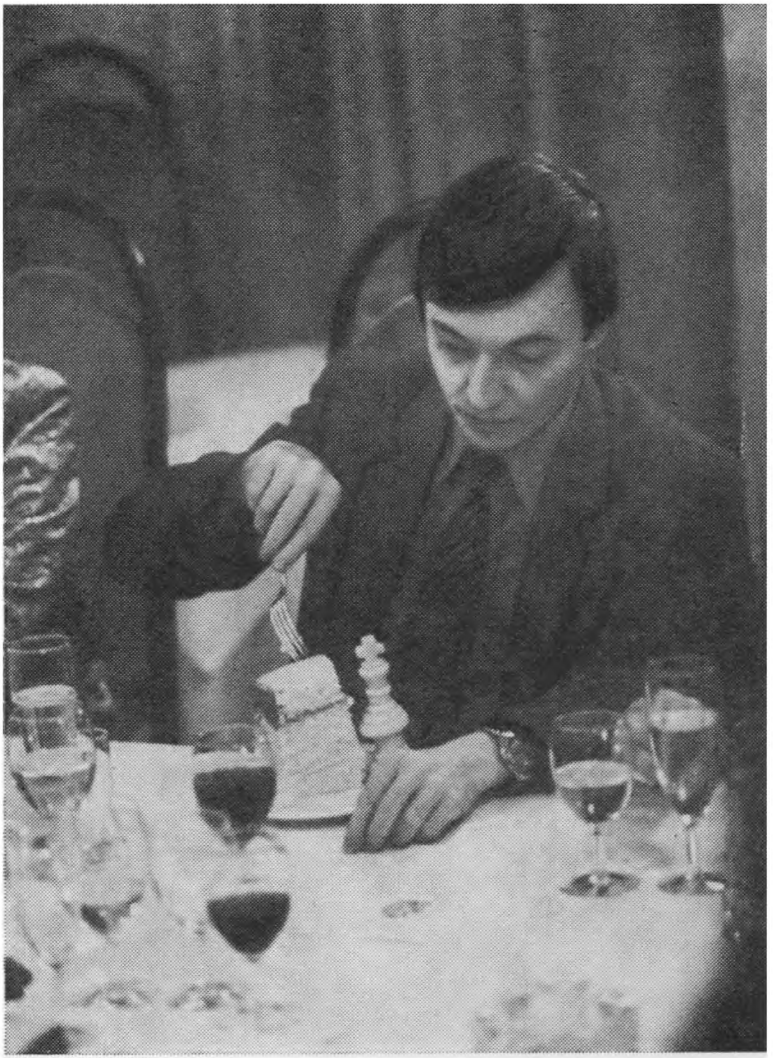
Председатель Шахматной федерации СССР В. И. Севастьянов и чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов на связи с космическим экипажем станции «Салют-6».

Мерано, Италия. 1981 год.

«Сладкие шахматы» — торт для победителя...

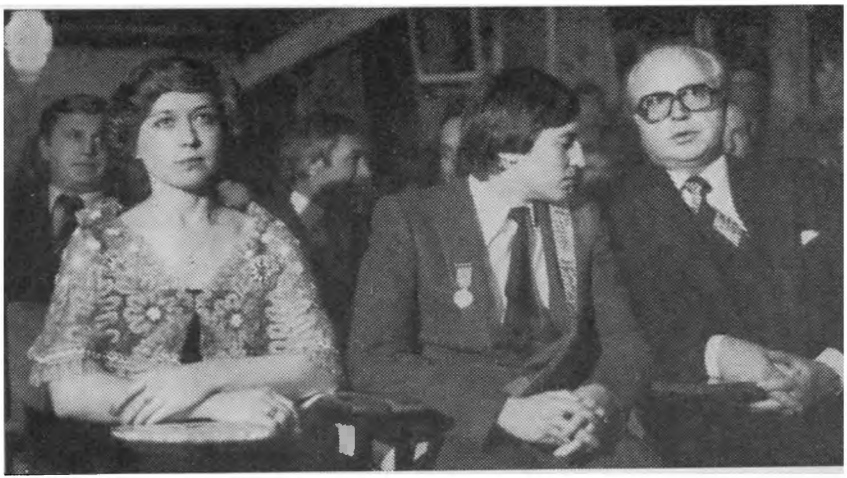

HWELTMEIS
SCH
SPARK

Президент ФИДЕ Фридрик Олафссон провозглашает Анатолия Карпова трехкратным чемпионом мира.

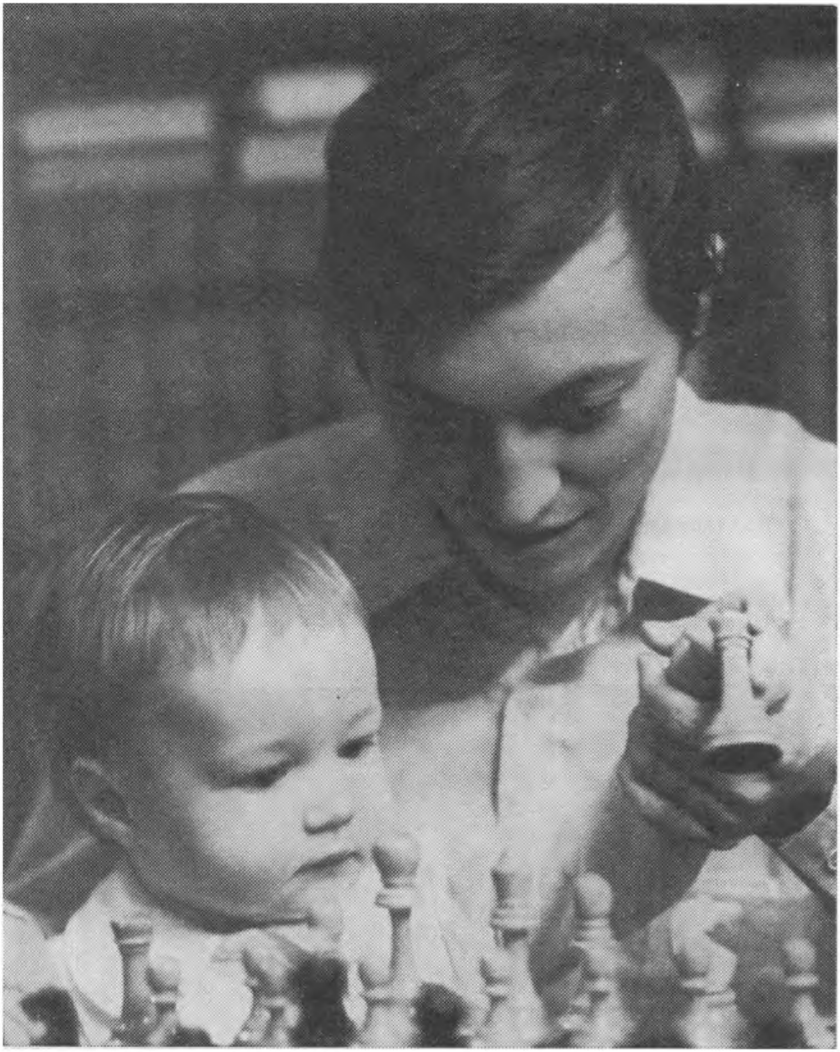
Чемпиону вручается Большой приз.

На торжественном закрытии матча в Мерано.

Первые автографы на советской земле — пограничникам.

Анатолий Карпов-старший и Анатолий Карпов-младший.

90 коп.

СПОРТ И ЛИЧНОСТЬ

КАРПОВ АНАТОЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, трехкратный чемпион мира по шахматам, член ЦК ВЛКСМ, председатель Советского фонда мира, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, заслуженный мастер спорта СССР.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ